

ISSN 2072-8530 (print)
ISSN 2310-7227 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

ФИЛОСОФСКИЕ
НАУКИ

УРОВНЕВАЯ СТРУКТУРА ОБЪЕКТИВНОЙ
И СУБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОБРАЗНОЕ И РАЦИОНАЛЬНОЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МИРА В МИФОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

В ПОИСКАХ ЛОГОСА: Н. А. ВАСИЛЬЕВ И П. А. ФЛОРЕНСКИЙ

2022 / № 4

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8530 (print)

2022 / № 4

ISSN 2310-7227 (online)

серия

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.7.1 – Онтология и теория познания (философские науки); 5.7.2 – История философии (философские науки); 5.7.6 – Философия науки и техники (философские науки); 5.7.7 – Социальная и политическая философия (философские науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) on the following scientific specialties: 5.7.1. – Ontology and theory of cognition (philosophical sciences); 5.7.2. – The history of philosophy (philosophical sciences); 5.7.6. – The philosophy of science and technology (philosophical sciences); 5.7.7. – Social and political philosophy (philosophical sciences).

ISSN 2072-8530 (print)

2022 / № 4

ISSN 2310-7227 (online)

series

PHILOSOPHY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета.

Серия: Философские науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Бондарева Я. В. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный областной университет

Заместитель главного редактора:

Губман Б. Л. — д-р филос. наук, проф., Тверской государственный университет

Ответственный секретарь:

Майкова В. П. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (Мытищинский филиал)

Члены редакционной коллегии:

Беркут В. П. — д-р филос. наук, проф., Военная академия РВСН им. Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации;

Виноградов А. И. — д-р филос. наук, проф., Мурманский арктический государственный университет;

Дёмина Л. А. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина;

Евстифеева Е. А. — д-р филос. наук, проф., Тверской государственный технический университет;

Ильин В. В. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана;

Кондаков А. М. — д-р пед. наук, проф., член-корреспондент Российской академии образования, Институт мобильных образовательных систем (ИМОС);

Костадинович Д. — д-р наук, доц., Университет Ниша (Сербия);

Кравченко В. В. — д-р филос. наук, проф., Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет);

Купц Т. — д-р философии, проф., Университет Николая Коперника (Польша);

Курабцев В. Л. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный областной университет;

Лебедев С. А. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;

Митио М. — д-р наук, почётный профессор, Университет Тиба (Япония);

Михалкин Н. В. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный психолого-педагогический университет;

Песоцкий В. А. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный областной университет, научный руководитель журнала;

Синенко В. Я. — д-р пед. наук, проф., академик Российской академии образования, Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования;

Янич М. — д-р наук, проф., Университет Ниша (Сербия)

ISSN 2072-8530 (print)

ISSN 2310-7227 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по вопросам онтологии и теории познания, истории философии, философии науки и техники, социальной и политической философии.

Журнал адресован преподавателям высшей школы, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется вопросами философии.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-73345.

Индекс серии «Философские науки»

по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40724.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.philosmgou.ru; www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на журнал обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. — 2022. — № 4. — 110 с.

© МГОУ, 2022.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.philosmgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

Founder of the journal "Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy"
Moscow Region State University

_____ Issued 4 times a year _____

Editorial board

Editor-in-chief:

Ya. V. Bondareva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow Region State University

Deputy editor-in-chief:

B. L. Gubman – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Tver State University

Executive secretary of the series:

V. P. Maikova – Dr. Sci. (Philosophy), Mytischki Branch of Bauman Moscow State Technical University

Editorial board:

V. P. Berkut – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Peter the Great Military Academy of the Strategic Missile Forces of the Ministry of Defence of the Russian Federation;

A. I. Vinogradov – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Murmansk Arctic State University;

L. A. Demina – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Kutafin Moscow State Law University;

E. A. Evstifeeva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Tver State Technical University;

V. V. Ilyin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Bauman Moscow State Technical University;

A. M. Kondakov – Dr. Sci. (Education), Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Mobile Educational Systems;

D. Kostadinović – PhD, Assoc. Prof., University of Niš (Serbia);

V. V. Kravchenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow Aviation Institute (National Research University);

T. Kupsch – Doctor of Philosophy, Prof., Nicolaus Copernicus University (Poland);

V. L. Kurabtsev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow Region State University;

S. A. Lebedev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Lomonosov Moscow State University;

M. Mikoshiba – PhD, Honored Professor, Chiba University (Japan);

N. V. Mikhalkin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow State University of Psychology and Education;

V. A. Pesotsky – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow Region State University, Scientific Consultant;

V. Ya. Sinenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Academician of the Russian Academy of Education, Novosibirsk Teachers' Upgrading and Retraining Institute;

M. Janjić – Doctor of Philosophy, Prof., University of Niš (Serbia)

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy" is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists, including but not limited to ontology, theory of cognition, history of philosophy, philosophy of science and technology, and social and political philosophy.

The journal is addressed to university teachers, doctoral students, postgraduate students, and anyone interested in philosophy.

The journal "Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73345).

The subscription index of the "Philosophy" series is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's sites (www.philosmgou.ru; www.vestnik-mgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy. – 2022. – no. 4. – 110 p.

© MRSU, 2022.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

Phone: +7 (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.philosmgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

- Костадинович Д., Бондарева Я. В.* Эмоционально-образное и рациональное представление мира в мифологии и философии 6
- Лебедев С. А.* Уровневая структура объективной и субъективной реальности 12

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

- Прядко И. П.* В поисках логоса: Н. А. Васильев и П. А. Флоренский 20

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

- Алёхина Е. В.* Эволюционная и креационная картины генезиса Земли в советской и постсоветской философии 32

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Евстифеева Е. А., Черней В. В.* Смысловые особенности концептов *террор* и *хоррор* ... 43
- Зенов Е. В.* Понятия «толерантность» и «политкорректность» в российском образовательном дискурсе 52
- Ильин В. В.* Россия – Украина: славянское братство... *Caput nili quaerere*. 58
- Молчан Э. М., Гавва Р. В., Янгез Д. И.* Аксиологический футуризм как вектор развития современного общества. 74
- Платонова С. И.* Большие данные и организация социального контроля в цифровом обществе. 81
- Троепольский А. Н.* Проблемы войны и мира с позиций православия как науки. 92

РЕЦЕНЗИИ

- Ивлев В. Ю., Оселедчик М. Б.* Новая фундаментальная монография по философии науки. Рецензия на книгу: Лебедев С. А. Философия и методология науки. М.: Академический проект, 2021. 626 с. 101

CONTENTS

ONTOLOGY AND THEORY OF COGNITION

- D. Kostadinovic, Ya. Bondareva.* Emotional-Figurative and Rational Representation of the World in Mythology and Philosophy. 6
- S. Lebedev.* The Level Structure of the Objective and the Subjective Reality. 12

HISTORY OF PHILOSOPHY

- I. Pryadko.* The in Search of Logos: N. A. Vasiliev and P. A. Florensky 20

PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

- E. Alyokhina.* Evolutionary and Creative Pictures of the Earth Genesis in Soviet and Post-Soviet Philosophy 32

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

- E. Evstifeeva, V. Cherney.* Sensitive Features of *Terror* and *Horror* Concepts 43
- E. Zenov.* Terms “Tolerance” and “Political Correctness” in Russian Educational Discourse . . . 52
- V. Ilyin.* Russia – Ukraine: Slavic Brotherhood... Caput Nili Quaerere. 58
- E. Molchan, R. Gavva, D. Yangez.* Axiological Futurism as a Vector of Modern Society Development 74
- S. Platonova.* Big Data and the Organization of Social Control in the Digital Society 81
- A. Troepolsky.* Problems of War and Peace from the Position of Orthodoxy as a Science. 92

REVIEWS

- Ivlev V. Yu., Oseledchik M. B.* A New Fundamental Monograph on the Philosophy of Science. Book Review: Lebedev S. A. Philosophy and Methodology of Science. Moscow, Akademicheskiiy Proekt Publ., 2021. 626 p. 101

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 101+165.9

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-6-11

EMOTIONAL-FIGURATIVE AND RATIONAL REPRESENTATION OF THE WORLD IN MYTHOLOGY AND PHILOSOPHY

D. Kostadinovich¹, Ya. Bondareva²

¹ University of Niš

Univerzitetskigr 2, Niš 18106, The Republic of Serbia

² Moscow Region State University

ul Veri Voloshinoy 24, Mytishi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To reveal the properties of consciousness in the aspect of interpersonal group representation of people about the world around them. To determine the functions of mythology and philosophy in this process as two parallel forms of consciousness.

Methodology. The work was carried out based on a systematic and interdisciplinary approach using the method of comparative analysis.

Results. It is revealed that mythology creates an emotionally figurative group view of reality, and philosophy creates a rational one. Both forms of consciousness appear since the world is real and is perceived in two ways: emotional-figurative and rational-logical. At the same time, they jointly create a common picture of the universe. Therefore, consciousness, which solves the problems of human perception of the world, allows you to create an understanding of how philosophy, mythology, and religion, as well as science and everyday ideas, describe the universe in which people live.

Research implications. It is substantiated that consciousness is formed on generalizations of private ideas that are created by specific sciences and comprehension of the private experience of everyday life and magic. It also appears as a result of the study of practical skills and personal ideas of people about the world around them.

Keywords: consciousness, mythology, emotions, imaginative thinking, rational knowledge, reality

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОБРАЗНОЕ И РАЦИОНАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МИРА В МИФОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

Костадинович Д.¹, Бондарева Я. В.²

¹ Университет в Нише

18106, г. Ниш, Университетская площадь, д. 2, Республика Сербия

² Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Раскрыть свойства сознания в аспекте межличностного группового представления людей об окружающем мире. Определить функции мифологии и философии в этом процессе как двух параллельных форм сознания.

Процедура и методы. Работа выполнена на основе системного и междисциплинарного подходов с использованием метода сравнительного анализа.

© СС ВУ Костадинович Д., Бондарева Я. В., 2022.

Результаты. Выявлено, что мифология создаёт эмоционально-образный групповой взгляд на действительность, а философия – рациональный. Обе эти формы сознания появляются вследствие того, что мир реален и воспринимается двумя способами: эмоционально-образным и рационально-логическим. В то же время они совместно создают общую картину универсума. Следовательно, сознание, которое решает задачи восприятия мира человеком, позволяет создать понимание того, как философия, мифология и религия, а также наука и обыденные представления описывают универсум, в котором живут люди.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обосновано, что сознание формируется на обобщениях частных представлений, которые создаются конкретными науками и осмыслением частного опыта обыденной жизни и магии. Оно также появляется в результате изучения практических навыков и личных представлений людей об окружающем мире.

Ключевые слова: сознание, мифология, эмоции, образное мышление, рациональное познание, реальность

Introduction

A person exists based on his ideas about the real and imaginary world and its various manifestations. The sum of ideas about it is formed with the help of various individual and group ways of understanding reality. The general picture of the world appears based on every day and artistic ideas, etc. forms of people's ideas, as well as science and magic. It is displayed in such forms of displaying the world as mythology and philosophy.

Mythology gives a general figurative-emotional picture of the environment. Philosophy creates a rational view of it. Nevertheless, both disciplines are the basis for rational reasoning and logical feelings about the universe.

Different representations in mythology and philosophy create different pictures of the world in different ways. But their main task is to create general ideas about the world around man. As a result, mythology and philosophy enable people to create a general picture of the universe, which, first, is based on the extremely general concepts of being and non-being, reflecting the essence of the world [7; 8].

Being and non-being

Extremely general concepts of being and non-being arose in ancient philosophy. At the same time, in ancient Chinese and partly ancient Greek philosophy, there are ideas about the beginning that unites these

categories. In particular, Heraclitus believed that the generalization of views on being and non-being creates ideas about this extremely general concept that determines the development of the world. It is characterized by the fact that, unlike these two ideas about the universe, it is inaccessible to human understanding and precedes the definitions of categories that describe what exists and what does not exist.

The reflection of being a person is rational views of the world that arise in the process of generalizing the ideas of science, magic, everyday, everyday, artistic, etc. ways of perceiving the environment. As a result, the role of philosophy is to unite the ideas of different ways of perceiving the environment. It exists in order to create a system of common views on the universe, and to be that speculative discipline that combines various representations of various forms of consciousness. The concept of being in philosophy is the fundamental basis for all reasoning about reality and the world around us. The mental substance provides individual and group interaction of a person with reality. This is what distinguishes it from mythology, which gives a general figurative-emotional picture of the world.

Being is a mental image of a substance that links together all the components of reality with the help of individual and group forms of cognition. Man's thoughts about him are conceivable ideas about the unity of the world, which are formed because of generalization of

the essential data of various forms of human consciousness. Being is a mental construct that provides epistemological views on the unity of the world for an individual who cognizes the universe and interacts with reality. It is a reflection in the group and individual consciousness of a person of the world in which he exists.

The category of non-existence reflects a person's mental activity, including his consciousness. It mainly appears because of the representation of the world in the mythological, emotional-figurative consciousness, although it exists in the rational ideas of man about the world. Mythological thinking manifests itself in the form of images of non-existence. Rational thinking exists in the form of reasoning about what the sages see in the form of such views as the source of the description of all being. Eastern philosophy in this case considers non-existence from two points of view - mythological and rational ideas about the universe. In this it differs from the ancient Greek systems, which consider the view of the world from the point of view of rational thinking, i.e., philosophy.

The Eastern perception of non-existence is wider, but less promising and does not have that development potential, since it could not overcome the mythological view of it. Such emotional-imaginative thinking allows you to create a more complete picture of the world in comparison with rational ideas about it. But it is more limited and has less potential for development because it includes many heterogeneous objects and phenomena that create a general picture of relationships. It is clumsier in its changes than mental fragments of the world of objects and phenomena, interconnected by clearly defined and logically rationally substantiated connections.

Rational thinking describes a narrower part of the world compared to mythology, but more clearly outlines this fragment of the world and makes it verifiable and verified. Mythology, on the other hand, depicts a heterogeneous world and is limited in verifying its results. As rationalization progresses, philosophy becomes more and more separated from mythology and religion. The number of her

reflections on non-existence becomes less and less. This is since philosophy stands on the rational principles of cognition and gradually gets rid of the sensual-emotional images inherent in previous views of the world.

Consciousness and ideas about the human world

The psyche is a property of a person that allows him to interact with various objects that differ from him. Thanks to the psyche, the individual perceives the world in certain forms. His consciousness, which is a part of this property, makes it possible to create various emotional-figurative and rational ideas about his environment.

The world around man is real. His psyche allows him to perceive the world in which he exists. But he builds his picture with the help of consciousness. It gives the opportunity to know it individually and in groups. Consciousness is a property of a person that allows you to determine everything that is available to a person and establish relationships between them. It makes it possible to distinguish objects and distinguish different representatives of the *Homo sapiens* species from each other.

Consciousness is a property of a person that allows him to perceive and represent reality in certain forms, which are called "knowledge of the world". It is a part of the psyche that creates not only individual perception, but also group forms of cognition of the environment.

Human consciousness manifests itself in the individual perception of the universe and forms general ideas about it. Such an understanding of it appears based on the correlation of various images of the world of other people. It makes it possible to create real and imaginary group pictures of the surrounding reality. These images of the universe arise based on the emerging general images and ideas of consciousness. On this basis, ordinary views of the environment, mythology, philosophy, and science appear, which consist of common rational and emotional ideas about the universe [2; 4].

Consciousness is that part of the psyche that forms emotional and individual rational

images that make it possible to create group intersubjective forms of consciousness. These images change in an individual under the influence of general perceptions, and this allows a person to describe the world in which he exists, to realize it with the help of individual and group consciousness.

A person can understand the world in different ways, but cannot describe it arbitrarily, therefore the universe exists, and it is objective. If the objective world did not exist, then the human consciousness would not perceive the environment. The individual would act arbitrarily, and his every action would be right. Nevertheless, a person can make mistakes in his actions and receive negative reactions from the world in which he lives [6].

Since people can make mistakes in their actions, they are forced to create ideas about the universe that allow them to act correctly in it. If an individual acts arbitrarily in the world in which he lives, then he receives various responses from the environment, which can lead him to a transition to various social and physical states (including death).

The role of mythology and philosophy in the perception of the world by man

Consciousness, on the basis of certain views, creates ideas in a person about the universe where he lives. Representatives of the Homo sapiens species cannot construct them individually, since they are common to certain groups of people. To form their group ideas, mythology and philosophy arose, as well as everyday perception of the environment and science, which at a lower, concrete level create general ideas about the world.

Mythology and philosophy are the highest forms of perception of the universe. Mythology is based on figurative-emotional perception, philosophy is based on rational views of the world of representatives of the species Homo sapiens. Non-existence is the common subject of formation of the perception of the world in these disciplines.

In philosophy, the idea arose that the pre-beginning gives rise to everything, including man. What a person perceives with the help of his consciousness becomes being, what is not - non-being.

Man is a part, an element of being. Philosophy claims that a person determines the events of the world with a certain probability, which indicates that he does not fully perceive the existence that exists. The part that is not perceived by a person refers to non-existence. At the same time, it exists and leads to the appearance of various phenomena. But people cannot accurately determine the occurrence of these events and therefore evaluate them in terms of probability.

If the appearance of certain events is since they are recorded by the human consciousness extremely rarely, then he evaluates these events as an accident. This concept reflects those spheres of being that are only sometimes accessible to people for perception and rarely appear in their lives.

The definition and fixation of new events and the establishment of connections between them characterizes the ability of a person to expand his knowledge of the world. This gives the individual the opportunity to constantly create new ideas about the environment in figurative-emotional and rational perception, including in science. Ultimately, this kind of world view is reflected in man by mythology and philosophy, and gives people the opportunity to create a general picture of the universe.

This way of contemplating reality created such a category as freedom. It reflects the fact that people's knowledge of the world is constantly changing and never reflects the deep, fully cognizable essence of the world. Therefore, the world is described by a person arbitrarily, and on this basis, he chooses a certain way of interacting with reality.

Knowledge of the world allows people to expand their views on the being in which they live, and how it is associated with non-being, in which nothing exists for them. It also determines how entities observed by a person pass from existence to non-existence and disappear. At the same time, they appear from non-existence into existence, where they again begin to be perceived by people. A person perceives a significant number of entities into being not only with the help of individual views of the world, but also with the help of group types of consciousness: everyday and ordinary general views of the

world, scientific data, etc. They are generalized and reflected in the ideas of mythology and philosophy about the universe.

The general picture of the universe is created by consciousness, which is a property of the psyche. It makes it possible to create common views of the world, which are manifested in mythology and philosophy. At the same time, human consciousness is described by certain properties created because of the analysis of those pictures of the universe that a person perceives. It is, first of all, determined by its extremely general concepts of the world, such as being and non-being, the reality and reality of the world. Consciousness is formed on generalizations of private ideas that are created by specific sciences and comprehension of the private experience of everyday life and magic. It also appears as a result of the study of practical skills and personal ideas of people about the world around them [1].

Conclusion

Thus, consciousness as a property of a person is defined as an interpersonal group representation of a person about the world around him. It is

born with the help of mythology and philosophy, which are two parallel forms of consciousness. Mythology creates an emotionally figurative group view of reality. Philosophy is rational. Both forms of consciousness appear due to the fact that the world is real and is perceived in two ways: emotional-figurative and rational-logical.

Mythology is a derivative level of perception of reality. It is based on the achievements of various forms of everyday thinking with its characteristic emotional-figurative forms of perception. Philosophy is also a level of perception of reality and is based on a rational generalization of practical skills, sciences and technology [3; 5].

These disciplines are sometimes competing in the human mind. Mythology and religion often oppose philosophy in their views of the world. At the same time, they jointly create a common picture of the universe. Therefore, consciousness, which solves the problems of human perception of the world, allows you to create an understanding of how philosophy, mythology, and religion, as well as science and everyday ideas, describe the universe in which people live.

Статья поступила в редакцию 28.08.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбунов А. С., Мирошкин М. С. Методологические проблемы научных исследований: к вопросу о функциях науки // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов V Международной научной конференции, г. Москва, 26 октября 2021 г. М.: Российский университет транспорта, 2022. С. 106–116.
2. Загребин М. В., Буренков С. В. Наука как сложное социальное явление // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов V Международной научной конференции, г. Москва, 26 октября 2021 г. М.: Российский университет транспорта, 2022. С. 133–145.
3. Загребин М. В., Буренков С. В. О первостихии разумного категориального способа мышления // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов IV Международной научной конференции, г. Москва, 20 ноября 2020 г. / под общ. ред. Г. В. Барановой, Л. В. Блонского, С. Н. Климова. М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2020. С. 140–146.
4. Мирошкин М. С. Животная сторона экономического бытия человека // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2021. № 3 (57). С. 38–47.
5. Мирошкин М. С. Утраченное время экономического бытия человека // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2022. № 1 (59). С. 61–70.
6. Полицинский Е. В., Похоружков О. Ю., Синенко В. Я. Актуальные проблемы отечественного технического образования и возможные пути их решения // Сибирский учитель. 2021. № 6 (139). С. 5–12.
7. Синенко В. Я. Интеграция в преподавании естественных и общественных наук. Поучительные примеры из истории наук // Сибирский учитель. 2011. № 3 (76). С. 8–14.
8. Синенко В. Я., Кондратенко А. П., Буланкина Н. Е. Принцип концептуального взаимодействия в преподавании гуманитарных и естественных наук // Сибирский учитель. 2017. № 4 (113). С. 13–16.

REFERENCES

1. Gorbunov A. S., Miroshkin M. S. [Methodological Problems of Scientific Research: On the Question of the Functions of Science]. In: *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik trudov V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, g. Moskva, 26 oktyabrya 2021 g.* [Philosophical and Methodological Problems of the Study of Russian Society: Proceedings of the V International Scientific Conference, Moscow, October 26, 2021]. Moscow, Russian University of Transport Publ., 2022, pp. 106–116.
2. Zagrebin M. V., Burenkov S. V. [Science as a Complex Social Phenomenon]. In: *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, g. Moskva, 26 oktyabrya 2021 g.* [Philosophical and Methodological problems of the study of Russian society: collection of the V International Scientific Conference, Moscow, November 25, 2021]. Moscow, Russian University of Transport Publ., 2021, pp. 133–145.
3. Zagrebin M. V., Burenkov S. V. [On the Primary Element of a Rational Categorical Way of Thinking]. In: *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik trudov IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, g. Moskva, 20 noyabrya 2020 g.* [Philosophical and Methodological Problems of the Study of Russian Society: Collection of Proceedings of the IV International Scientific Conference, Moscow, November 20, 2020]. Moscow, Russian University of Transport Publ., 2020, pp. 140–146.
4. Miroshkin M. S. [Animal Side of Human Economic Life]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2021, no. 3 (57), pp. 38–47.
5. Miroshkin M. S. [Lost Time of Human Economic Existence]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2022, no. 1 (59), pp. 61–70.
6. Policinsky E. V., Pohorukov O. Yu., Sinenko V. Ya. [Actual Problems of Domestic Technical Education and Possible Solutions]. In: *Sibirskij uchitel'* [Siberian Teacher], 2021, no. 6 (139), pp. 5–12.
7. Sinenko V. Ya. [Integration in Teaching Natural and Social Sciences. Instructive Examples from the History of Sciences]. In: *Sibirskij uchitel'* [Siberian Teacher], 2011, no. 3 (76), pp. 8–14.
8. Sinenko V. Ya., Kondratenko A. P., Bulankina N. E. [The Principle of Conceptual Interaction in Teaching the Humanities and Natural Sciences]. In: *Sibirskij uchitel'* [Siberian Teacher], 2017, no. 4 (113), pp. 13–16.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Костадинович Даниэла – доктор филологических наук, доцент факультета философии Университета Ниша (Республика Сербия);

e-mail: danijela.kosladinovic@filfak.ni.ac.rs

Бондарева Яна Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского государственного областного университета;

e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Danijela D. Kostadinovic – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Faculty of Philosophy, University of Niš (The Republic of Serbia);

e-mail: danijela.kosladinovic@filfak.ni.ac.rs

Yana V. Bondareva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head at the Department, Department of Philosophy, Moscow Region State University;

e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

FOR CITATION

Kostadinovic D., Bondareva Ya. V. Emotional-Figurative and Rational Representation of the World in Mythology and Philosophy. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2022, no. 4, pp. 6–11.

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-6-11

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Костадинович Д., Бондарева Я. В. Эмоционально-образное и рациональное представление мира в мифологии и философии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 4. С. 6–11.

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-6-11

УДК 11+165.2

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-12-19

УРОВНЕВАЯ СТРУКТУРА ОБЪЕКТИВНОЙ И СУБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Лебедев С. А.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова**119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Описать содержание объективной и субъективной реальности, раскрыть их уровневую структуру и показать их соотношение.

Процедура и методы. Сформулировать уровневый подход к описанию объективной и субъективной реальности и обосновать его на материале научного познания.

Результаты. Обоснована необходимость выделения в структуре объективной реальности двух основных уровней: уровня объективных возможностей и уровня его материальной реализации. Первый уровень объективной реальности является более фундаментальным и первичным по отношению к материальной действительности. Обоснована целесообразность выделения в структуре сознания двух основных уровней: нереплексивного уровня (бессознательная и подсознательная информация) и рефлексивного уровня (осознанная информация или знание, получаемое с помощью контролируемых сознанием средств). В свою очередь, рефлексивный уровень сознания и создаваемая им субъективная реальность состоит из четырех уровней: чувственная реальность, эмпирическая реальность, теоретическая реальность и метатеоретическая реальность. Субъективная реальность и все её уровни являются эталонными по отношению к объективной реальности (множеству «вещей в себе», их свойствам и отношениям).

Теоретическая и/или практическая значимость. Показано мировоззренческое и методологическое значение уровневой концепции объективной и субъективной реальности и их соотношения для правильного понимания философского и конкретно-научного познания, их функций и возможностей.

Ключевые слова: знание, научное познание, объективная реальность, субъективная реальность, уровни реальности, философия

THE LEVEL STRUCTURE OF THE OBJECTIVE AND THE SUBJECTIVE REALITY

S. Lebedev*Lomonosov Moscow State University**prosp. Lomonosovskiy 27-4, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To describe the content of the objective and subjective reality, reveal their level structure and show their relationship.

Methodology. To formulate the level approach to the description of the objective and subjective reality and substantiate it on the material of scientific cognition.

Results. The necessity of distinguishing two main levels in the structure of objective reality is substantiated: the level of objective possibilities and the level of its material realization. The first level of objective reality is more fundamental and primary in relation to the level of material reality. The expediency of distinguishing two main levels in the structure of consciousness is substantiated: non-reflexive (unconscious and subconscious information) and reflexive (conscious information or knowledge obtained by means controlled by consciousness). The reflexive level of consciousness and the subjective reality cre-

ated by it consists of four levels: sensory reality, empirical reality, theoretical reality of consciousness and metatheoretical reality. All types of subjective reality are reference in relation to objective reality (a set of “things in themselves”, their properties and relationships).

Research implications. The philosophical and methodological significance of the level concept of objective and subjective reality and their correlation for the correct understanding of philosophical and concrete scientific knowledge, their functions and capabilities are shown.

Keywords: knowledge, scientific knowledge, objective reality, subjective reality, levels of reality, philosophy

Введение. Объективная реальность: двухуровневая модель

Объективная реальность – это то, что находится вне сознания и является предметом человеческого познания. Но это не обязательно только «мир вещей в себе» (Кант), или только мир наблюдаемых сущностей (сенсуализм и эмпиризм), или только мир материальных объектов (объектов, имеющих физические характеристики). Это может быть и мир возможностей, объективных оснований различных материальных объектов. В отличие от материального мира, который наблюдаем, мир возможностей только мыслим. Но последний столь же объективен, как и материальный мир. Более того, материальный мир не может быть ничем иным, как только вещественной реализацией возможного мира. Причём реализацией, независимо от времени, всегда только бесконечно малой части мира возможностей. Мир возможностей в отличие от материального мира является бесконечным, неизменным и тождественным себе. Таким образом, объективная реальность как целое имеет два основных уровня: уровень объективных возможностей и материальный уровень. Очевидно, что это два разных мира. В своё время Платон дал этим двум уровням объективной реальности названия *мир идей* и *мир вещей*. Мир идей, по Платону, это внепространственный и ненаблюдаемый мир всех возможных сущностей, а мир вещей – мир материальных копий своих сущностей. Согласно Платону, отношение между миром идей (сущностей) и миром вещей таково: любая вещь «причастна» к определённой сущности как к своей (идеальной) прарформе, а любая сущность может быть

«присуща» как одной, так и многим вещам. Но сущность (возможность) вещи всегда предшествует ее материальному воплощению, как в логическом плане, так и во временном отношении [1]. Всё сказанное Платоном абсолютно логично, а потому бесспорно и истинно.

Субъективная реальность и её структура

В отличие от объективной реальности субъективная реальность – это сознание, его продукты, свойства и отношения. Субъективная реальность также имеет два основных уровня: нерефлексивный (бессознательный и подсознательный уровень сознания) и рефлексивный (познавательная деятельность сознания, полностью контролируемая им). Нерефлексивный уровень сознания – это прежде всего наследственная, генетическая информация живого организма, перешедшая ему от предков. Большинство реакций, целенаправлений и способностей любого организма с точки зрения, как их количества, так и интенсивности, имеют врождённую, биологическую природу. В частности, именно они во многом определяют потенциал и наиболее вероятные траектории поведения индивида, а также способы его самоутверждения. Иногда в уровень бессознательного включают и подсознательную информацию, имеющуюся у любого человека. Но она может быть и приобретённой им в ходе адаптации к окружающей среде и взаимодействия с ней. Подсознательная информация – это весь жизненный опыт субъекта, который всегда с ним, но который в силу своего огромного объёма ис-

пользуется им лишь частично с помощью сформированных привычек и интуиции. Рефлексивное же сознание и конструируемая им субъективная реальность состоит из четырёх типов: чувственная реальность, эмпирическая реальность, теоретическая реальность и метатеоретическая реальность. Чувственная реальность конструируется сознанием с помощью восприятий, представлений, памяти и продуктивного воображения (Кант). Её элементами являются чувственные модели объектов как «вещей в себе». Элементами эмпирической реальности являются уже абстрактные объекты, создаваемые мышлением на основе абстрагирования отдельных свойств и отношений чувственных моделей и последующего присвоения им также статуса объектов (цвет, свет, масса, энергия, время, пространство и др.). Множество именно абстрактных, а не чувственных объектов, а тем более не материальных, является непосредственной реальностью **эмпирического** уровня сознания. Эмпирическое познание и конструируемая с помощью его средств реальность – это всегда продукт **взаимодействия** чувственного познания и мышления. Кант считал эмпирическое познание и его продукт – эмпирическое знание – результатом такой формы мышления, как «рассудок». Следующий, более высокий тип субъективной реальности по сравнению с эмпирической реальностью – это теоретическая реальность. Теоретическая реальность – это имманентный продукт чистого мышления (мышления не в форме рассудка, а в форме Разума – Кант). Теоретическая реальность – это множество идеальных объектов разного рода. Именно эта реальность является непосредственным предметом научных и философских теорий. Существует четыре основных способа конструирования теоретических объектов: 1) мысленное доведение свойств эмпирических объектов и их значений до логического максимума или минимума, и тем самым превращение их в ненаблюдаемые объекты; 2) чисто конвенциональное их введение по определению; 3) неявное введение через употребление их имён в

аксиомах формализованных теорий; 4) построение производных идеальных объектов из исходных идеальных объектов [1]. Содержание идеальных объектов полностью контролируется мышлением, а потому теоретическая реальность является самой строгой и определённой, а её описание логически доказательным и истинным. Наиболее совершенными областями теоретической реальности являются математика, теоретическая физика, а также некоторые теории других наук (кибернетика, теория систем, теоретическая химия, теория сопротивления материалов, математическая экономика и др.). Благодаря однозначности и количественным свойствам у теоретической реальности появляется возможность быть эталонной реальностью не только по отношению к эмпирической и чувственной реальности, но и по отношению к объективной. Наконец, четвёртым, самым общим типом субъективной реальности является метатеоретическая реальность. Она является конструктивным продуктом наиболее высокого уровня рефлексивного сознания. Его предметом являются уже сами научные теории, а главной функцией – оценка реализации в любой теории таких её необходимых свойств, как непротиворечивость, полнота, доказательность, истинность. Элементами этого уровня субъективной реальности являются: парадигмальные научные теории, общенаучная картина мира, идеалы и нормы научного исследования, философские концепции, универсальные ценности. В идеале метатеоретическая реальность стремится быть такой же строгой, как и теоретическая реальность. Но достичь этого состояния ей не удаётся. Главной причиной являются предельная общность метатеоретического знания и, как следствие, значительная доля ее неопределённости. Отсюда логически неустранимый плюрализм метатеоретических построений. Самое яркое тому подтверждение – многообразие философских концепций.

В отличие от знания объективной реальности знание о субъективной реальности является продуктом не объектной,

а рефлексивной деятельности сознания, направленной на познание и оценку сознанием собственного содержания. Такое знание в отличие от знания об объективной реальности называется знанием о знании. Очевидно, что знание объективной реальности и знание субъективной реальности не могут быть тождественными, ни в плане своего содержания, ни в плане методов своего конструирования. Конструирование сознания своего содержания начинается с постулирования им двух принципов: 1) Я есть Я (принцип единства сознания на основе трансцендентальной апперцепции – Декарт, Кант) и 2) Я не есть не-Я (другой – Фихте). Истинность этих принципов является аналитической и потому не требует эмпирического обоснования. Логическим следствием признания безусловной истинности этих принципов является следующий шаг сознания: введение им онтологической противоположности «Я» (субъективная реальность) и «не-Я» (объективная реальность). Различение субъективной и объективной реальности является абсолютно необходимым условием нормального функционирования сознания как отдельного человека (индивидуального субъекта), так и любой социальной системы (социального субъекта). Это философское положение получило своё фундаментальное обоснование в психологической теории Авенариуса о принципиальной координации, всегда существующей между конкретным субъектом познания и конкретным объектом познания. Одним из логических следствий теории принципиальной координации Авенариуса стало утверждение: без субъекта нет объекта. Сегодня этот принцип принят практически во всех областях научного познания, в том числе в физике (принцип наблюдаемости как критерий существования физического объекта, принцип проявления свойств микрообъектов в зависимости от условий их наблюдения, принцип неопределённости Гейзенберга). Необходимо подчеркнуть, что почти все современные концепции эпистемологии являются альтернативными по отношению

к классической трактовке научного познания как процесса отражения сознанием объекта. В них на большом материале истории науки убедительно показаны несостоятельность и методологическая неэффективность трактовки научного познания как отражения объективной реальности, утверждения о гносеологической первичности материальных объектов по отношению к научному знанию, об однозначной детерминации научного знания содержанием объектов. Основными аргументами против трактовки процесса научного познания как отражения объективной реальности являются: 1) существование в науке, на любом этапе её развития альтернативных теорий при объяснении отношений одних и тех же объектов; 2) смена в ходе научных революций старых теорий новыми теориями, содержательно и логически не совместимыми с прежними. Например, это смена эмпирической математики Древнего Востока логически-доказательными теоретическими системами арифметики и геометрии в Древней Греции, это и противоборство в античной философии и физике двух концепций объективной реальности: дискретной, атомистической теории Левкиппа-Демокрита-Эпикура и теории непрерывного характера объективной реальности Парменида, Зенона, Платона, Аристотеля («Природа не терпит пустоты»). В Новое время это была смена геоцентрической теории солнечной системы Птолемея гелиоцентрической моделью Коперника – Бруно – Галилея – Кеплера – Ньютона. Это также смена в Новое время эмпирико-философской механики и физики Аристотеля теоретической механикой и физикой Галилея – Декарта – Ньютона. Это построение к середине XIX в. ряда неевклидовых систем геометрии (Лобачевский, Бойяи, Риман), альтернативных геометрии Эвклида, господствовавшей в математике и физике на протяжении более двадцати веков. В биологии XIX в. это было противоборство концепций биологической эволюции Ламарка и Дарвина. В химии XIX в. на смену господствовавшей ранее флогистонной теории Пристли пришла кислородная

теория Лавуазье. В физике XIX в. это замена электродинамики Ампера электромагнитной теорией Максвелла. В XX в. это замена классической термодинамики газов на молекулярно-кинетическую теорию Больцмана, а классической механики Ньютона на частную и общую теорию относительности Эйнштейна. В биологии XX в. это замена теории наследственности Дарвина генетической теорией Менделя. Наконец, это революционная смена в XX в. классической физической и философской концепции о вечности и бесконечности материального мира современной релятивистской космологией, согласно которой материальная Вселенная не вечна. Она возникла лишь около 14 млрд лет назад из квантового вакуума (в результате «Большого взрыва»), является замкнутой в пространстве, но при этом постоянно расширяющейся и эволюционирующей как целое [2; 3].

Таким образом, вся история естествознания и математики (не говоря уже об истории социально-гуманитарных наук), однозначно свидетельствует о том, что объекты могут быть одними и теми же (включая материальный мир в целом), а научное знание о них (включая общенаучные картины мира) может быть не только разным, но и противоречащим внутри себя. Это очевидное доказательство того, что объекты своим содержанием не могут однозначно детерминировать научное знание о них. Это также полностью опровергает одну из аксиом материалистической гносеологии, согласно которой объект полностью «прозрачен» для познающего сознания. Как известно, философская критика этой догмы материализма началась ещё с Канта, с утверждения им своей фундаментальной идеи о наличии у сознания собственной внутренней структуры и содержания, изначально (априорно) присущих ему как особой реальности, кардинально отличной от материальной реальности (мира «вещей в себе»). Современные конкретно-научные исследования информационной деятельности мозга полностью подтвердили эту идею Канта. Они показали, что даже чув-

ственное знание – это отнюдь не фиксация сознанием и мозгом физических сигналов, поступающих от материальных объектов, а процесс их преобразования в биохимическую информацию [4]. Традиционной философской трактовке процесса познания как отражения сознанием объективной реальности сегодня противостоит концепция, развиваемая представителями конструктивистской эпистемологии [5]. Они считают, что сознание является автономной (аутопоэтической) системой, независимой от объективной реальности, но при этом конструктивной и способной развиваться на своей собственной основе. В противоположность трактовке процесса познания как отражения сознанием действительности, конструктивисты утверждают, что здесь дело обстоит с точностью наоборот: именно сознание, имеющаяся у него «познавательная оптика» и определяют то, каково содержание тех или иных объектов, включая мир в целом. С точки зрения конструктивизма не только в социальных и технических науках содержание сознания (знания) познающего субъекта (индивидуального или коллективного) определяет содержание конструируемой ими социальной или технической реальности. Это имеет место и в естественных науках, конечно, не в смысле творения субъектами объектов природы, а в плане их видения, предполагаемые (гипотетические) модели которых сознание строит на основе имеющегося у него знания и прошлого опыта взаимодействия с объективной реальностью.

Соотношение объективной и субъективной реальности

Какая реальность первична: объективная или субъективная? На этот вопрос нельзя дать ответ, если, во-первых, не конкретизировать структуры каждой из них, а во-вторых, не уточнить, о какой «первичности» между ними идёт речь: онтологической или гносеологической? В онтологическом плане проблема первичности – это вопрос, какая из этих реальностей

предшествует какой и является условием её появления. При сравнении объективной и субъективной реальности ответ очевиден: объективная реальность не только предшествует во времени субъективной реальности (сознанию), но и является необходимым условием её появления. Дело в том, что сознание является одной из функций мозга (а именно его информационной функцией), а мозг – достаточно поздний продукт эволюции материи, присущий только сложным органическим системам. Эволюция материи и усложнение её структуры и функций явились необходимым условием появления сознания, а, следовательно, и его содержания – субъективной реальности. Материя может существовать без сознания людей, но их сознание не может существовать вне органической материи. Объективная реальность первична по отношению к субъективной реальности и в том смысле, что является главной целью функционирования сознания, его направленности во вне, его «интенциональности» (Гуссерль). Такой целью сознания является обеспечение эффективной адаптации органических систем к внешним условиям их существования, поскольку органические системы – это имманентная часть материальной действительности. Однако утверждение об онтологической первичности материи по отношению к сознанию не тождественно утверждению о её онтологической первичности вообще, в частности, по отношению к другим видам объективной реальности. В частности, как отмечалось, материальная реальность является вторичной по отношению к миру объективных возможностей, и материя не может быть ничем иным, как только материальной реализацией объективных возможностей. Дело обстоит здесь точно так же, как при создании людьми техники. Любая техника не может быть ничем иным, как реализацией предшествующего ей проекта как её возможности. Мир объективных возможностей, виртуальная реальность – это тот резервуар, благодаря которому только и могла появиться на свет вся материальная реальность.

В **гносеологическом** же плане отношение объективной и субъективной реальности является прямо противоположным онтологическому отношению между ними. Здесь субъективная реальность, содержание сознания, является той оптикой, в которой человеку предстаёт объективная реальность на всех уровнях её бытия, особенно на материальном уровне. Тут реализуется следующий принцип: каково содержание сознания (знание), такова и объективная реальность. Ибо субъект не может выйти на объективную реальность, минуя своё сознание и его содержание. Последнее полностью определяет все «оптические возможности» взгляда человека на мир [3]. Если выразиться образно, человек не может видеть мир вне той когнитивной оптики, которой и является его сознание: «очки сознания всегда у субъекта на его носу». Гносеологическая первичность субъективной реальности по отношению к объективной вовсе не означает, что содержание объективной реальности не оказывает никакого влияния на результаты (продукты) познавательной деятельности сознания. Очевидно, что такое влияние имеет место, поскольку процесс познания имеет своей целью познание именно объективной реальности, в которой живёт и с которой взаимодействует субъект при её познании, особенно в ходе чувственного познания. Но, признавая такое влияние, необходимо при этом учитывать две принципиальные вещи. Первая: материальная реальность, как убедительно показывают, с одной стороны, практика обыденного познания, а с другой – история науки, не может однозначно детерминировать содержание чувственных данных о себе. Дело в том, что поступающая на рецепторы нервных окончаний физическая информация всегда перерабатывается в биохимическую информацию и только в таком виде поступает в мозг и центральную нервную систему. Это происходит под влиянием следующих факторов: 1) познавательные и практические установки (цели) познающего субъекта; 2) всё накопленное ранее субъектом знание, начиная с момента его

рождения и включая все последующие этапы его когнитивной эволюции, следовательно, абсолютно апостериорного восприятия объектов, не опосредованного прошлым (априорным) знанием, у субъекта не бывает; 3) использование субъектом в процессе познания объектов большого количества самых разных средств как чувственного, так и, особенно, рационального познания в процессе создания субъективной реальности. В результате её содержание всегда будет существенно отличаться от содержания объективной реальности. Но это отнюдь не умаляет ни адаптивной ценности субъективной реальности, ни необходимости постоянного её совершенствования как эталона при оценке объективной реальности.

Например, требования к субъективной реальности, создаваемой в науке, достаточно жёсткие: она должна быть максимально определённой, точной и доказательной (как логически, так и эмпирически). Только в этом случае она может осуществлять функцию самой эталонной субъективной реальности по отношению к объективной реальности и быть эффективным средством структурирования последней. Только тогда человек сможет достигнуть не только максимальной эффективной адаптации к окружающей его материальной реальности (природной, технической, социальной), но и управления ею – высшей цели человеческого познания. Но, чтобы успешно выполнять эту функцию, субъективная реальность вовсе не обязана быть полностью тождественной или даже сильно похожей на объективную реальность. Точно так же, как в технических системах блок управления вовсе не обязан походить на саму систему и её элементы. Это возможно,

но отнюдь не обязательно, а иногда даже и не желательно. Другой аспект соотношения разных видов реальности – это проблема соотношения наблюдаемой и ненаблюдаемой реальности, а также их гносеологических аналогов: чувственного (эмпирического) знания и теоретического знания. Правильным здесь представляется следующее решение. Теоретическая (ненаблюдаемая) реальность как онтологически, так и гносеологически всегда первична по отношению к наблюдаемой реальности. В частности, мир возможностей не наблюдаем, а только мыслим, но именно он первичен по отношению к материальному, наблюдаемому уровню объективной реальности. Точно так же научно-теоретическое знание, являясь знанием о ненаблюдаемых объектах (идеальные объекты научных теорий), в гносеологическом плане главнее чувственного и эмпирического знания и поэтому не только точно определяет их смысл, но и объясняет, а также предсказывает чувственные и эмпирические данные, получаемые с помощью наблюдения и эксперимента. Как замечательно сказал по этому поводу Леонардо да Винчи: «В науке теории – это генералы, а эксперименты – солдаты».

Заключение

Решение проблемы соотношения объективной и субъективной реальности можно резюмировать следующим образом: хотя объективная реальность является первичной в онтологическом плане, субъективная реальность является первичной в гносеологическом отношении [3]. Объективная реальность для человека всегда только такова, какое знание он имеет о ней.

Статья поступила в редакцию 08.06.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедев С. А. Научный метод: история и теория. М.: Проспект, 2018. 448 с.
2. Лебедев С. А. Общенаучная картина мира и её методологические функции // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. С. 130–135.
3. Лебедев С. А. Современная философия науки. М.: Проспект, 2022. 312 с.
4. Лебедев С. А., Назаров А. А. Конструктивистская концепция чувственного познания // Журнал философских исследований. 2022. Т. 8. № 1. С. 3–11.
5. Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Munchen: Phren Verlag, 2000. 332 с.

REFERENCES

1. Lebedev S. A. *Nauchnyj metod: istoriya i teoriya* [Scientific Method: History and Theory]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 448 p.
2. Lebedev S. A. [General Scientific Picture of the World and its Methodological Functions]. In: *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2017, vol. 87, pp. 130–135.
3. Lebedev S. A. *Sovremennaya filosofiya nauki* [Modern Philosophy of Science]. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 312 p.
4. Lebedev S. A., Nazarov A. A. [The Constructivist Concept of Sensory Cognition]. In: *Zhurnal filosofskih issledovanij* [Journal of Philosophical Research], 2022, vol. 8, no. 1, pp. 3–11.
5. Tsokolov S. *Diskurs radikal'nogo konstruktivizma* [Discourse of Radical Constructivism]. Munchen, Phren Verlag, 2000. 332 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лебедев Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; профессор кафедры философии Московского государственного технологического университета имени Н. Э. Баумана;

e-mail: saleb@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Lebedev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Prof., Department of Philosophy, The Bauman Moscow State Technical University; e-mail: saleb@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лебедев С. А. Уровневая структура объективной и субъективной реальности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 4. С. 12–19.

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-12-19

FOR CITATION

Lebedev S. A. The Level Structure of the Objective and the Subjective Reality. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2022, no. 4, pp. 12–19.

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-12-19

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091); 168.521

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-20-31

В ПОИСКАХ ЛОГОСА: Н. А. ВАСИЛЬЕВ И П. А. ФЛОРЕНСКИЙ

Прядко И. П.

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ)

129337, г. Москва, Ярославское шоссе, д. 26, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Сопоставить подходы к построению современной неклассической логики двух мыслителей русского Серебряного века – Н. А. Васильева и П. А. Флоренского. Сопоставление проводится в свете учения о Логосе, сформулированного представителями философии всеединства.

Процедура и методы. Методология исследования включает общенаучные методы (анализ, синтез, дедукцию). Для воспроизведения логико-философских идей Флоренского автором были применены формулы языка логики исчисления высказываний.

Результаты. Показано, что поиск Н. А. Васильева в области логики был во многом определён религиозно-философскими интуициями этого мыслителя, что коррелирует с попытками П. А. Флоренского использовать математическую логику в целях обоснования богословских истин.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование проливает свет на формирование отечественных школ неклассической и математической логики в первые десятилетия XX в.

Ключевые слова: Н. А. Васильев, П. А. Флоренский, философия всеединства, воображаемая логика, Логос, силлогистика, математическая логика, богословская Истина, авторитет.

IN SEARCH OF LOGOS: N. A. VASILIEV AND P. A. FLORENSKY

I. Pryadko

Moscow State University of Civil Engineering

Yaroslavl'skoye Shosse 26, Moscow 129337, Russian Federation

Abstract

Aim. To compare the approaches of N. A. Vasiliev and P. A. Florensky, the representatives of the Russian Silver Age, to the structure of modern non-classical logic. The comparison is made in the light of the doctrine of Logos, formulated by the followers of the philosophy of unitotality.

Methodology. The research methodology encompasses general research methods (analysis, synthesis, deduction). To reproduce Florensky's logico-philosophical ideas, the author used formulas of the language of logic of the calculus of statements.

Results. It is shown that N. A. Vasiliev's search for logic was largely determined by his religious and philosophical intuitions, which correlate with P. A. Florensky's attempts to use mathematical logic to justify theological truths.

Research implications. The study sheds light on the formation of domestic schools of non-classical and mathematical logic in the first decades of the 20th century.

Keywords: N. A. Vasiliev, P. A. Florensky, philosophy of unitotality, imaginary logic, Logos, syllogistics, mathematical logic, theological Truth, authority

Введение

Ведущей парадигмой отвлечённой метафизики русского Серебряного века выступает философия и методология всеединства, где в качестве одной из ключевых была высказана мысль о единстве всего, о пересечении и объединении всех противоречий в мышлении *Логоса* – сверхсознания, творящего и охватывающего собой предметы и явления как материального, так и умопостигаемого мира. Не имея задачи дать полный анализ и оценку выводов этого метафизического направления, автор намерен рассмотреть влияние идей всеединства на динамику отечественной логики. В работе дан анализ логических выводов, предложенных двумя представителями отечественной философии Серебряного века – П. А. Флоренским и Н. А. Васильевым. Если первого из названных мыслителей по праву относят к ярким последователям В. С. Соловьёва (в работах о Павла дан синтез учения о Софии и положений православной догматики), в отношении второго можно утверждать, что принципы всеединства хотя и оказали влияние на его взгляды, однако не стали ведущими в логико-философском поиске, которым ознаменованы его произведения. Следует говорить об использовании казанским логиком концепции Логоса в целях обоснования необходимости новой модели мышления, более сложной и одновременно более востребованной в познавательной деятельности по сравнению с традиционными схемами аристотелевой логики. На это указывает обсуждаемый в статье отрывок из работы Васильева «Логика и металогики» [4, с. 94–123].

Философы-всеединцы исходили из убеждения, что мышление сверхприродного Логоса не вписывается в устоявшиеся схемы традиционной бинарной логики. Именно в этой связи мыслителями начала XX в. выдвигалось требование создания иной логики, которая позволила бы понять рациональность более высокого по сравнению с человеческим уровня. Исследователи, придерживавшиеся тра-

диции всеединства, обсуждали проблему противоречия, высказывали мысль о возможности примирения противоречия с логикой и призывали работать с противоречием, не превращая при этом систему используемых логических принципов в тривиальную систему. Попытки построения систем, допускающих противоречие в объекте мысли, стали предприниматься западными логиками только во второй половине XX – начале XXI вв. [14; 15; 16; 17].

В приводимых формулах для передачи логических выкладок о Павла автор использует следующие константы языка логики высказываний: «-» – знак отрицания (ставится перед переменной), «∧» – знак конъюнкции, «→» – знак материальной импликации, «(», «)» – скобки.

Обращаясь к разным сферам научного знания, Васильев и Флоренский шли путём всеединой философии – синтеза гуманитарного и социального знания, естественнонаучного поиска, рациональных методов, с одной стороны, и интуиции – с другой. Это будет показано в настоящей работе.

Н. А. Васильев – первопроходец в области неклассической логики

Известно, что Васильев не сразу обратился к проблемам неклассической логики. Учёный закончил медико-биологический факультет Казанского университета, а затем и историко-филологический факультет этого крупнейшего в дореволюционной России высшего учебного заведения, под руководством профессора М. М. Хвостова защитил магистерскую диссертацию по позднеантичной истории. Н. А. Васильев серьёзно занимался литературой и литературной критикой, штудировал философию Гегеля, обращался к идеям Ч. Пирса [1, с. 10–13]. Накопленные на разных исследовательских поприщах знания оказались мощным толчком и предысторией к *воображаемой* логике. В своих работах казанский учёный не ставил перед собой задач, выходящих за границы формальной логики. Сосредоточившись на

законах этой науки (точнее, на их критике), Васильев создал новую *неклассическую* силлогистику, выбрав в качестве образца для своих логических построений традиционную классическую силлогистику Аристотеля.

Разберём истоки логических построений казанского учёного и отдельные фрагменты предложенной им системы логической неклассичности. Одним из источников разработок в области логической многозначности стала социальная психология, вопросы которой затрагиваются в антиковедческом исследовании Н. А. Васильева и в отдельных рецензиях, опубликованных на страницах казанских журналов. Большая часть этих работ вошла в сборник избранных произведений казанского учёного [4]. Вопрос, как влияют общественные условия на человеческую ментальность, неоднократно ставился Васильевым. В частности, отзыв учёного на работу Э. Л. Радлова по истории русской философии содержит рассуждения о своеобразии путей развития отечественной отвлечённой мысли¹. Казанский философ подчёркивает, что первые шаги отечественной метафизики Нового времени не могут быть поняты и оценены вне идеологического контекста, определяемого русским масонством [9] и, шире, вне мировоззренческого поиска русского дворянства в триумфальном для этого сословия XVIII в. Общественные вопросы выходили на первый план и в XIX в. в спорах русских западников и славянофилов, в столкновении этических взглядов В. С. Соловьёва и Л. Н. Толстого [3, с. 449–457], в политических и религиозных спорах автора «Братьев Карамазовых» с создателем «Анны Карениной». И это только наиболее яркие моменты динамики отечественной отвлечённой мысли, замеченные Н. А. Васильевым, Э. Л. Радловым, а затем В. В. Зеньковским и Н. О. Лосским [8, с. 439].

Главным мотивом в научном поиске у Васильева стало переосмысление принципов, лежавших в основе современной ему науки – и логики в том числе. При этом критический взгляд на культурный опыт Европы и России сближал мыслителя с представителями философии всеединства. В программной статье «Логика и металогика» [4, с. 94–123] Васильев стремится показать, какое место в познании принадлежит закону противоречия. Философ убеждён, что обойтись без такого закона может тот, кто мыслит безошибочно. В данной связи казанский мыслитель рассуждает о сверхприродном Разуме, в арсенале познавательных средств у которого нет закона противоречия: ведь такому Разуму нечего опровергать в его всегда безошибочных выводах. Сверхприродная сущность, говорит далее Н. А. Васильев, мыслит по законам неклассической логики – металогики. Именно в металогики отсутствует функция опровержения ложных суждений за неимением этих последних. Сказанное – нюанс в логико-философских построениях казанского профессора, но этот нюанс весомый.

Вместе с тем Васильев осознавал, что металогика достаточно бедна для того, чтобы быть надёжным инструментом познания истины или методом её обоснования (доказательства). Недаром казанский философ определял металогику как сухой минимум, экстракт рациональности, необходимое условие всякого мышления и рассуждения.

В отличие от металогики отрицание предусматривается в классической аристотелевой логике. Что же представляет собой последняя с точки зрения слишком абстрактной и бедной содержанием металогики? Как утверждает Н. А. Васильев, отрицательные суждения могут появиться в системе рассуждений того, кто потенциально может ошибаться. В классической логике такие суждения необходимы, поскольку человеческое мышление не может достичь совершенства мыслительных операций сверхприродного Существа [4, с. 118]. Речь здесь может идти о грехе, по-

¹ Васильев Н. А. Рецензия на книгу: Радлов Э. Очерк истории русской философии. Петроград, 1921 // Казанский библиофил. 1921. № 2. С. 98–100.

грешности – вечных спутниках брэнного и обиходного человечества. Предложенный Васильевым образ – Логос, высказывающий только истинные суждения, – соответствует представлениям о данной Сущности в философии всеединства, где выражение Логоса в идее есть истина, а сам Логос трактуется как Ум, способом бытия которого выступает вечное продуктивное мышление [6; 10].

Таким образом, тезис Васильева об утверждающем истину Духе не только отвечал установкам мыслителей русского Серебряного века, но и соответствовал позиции восточнохристианского богословия, которое рассматривало ложь как то, что от века отвержено и осуждено, причём осуждено сверхприродным Логосом.

Закон противоречия в системе логической неклассичности Н. А. Васильева

Известно, что Н. А. Васильев критику классической логики начал с переосмысления значения кванторного слова *некоторые* простых атрибутивных суждений. Затем он перешёл к формулировке закона исключённого четвёртого, который в воображаемой логике заменил принцип исключённого третьего аристотелевой логики. Такие изменения не могли не привести к изменению других логических принципов, в частности принципа противоречия. Данный принцип у Н. А. Васильева получил несколько иную формулировку и стал называться законом несамопротиворечия – законом, запрещающим противоречие в мыслях. В объекте мышления воображаемая логика Васильева допускает противоречие. Субъект мышления не может позволить себе быть противоречивым. Это подтверждает тезис, что неклассическая логика Васильева задумана как инструмент познания мира в его сложности.

Аналогичный подход к мыслительным операциям и предмету философских рассуждений даёт о себе знать в построениях всеединства. Абсолютное начало, воплощающее идею единства и множественно-

сти одновременно, выступает в качестве объекта размышления и анализа. Но анализируя свойства Абсолютного начала, В. С. Соловьёв и его последователи опирались на схемы традиционной логики. Так, создатель всеединой философии подверг критическому разбору концепции других направлений идеалистической метафизики и теории познания, используя при этом схемы доказательства, применяемые в аргументационной практике. В работе «Чтения о Богочеловечестве» в целях обоснования несостоятельности сделанного пантеистами вывода, что Абсолютное начало есть бытие, Соловьёв обращается к доказательству от противного [11, с. 121]. И в других фрагментах этого сочинения он стремится обосновать иррациональность и противоречивость Логоса при помощи рациональных аргументов [10, с. 26].

Уже в первом сочинении, посвящённом воображаемой логике, Н. А. Васильевым приводятся короткие выдержки из II Аналитики Аристотеля [2, с. 8]. Процитированные казанским учёным положения Стагирита можно толковать в смысле, отличном от того, который ему приписывали логики-традиционалисты. Идеи греческого мыслителя иногда интерпретируют как базис для создания трёхзначной логики. Многозначность предусматривалась и в учении, разрабатываемом стоиками и мегарцами. Мыслители из соперничающего с Афинами полиса и вслед за ними философы-стоики определяли логику как науку о суждениях истинных, ложных и тех, которые не относятся ни тем, ни к другим (Близкое определение см. [12, с. 22–23]). Аналогично и в работе Аристотеля «Об истолковании» предлагалось деление суждений на истинные, ложные и неопределённые. Пересматривая положения Аристотелевского наследия и анализируя тексты Стагирита сквозь призму учений таких историков античной философии, как К. Прантль и Э. Мейер, Васильев в последнем разделе обсуждаемой статьи подробно разбирает воззрения европейских и российских философов и логиков, ограничивая обзор научным по-

иском, который вели исследователи XIX – начала XX вв. Создатель воображаемой логики связал возражения европейских учёных против традиционных логических классификаций с признаками нарастающего бунта против архаичных представлений о правилах и законах человеческого мышления, очерчиваемых принципами тождества, противоречия, исключённого третьего и др. в их устоявшейся университетско-академической интерпретации. По убеждению современников Васильева, его поиск не ограничивался только наукой о правильном мышлении, но и затрагивал методы познавательной деятельности, разного рода ментальные процессы¹.

Идеи неокантианской гносеологии в преломлении автора воображаемой логики

Важно отметить, что в стремлении обновить законы логики казанский учёный искал опору в выводах современной ему западной отвлечённой мысли. Среди работ Н. А. Васильева значительное место занимают рецензии на книги и статьи западноевропейских и российских авторов. Опубликованные в разных научных изданиях рецензии не только свидетельствуют о широте кругозора казанского исследователя, об интенсивности научной жизни в Казанском университете, но и позволяют говорить о влиянии на научные выводы Васильева идей А. Пуанкаре, Ф. Поллана, Ч. Пирса, Э. Л. Радлова, А. И. Введенского и, в особенности, представителей неокантианского направления в метафизике и методологии науки. Идеи неокантианства нашли отражение в первой опубликованной работе Н. А. Васильева по неклассической логике. Здесь не только содержатся ссылки на неокантианцев Круга или Зигварта, но также доказывается аналогичное неокантианскому положение об особенностях образования понятий в науках о духе. Не всё принимая в логическом

учении Риккерта и Виндельбанда, казанский учёный подчёркивал, что теоретическими достоинствами их подхода выступают *изящные детали и тонкие частности*² [4, с. 134]. Одновременно Васильев отмечал методологическое несовершенство, демонстрируемое в их работах. Это несовершенство им связывается с недооценкой разработок в области неклассической и математической логики.

Как же гносеология немецких философских школ повлияла на логическое учение русского мыслителя? Отталкиваясь от выводов неокантианцев, в статье «Воображаемая (неаристотелева) логика» Васильев рассуждал об отрицательных суждениях как о выводах из умозаключений. Именно умозаключение казанский логик рассматривал в качестве исходной формы мысли. В частности, отрицательные суждения философ считал результатом умозаключений по модусу I фигуры силлогизма *Celarent*, причём первая восстанавливаемая Васильевым большая посылка должна содержать положение о несовместимости субъекта и предиката суждения. Меньшая посылка содержит отождествление предмета мысли с субъектом большей посылки. Схема такого умозаключения, на взгляд автора настоящей работы, должна выглядеть следующим образом:

N исключает *P*, несовместимо с *P* (большая посылка, положение о несовместимости)

S есть *N* (меньшая посылка содержит мысль об *S*, приравнённом к *N*)

S не есть *P* (выводное отрицательное суждение)

При помощи одного из модусов простого категорического силлогизма Васильев реконструировал психологический механизм образования отрицательных суждений. Дадим слово самому казанскому мыслителю: «Мы обычно не замечаем, что при отрицательных суждениях мы имеем дело с выводом. Причина этого заключена в том, что вывод этот является для нас при-

¹ Бажанов В. А. Николай Александрович Васильев: жизнь и творчество // Воображаемая логика. М.: МГУ, 1989. С. 221.

² Васильев Н. А. Рецензия на книгу В. Виндельбанда и А. Руге «Энциклопедия философских наук» // Васильев Н. А. Воображаемая логика. М.: МГУ, 1989. С. 134.

вычным, и поэтому совершается настолько быстро и механично, что не доходит до сознания» [4, с. 61]. Важно отметить, что подсознательная деятельность, подчиняющаяся законам логики, рассматривалась не только Васильевым. Задолго до Николая Александровича аналогичные вопросы поднимал психофизиолог Г. Гельмгольц [7, с. 193]. Ниже будет показано, что стремление в логике двигаться не от понятий как исходных форм мысли к суждениям и умозаключениям, а от суждений и умозаключений к понятиям характерно не только для Васильева, но и для Флоренского.

П. А. Флоренский: в поисках богословской Истины

Непростым оказался путь к логике русского философа и священника П. А. Флоренского. Мыслитель был убеждён, что обретение полноты религиозной жизни возможно только на пути преодоления интеллектуальных соблазнов века сего. Таким соблазном выступают ренессансное мышление и лежащий в его основе рационализм. И чтобы показать идейную несостоятельность *возрожденства*, о. Павел в качестве инструмента доказательства применяет математическую логику.

Хотя трактат Флоренского «Столп и утверждение Истины» касается проблем богословия, его содержание затрагивает также вопросы естествознания, эстетики, древней и новой истории, математики и математической логики. Потому фундаментальный труд учёного интересовал и продолжает интересовать даже *невоцерковлённых*, вполне светских и, видимо, далёких от теологии читателей. Уже основной предмет исследования – *Истина* как в богословском, так и в естественнонаучном «профаном» варианте, – у Флоренского трактуется как самопротиворечивое суждение. В данной связи довольно часто приводятся следующие слова о. Павла: «На вопрос “Почему *A* есть *A*?” отвечаем: “Потому *A* есть *A*, что вечно бывая не-*A*, в этом не-*A* оно находит своё утверждение как *A*”. Точнее: *A* потому есть *A*, что оно

есть не-*A*» [13, с. 147]. Что истина есть противоречие, делается явным, лишь только истина получает своё вербальное оформление: тогда «тезис и антитезис образуют выражение истины» [13, с. 147].

В последней из приведённых фраз о. Павла угадывается влияние диалектических идей классической немецкой философии. В первую очередь, стоит вспомнить Спинозистский тезис *определение есть отрицание*, а во вторую очередь, изложение логических антиномий у Иммануила Канта. У автора «Критики чистого разума» операция отрицания связывается с определением, т. е. отождествлением двух понятий – определяющего и определяемого. В трактате Флоренского проблема антиномий получает связь с действием закона тождества. Заметим здесь, что рассуждения Флоренского в чём-то напоминают идеи философа-неокантианца В. Г. Круга, работы которого, к началу XX в. основательно забытые, стремился *рекапитулировать* (выражение самого казанского учёного) Н. А. Васильев. Для Круга закон тождества – фундаментальный логический принцип, который одновременно выступает принципом тезиса, антитезиса и синтеза.

Интерес представляет тот факт, что противоречие может быть выявлено, когда получает, как уже было сказано, словесное оформление. Формулы языка, причём как естественного, так и искусственного, у Флоренского выступают в качестве метода экспликации антиномий. Такими формулами и являются приводимые о. Павлом логические высказывания, написанные на символическом языке Дж. Пеано. При этом Флоренский в качестве противоречивых (видимо, рассудочно противоречивых) рассматривает те формулы, которые математическая логика к числу таковых не относит. Например, условное суждение, части которого соединены знаком импликации, где антецедент и консеквент имеют значение *ложь*.

Итак, противоречивость истины обнаруживается в процессе коммуникации. Чтобы перейти от суждения *A* к суждению *B* (т. е. обосновать *A* при помощи *B*), необ-

ходимо обосновать *A* как *A*, т. е. объяснить и доказать *A*. Это возможно, если *A* нами мыслится ясно и отчётливо. Но прежде, нужно обосновать *A* через *B*. Усматривая в этом круг в доказательстве, о. Павел дополняет закон тождества законом достаточного основания. Два формальнологических закона составляют, по Флоренскому, *наличную форму рассудка* [13, с. 59]. Таким образом, основной тезис рассуждений религиозного мыслителя состоит в том, что любое *A* может быть познано в сопоставлении с не-*A*, т. е. через своё другое (через не-*A*). Не-*A* – условие существования *A*, среда, в которой *A* существует.

Вполне в духе диалектических представлений начала XX в. выдержан тезис Флоренского, касающийся антиномии: последняя есть «такое предложение, которое, будучи истинным, содержит в себе совместно тезис и антитезис, так что недоступно никакому возражению» [13, с. 152]. Для постижения истины, её *утверждения*, полагает о. Павел, необходима теория антиномии. Подходы к данной теории были намечены в фундаментальном трактате учёного-богослова. Однако в создании такой теории антиномичности гораздо дальше, чем православный всеединец, продвинулся казанский профессор Н. А. Васильев.

Методологические принципы Васильева и Флоренского: схождения и расхождения

Когда Флоренский намечал пути создания теории антиномий, он ещё не предполагал, что аналогичная задача уже была поставлена и в каком-то смысле решена его современником – логиком Н. А. Васильевым. При определённом сходстве нельзя не принять во внимание различия в установках, лежащих в основе логических программ двух исследователей. Здесь следует отметить три существенных, на взгляд автора, момента. *Во-первых*, о. Павел трактовал антиномичность в терминах разрабатываемой им теодицеи. Не так у Васильева. Теизм казанского учёного носил неправославный, отвлечённо

идеалистический характер. *Во-вторых*, в центре внимания казанского логика находился закон противоречия, а религиозный учёный рассматривал закон тождества, из которого им выводились и закон противоречия, и закон исключённого третьего. Логические же экспликации у о. Павла имеют не только религиозный, но и философский смысл. Теистическая их направленность определена омоусианской (т. е. единосущностной) установкой православного всеединства.

Сразу постараемся объяснить смысл терминов, используемых христианским философом. Концепция омоусианства (не путать с омиусианством), возникающая в работах православного всеединца, предполагает наличие единства между субъектом познавательной деятельности и объектом познания. Такое единство, по Флоренскому, – гарантия постижения подлинной сущности предмета. Ренессансная установка на познание, по убеждению о. Павла, иная. Субъект познавательной деятельности здесь самодостаточен, существует отдельно от объекта. В виду этого приходится пожертвовать подлинностью результата познания: исследователь получает модель объекта, его копию в сознании познающего субъекта. Ренессансную познавательную установку Флоренский называл *подобосущием* (омиусианством). Автор настоящей работы убеждён, что именно в рамках омоусианских восточно-христианских установок приобретают корректность логические выкладки о. Павла.

Обсуждение проблем антиномичности у Флоренского, как мы уже отмечали, не замыкается на контрверсах богословия. К проблеме противоречия, что подчёркивает в своей работе о. Павел, в истории мысли неоднократно обращались философы и логики. Проникая мысленным взором в глубины истории, Флоренский выделяет Гераклита, Зенона Элейского, Парменида, Платона, Порфирия, Николая Кузанского, Гегеля и даже Ницше. Антиномичность как аналитический принцип проникла в науки об обществе, в системы логического исчисления (Д. Пеано), в науки о рукотвор-

ных технических системах. В число дисциплин, работающих с противоречием, входят физика, механика, логика (имеется в виду логическое учение Канта), лингвистика и др. Уже сам дискурс идеалистической философии Серебряного века, как мы видим, предполагал использование схем, более сложных, чем бинарные истинно-ложные. Такая неоднозначность обусловлена обращением отечественных мыслителей-всеединцев к социальной феноменологии, где предметом анализа выступают внутренние противоречивые объекты – социальные классы, религиозные доктрины, региональные культуры, деятельность творцов культуры и пр. Именно о внутренних противоречиях социального мира, углубление которых наблюдалось в эпоху «войн и революций», писали Н. А. Бердяев, С. А. Аскольдов, Л. П. Карсавин и др. По убеждению перечисленных авторов, глубина противоречий социокультурной динамики определяет трагизм мировой и российской истории.

В отношении к Канту и его последователям видится основное расхождение между подходами в логике и в теории познания П. А. Флоренского и Н. А. Васильева. Для Флоренского гносеология Канта – крайнее проявление ренессансного типа мирозерцания. А конечным продуктом той самой интеллектуальной «апостасии» выступает у о. Павла марбургское неокантианство, ознаменовавшее, как утверждал религиозный философ, *смерть философии*, её отказ от решения смысложизненных проблем. Флоренским, например, отвергался тезис неокантианцев, что производное человеческого духа – культура – представляет собой основной предмет философского знания. Однако в отношении фрейбургских последователей автора «Критики чистого разума» Флоренский оказался благосклоннее. Именно логика стала здесь сферой примирения. Васильевым логико-философское наследие неокантианства, как мы уже отмечали, оценивается в целом позитивно, в чём можно усмотреть влияние другого казанского профессора – гносеолога и логика

П. С. Порецкого, в работах которого нашли отражение умеренно-позитивистские и неокантианские установки.

Отвергая цели неокантианства, имитационную природу предлагаемого им миропознания, Флоренский, как Васильев, тем не менее, признавал разрабатываемые адептами данного направления методологические установки. Так же, как представители фрейбургской школы, он говорил о необходимости двигаться в логическом выводе от суждений к понятиям и рассматривал первые в качестве основной формы абстрактного мышления. «Формальная логика, основанная Аристотелем, – пишет П. А. Флоренский, – начинается с понятий, и из них построены далее суждения. Напротив, гносеологическая логика, особенно в трудах Риккерта, начинается с суждений и при помощи них устанавливает понятия... В первом случае понятия – первичные элементы, а суждения – вторичные, во втором случае – наоборот, но та и другая логика сходятся в монистическом понимании логических элементов» [13, с. 622]. Такой подход русский учёный считает уместным в познавательном процессе. Именно потому Флоренский логику неокантианцев называет гносеологической логикой: «На логико-алгебраический алгоритм мы посмотрим под углом зрения именно гносеологической логики, т. е. сочтём основным актом познания – суждение» [13, с. 622].

Использование логико-математических идей в богословском трактате Флоренского. VI письмо: Противоречие

Рассуждая об истинах и истинности как характеристике нашего знания о мире, как значении и цели познавательной деятельности человека, о. Павел Флоренский обратился к инструментарию математической логики. При этом религиозный мыслитель прибёг, как уже отмечалось выше, к формулам современной ему математической логики в целях обоснования тезиса о допустимости и даже неизбежности противоречий в рассуждениях о предметах сущего.

По убеждению о. Павла, необходим такой математический алгоритм, который позволил бы оформиться логической теории антиномичности.

В VI письме *Противоречие* трактата «Столп и утверждение Истины» Флоренский рассматривает две, по его убеждению, формулы антиномии. То, что о. Павел определяет как антиномию, современными специалистами рассматривается в ряду парадоксов материальной импликации. Антиномичность в логических доказательствах возникает как результат использования схемы умозаключения *сведение к абсурдному*. Эта схема, если записать о. Павла несколько модернизировать и перевести на символический язык современной логики, будет выглядеть следующим образом:

$$(\neg p \rightarrow p) \rightarrow p \quad (IV)$$

Здесь и далее даётся нумерация формул, используемая о. Павлом в трактате «Столп и утверждение Истины». Парадоксальная в интерпретации Флоренского формула с точки зрения логики высказываний есть тождественно-истинная формула. Из данной формулы мыслитель путём замены переменной p её отрицанием и введения правила снятия двойного отрицания получает формулу (IX) своих построений:

$$(p \rightarrow \neg p) \rightarrow \neg p \quad (IX)$$

Конъюнкция двух формул (IV) и (IX) даёт формулу антиномии P . При этом формула P получена путём присоединения к конъюнкции p и $\neg p$ тождественно-истинной формулы V (Флоренский называет эту формулу *знаком истины*). Формула P выступает в качестве тождественно-ложной, т. к. V есть суждение всегда истинное, а другой член конъюнкции всегда будет ложен (см. формулу (X)):

$$P = (p \wedge \neg p) \wedge V \quad (X)$$

Флоренский отличал формулу антиномии от самого противоречия. Первая раз-

нится от второго прибавлением формулы истины V . Перевернув знак истины, мы получаем знак лжи Λ . Λ – знак, служащий обозначением тождественно-ложных суждений. Такой тождественно-ложной формулой выступает конъюнкция формул p и $\neg p$. Это в нумерации о. Павла формула (XI):

$$\Lambda = (p \wedge \neg p) \quad (XI)$$

Как же отличить антиномию, выражающую истину, от противоречия, которое ложно независимо от истинностного значения входящих в неё переменных? Сам Флоренский следующим образом объясняет, как связаны антиномия и «простое противоречие»: «По своему составу P несколько не разнится от простого противоречия V , а потому в сфере рассудочной лишь *авторитет* (курсив наш. – И. П.) является тем перстом, который отличает истинность P в сравнении с V » [13, с. 152]. Видимо, наиболее существенной для о. Павла в данном фрагменте выступает ссылка на внелогическое содержание высказываний. В роли высшего арбитра здесь обозначен авторитет. Однако в целом рассуждение религиозного философа должно быть признано как ошибочное. Даже воспроизведение доказательства в детализированном виде, как это сделано в приводимой ниже формуле (XII), не делает вывод о. Павла верным:

$$\{[(\neg p \rightarrow p) \wedge (p \rightarrow \neg p)] \rightarrow [(p \wedge \neg p) \wedge \Lambda]\} = P \quad (XII)$$

Дальнейшие пояснения представителя русского всеединства не меняют сути дела. Антецедент в формуле (XII) есть совокупность (конъюнкция) тезиса и анти-тезиса $[(\neg p \rightarrow p) \wedge (p \rightarrow \neg p)]$, которая как раз и является тождественно-ложной подформулой. Консеквент рассматриваемой формулы (XII) $[(p \wedge \neg p) \wedge \Lambda]$ тоже ложен. Отсюда формула P истинна в силу ложности антецедента. И если в формуле (XII) P имеет значение «истина», то в формуле (X) у Флоренского P ложно. Надо полагать, что именно формула (XII) выражает заду-

манную о. Павлом «логику антиномичности». Отдельные исследователи творчества Флоренского высказывают предположение, что в формуле (X) символ V должен вводиться через дизъюнкцию. В этом последнем случае восстанавливается корректность предлагаемых о. Павлом логических выкладок, на этот раз предусматривающих выбор между истиной и противоречием. Но отвечает ли это представленным выше богословско-философским размышлениям автора религиозного трактата? Вопрос, на который текст VI письма ответа не даёт.

Заключение

Известно, что период конца XIX – начала XX вв. был ознаменован кризисом в разных областях научного знания. Данный кризис охватил как дисциплины, ориентированные на постижение ключевых аспектов человеческой ментальности, так и научные области, предметом которых выступает окружающая природа, универсум. Созданная стараниями физиков, химиков, сторонников естественнонаучного эне-

гетизма второй половины XIX в. электромагнитная картина мира не разрешила фундаментальных противоречий физической теории. В психологии видные её представители говорили об открытом кризисе в исследовании человеческой психики [5]. О трудностях, возникших в обосновании арифметики, что выразилось в спорах вокруг Г. Кантора и его теории, довольно часто упоминается в связи с увлечением П. А. Флоренского этим немецким математиком. На вызовы, связанные с кризисом господствующих форм рационального познания, западная логика отвечала поворотом от дедуктивных методов обоснования истины к индуктивным, от теорий к чистой эмпирии. Российские исследователи на данные вызовы ответили нестандартно – активизацией поиска неклассических дедуктивных систем. В массиве этих поисков выделяются воображаемая логика Н. А. Васильева и логико-математические построения П. А. Флоренского.

Статья поступила в редакцию 08.07.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бажанов В. А. О влиянии идей Ч. Пирса на творчество Н. А. Васильева // Современная логика: проблемы, теории, истории и применения в науке: материалы конференции, г. Санкт-Петербург, 18–20 июня 2020 г. СПб.: СПбГУ, 2020. С. 10–13.
2. Васильев Н. А. О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключенного четвёртого // Учёные записки императорского Казанского университета. 1910. Т. 77. Кн. 10. С. 3–47.
3. Васильев Н. А. Логический и исторический метод в логике (Об этических системах Л. Н. Толстого и В. С. Соловьёва) // Сборник в честь Д. А. Корсакова. Казань: Изд-во М. А. Голубева, 1913. С. 449–457.
4. Васильев Н. А. Воображаемая логика. М.: МГУ, 1989. 263 с.
5. Выготский Л. С. Лекции по психологии. М.: Перспектива, 2019. 148 с.
6. Гутова С. Г. Основания метафизики в философии всеединства // Вестник Нижегородского государственного университета. 2020. № 2. С. 11–18.
7. Ждан А. Н. История психологии от античности к современности. М.: Академпроект, 2018. 587 с.
8. Лосский Н. О. История русской философии. М.: Академпроект, 2020. 551 с.
9. Масонство в его прошлом и настоящем: сборник: в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. С. П. Мельгунов, Н. П. Сидоров. СПб.: Задруги и К. Некрасов, 1914. 291 с.
10. Писарчик Т. П. Ранние представления В. С. Соловьёва о Софии // Вестник Оренбургского государственного университета. 2018. № 6 (88). С. 25–32.
11. Соловьёв В. С. Чтения о Богочеловечестве. М.: Юрайт, 2021. 185 с.
12. Фрагменты ранних греческих философов: в 2 ч. Ч. 1 / сост. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989. 577 с.
13. Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи. М.: АСТ, 2003. 640 с.

14. Cotnoir A. J. Theism and Dialetheism // *Australian Journal of Philosophy*. 2018. № 96 (3). P. 592–609.
15. Martin B. In Defence of Dialethism: A Reply to Beziau and Tkaczyk // *Logic and Logical Philosophy*. 2018. № 27 (2). P. 205–233.
16. Tkaczyk M. The Case of Dialethism // *Logic and Logical Philosophy*. 2019. № 25. P. 203–224.
17. Weber Z. Atheism and Dialetheism; or, 'Why I Am Not a (Paraconsistent) Christian' // *Australian Journal of Philosophy*. 2019. № 97 (2). P. 401–407.

REFERENCES

1. Bazhanov V. A. [On the Influence of C. Pierce's Ideas on the Work of N. A. Vasiliev]. In: *Sovremennaya logika: problemy, teorii, istorii i primeneniya v nauke: materialy konferencii, g. Sankt-Peterburg, 18–20 iyunya 2020 g.* [Modern Logic: Problems, Theories, Histories and Applications in Science: Conference Proceedings, St. Petersburg, June 18–20, 2020]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2020, pp. 10–13.
2. Vasil'ev N. A. [On Private Judgments, on the Triangle of Opposites, on the Law of the Excluded Fourth]. In: *Uchyonye zapiski imperatorskogo Kazanskogo universiteta* [Scientific Notes of the Imperial Kazan University], 1910, vol. 77, pt. 10, pp. 3–47.
3. Vasil'ev N. A. [Logical and Historical Method in Logic (On the Ethical Systems of L. N. Tolstoy and V. S. Solovyov)]. In: *Sbornik v chest' D. A. Korsakova* [Collection in Honor of D. A. Korsakov]. Kazan, M. A. Golubev's Publ., 1913, pp. 449–457.
4. Vasil'ev N. A. *Voobrazaemaya logika* [Imaginary Logic]. Moscow, Moscow State University Publ., 1989. 263 p.
5. Vygotsky L. S. *Lekcii po psikhologii* [Lectures on Psychology]. Moscow, Perspektiva Publ., 2019. 148 p.
6. Gutova S. G. [Foundations of Metaphysics in the Philosophy of Unity]. In: *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Nizhnevartovsk State University], 2020, no. 2, pp. 11–18.
7. Zhdan A. N. *Istoriya psikhologii ot antichnosti k sovremennosti* [The History of Psychology from Antiquity to the Present]. Moscow, Akadempromekt Publ., 2018. 587 p.
8. Lossky N. O. *Istoriya russkoj filosofii* [History of Russian Philosophy], Moscow, Akadempromekt Publ., 2020. 551 p.
9. Mel'gunov S. P., Sidorov N. P., eds. *Masonstvo v ego proshlom i nastoyashchem: sbornik. Ch. 2* [Freemasonry in its Past and Present. Pt. 2]. St. Petersburg, Zadrugi i K. Nekrasov Publ., 1914. 291 p.
10. Pisarchik T. P. [Early Ideas of V. S. Solovyov about Sofia]. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University], 2018, no. 6 (88), pp. 25–32.
11. Solov'yov V. S. *Chteniya o Bogochelovechestve* [Readings about God-mankind]. Moscow, Yurait Publ., 2021. 185 p.
12. Lebedev A. V., ed. *Fragmenty rannih grecheskih filosofov. Ch. 1* [Fragments of the Early Greek Philosophers. Pt 1]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 577 p.
13. Florensky P. A. *Stolp i utverzhdenie Istiny. Opyt pravoslavnoj teodiceii* [Pillar and Affirmation of Truth. Experience of Orthodox Theodicy]. Moscow, AST Publ., 2003. 640 p.
14. Cotnoir A. J. Theism and Dialetheism. In: *Australian Journal of Philosophy*, 2018, no. 96 (3), pp. 592–609.
15. Martin B. In Defence of Dialethism: A Reply to Beziau and Tkaczyk. In: *Logic and Logical Philosophy*, 2018, no. 27 (2), pp. 205–233.
16. Tkaczyk M. The Case of Dialethism. In: *Logic and Logical Philosophy*, 2019, no. 25, pp. 203–224.
17. Weber Z. Atheism and Dialetheism; or, 'Why I Am Not a (Paraconsistent) Christian'. In: *Australian Journal of Philosophy*, 2019, no. 97 (2), pp. 401–407.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Прядко Игорь Петрович – кандидат культурологии, доцент кафедры социальных, психологических и правовых коммуникаций Московского государственного строительного университета;
e-mail: priadcko.igor2011@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor P. Pryadko – Cand. Sci. (Culturology), Assoc. Prof., Moscow State University of Civil Engineering;
e-mail: priadcko.igor2011@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Прядко И. П. В поисках логоса: Н. А. Васильев и П. А. Флоренский // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 4. С. 20–31.
DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-20-31

FOR CITATION

Pryadko I. P. The in Search of Logos: N. A. Vasiliev and P. A. Florensky. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2022, no. 4, pp. 20–31.
DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-20-31

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 1+113

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-32-42

ЭВОЛЮЦИОННАЯ И КРЕАЦИОННАЯ КАРТИНЫ ГЕНЕЗИСА ЗЕМЛИ В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Алёхина Е. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать особенности развития отечественной философской космологии XX–XXI вв. Обосновать тезис, что общим мотивом оказалось противостояние механистической картине мира, но с разных позиций – диалектического материализма и христианского энергетизма, стихийно-эволюционного или разумного Замысла объяснения единства мироздания, происхождения и развития Земли.

Процедуры и методы. Исследованы три этапа отечественной философской космологии: классический период конца XIX – первой половины XX вв., советская философия геологии 1980-х гг. и постсоветская философская мысль.

Результаты. Автор обосновывает тезис, что в обозначенных направлениях по-разному истолковываются данные естественных наук в зависимости от мировоззренческих позиций. Но именно традиция православного энергетизма в отечественной философии, преодолевая редукционизм и наивный реализм механистического подхода диалектического материализма, соответствует последним научным выводам о невозможности случайного появления жизни и разума.

Теоретическая и/или практическая значимость. Продолжение и развитие в постсоветской философии традиции православного энергетизма русской классической философии позволяют увидеть непротиворечивое единство научной и религиозной картин мира в объяснении уникальности Земли во Вселенной, подчеркнуть особую ценность и смысл человеческого существования.

Ключевые слова: диалектика, космология, метафизика, основания науки, православный энергетизм, теоретическая геология, целесообразность

EVOLUTIONARY AND CREATIVE PICTURES OF THE EARTH GENESIS IN SOVIET AND POST-SOVIET PHILOSOPHY

E. Alekhina

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Moscow 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the features of the development of Russian philosophical cosmology in the 20–21st centuries. To substantiate the thesis that the common motive turned out to oppose to the mechanistic picture of the world, but from different positions – dialectical materialism and Christian energyism, spontaneous evolutionary or rational Intent to explain the unity of the universe, the origin and development of the Earth.

© CC BY Алёхина Е. В., 2022.

Methodology. Three stages of Russian philosophical cosmology have been studied: the classical period of the end of the 19th – the first half of the 20th century, the Soviet philosophy of geology of the 80s, and the post-Soviet philosophical thought.

Results. The author substantiates the thesis that in the indicated directions, the data of natural sciences are interpreted differently depending on worldview positions. But it is precisely the tradition of Orthodox energytism in Russian philosophy, overcoming the reductionism and naive realism of the mechanistic approach of dialectical materialism that corresponds to the latest scientific conclusions about the impossibility of the accidental emergence of life and mind.

Research implications. The continuation and development in the post-Soviet philosophy of the tradition of Orthodox energytism of Russian classical philosophy makes it possible to see the consistent unity of the scientific and religious pictures of the world in explaining the uniqueness of the Earth in the Universe, to emphasize the special value and meaning of human existence.

Keywords: dialectics, cosmology, metaphysics, foundations of science, orthodox energytism, theoretical geology, expediency

Введение

Мир есть живое целое, прекрасная гармония – эту первичную истину человек переживает, прежде всего, эстетически. Поэтому с полным правом можно сказать вслед за Аристотелем, что философия родилась из удивления и восхищения перед грандиозностью и красотой мира как космоса. Гармония, целесообразность, совершенство природы становились аргументом в пользу существования Высшего Разума, закономерно управляющего многообразием форм. Космология и космогония как раздел философии изучает мир как единое целое, систему, осмысливает его принципы и иерархию. В ней ставятся кардинальные проблемы происхождения мира, основы (причины) единства мира, направленности мировой эволюции, характера этих изменений (преобладание закономерности или случайности), природы материи, а также особого места Земли во Вселенной. Интерес к её проблематике, принцип космизма, понимание особой значимости нашей планеты в мироздании традиционны для отечественной философии, центрированной вокруг проблемы смысла жизни.

Принципы осмысления мироздания в русской религиозной философии

Русская религиозная философия классического периода (конец XIX – первая по-

ловины XX вв.), видя порядок, разумность, красоту мира, утверждала:

– уникальность и абсолютную ценность жизни на Земле, её божественный источник и высшее предназначение. Космическая жизнь есть «отражение и проявление великих законов духовного бытия» [12, с. 563]. Мир символичен и антропоцентричен, он был создан для человека, и с окончанием человеческой истории откроется новый эон космического бытия;

– софийность природы. София – идеальный первообраз, закон гармонии, принцип иерархизма мира, устремлённого к Богочеловеку в триединстве «основы – разума – святости»; связанность природы с «мировой душой», божественной Жизнью: «земля в действительности есть богоземля» [10, с. 349];

– метафизические, а не прагматические основы науки, как в западной философии, передающей природу «в безраздельное ведение естествознания и тем опустошающей мир» [1, с. 42];

– аскетическое отношение к природному миру: цельная личность способна объективно воспринимать природу, что означает видеть в ней «вечное чудо Божие, живое существо, молящееся Творцу и Отцу своему» [10, с. 307];

– принципиальную несовместимость идеи премудрости сотворённого мира с эволюционизмом пантеистических и мате-

риалистических теорий, обесценивающих мир и человека [1, с. 2];

– всеединство мироздания в нетварных божественных энергиях – запредельных истоках мира; вывод о научной несостоятельности дарвинизма и иных подобных механистических схем обусловливается органическим пониманием мира, признанием «целевого» характера бытия, сохранением прошлого и предвосхищением будущего, «имением» будущего в настоящем [11, с. 356];

– осмысленность христианской модели творения её личностным характером как по отношению к Творцу, так и по отношению к человеку. Взглянув на мировую космическую жизнь сквозь научно-материалистические «очки», С. Л. Франк представил её как бессмысленную игру слепых сил: «И эти-то ничтожные создания природы мечтают о смысле своей общей жизни, хотят достигнуть счастья, разума и правды. Какая чудовищная слепота, какой жалкий самообман!» [12, с. 530].

Рассмотрим основные варианты решения вопросов философской космологии в истории отечественной философии, занимающейся проблемами геологии последние три-четыре десятилетия. Интерес философов к геологии не случаен: она изучает оболочку Земли, т. е. непосредственную среду жизни человека. Природа выступает перед человеком прежде всего как природа Земли в единстве биологических, географических и геологических явлений и процессов. Представления о них образуют центр, ядро картины мира. Такое положение знаний о Земле, включая и геологические, останется и в обозримом будущем, поскольку оно соответствует естественно-му геоцентризму нашего мировоззрения, несмотря на возможное возражение, что оно давно устарело и уже формируется новое мировоззрение – «космический геоцентризм».

Проблемы теоретической геологии в советской философии 1980-х гг.

Интерес к теоретической геологии появился в советской философии с 60–70-х гг. Поскольку геология одной из главных своих задач ставит исследование развития Земли и неживой природы в целом, данные этой науки использовались для формирования диалектико-материалистической концепции природы в борьбе с религиозно-идеалистическим мировоззрением как ненаучным и, следовательно, неистинным. Вопросам обоснования геологической формы движения материи и выяснению её места среди других форм движения посвящены работы Б. М. Кедрова, М. Н. Руткевича, И. Ф. Зубкова, Ю. П. Трусова, Е. В. Шанцера и ряда других учёных. По вопросу о конкретном содержании геологической формы движения имелись различные точки зрения. Если, к примеру, Ю. П. Трусов считает, что геологическая форма движения присуща всей Земле, И. Ф. Зубков относит к ней только земную кору, обосновывая это необходимостью связать её с эмпирическим базисом геологической науки.

Особенности формирования картины геологической реальности, становление представлений о системном характере объекта геологии, поиск противоречия, лежащего в основе развития Земли, стали предметом монографии И. Ф. Зубкова «Природа объекта геологии и актуальные философские вопросы его познания». Это исследование примечательно уже тем, что автор выдвигает идею «геологической формы движения материи», опосредующей между химической и биологической и объединяющей все остальные формы движения. Оригинальной точкой зрения автора является осознание особой значимости Земли в мироздании, что и нашло своё выражение в понятии «геологическая форма движения», «присущей (подобно биологической и социальной) лишь некоторым планетам, определённым стадиям их развития, а именно возникновению на планете гидросферы» [3, с. 9].

Решая проблему природы (сущности) Земли и, следовательно, определяя основной подход к ней – механический, химический, минералогический, планетарный (астрономический), биологический, социальный, – И. Ф. Зубков выбирает позицию производственной практики, прежде всего горно-геологической, которая развивается на «корковой» части нашей планеты. Земля рассматривается им с прагматической точки зрения истории добычи полезных ископаемых и развития общественно-го производства. Подчёркивается мысль, что человеческая деятельность, становясь геологической силой, определяет судьбу Земли. Мы видим, таким образом, как в материалистической философии сохраняются фрагменты библейского мировоззрения, например, в виде веры в единство мира, центральное место человечества и Земли в мироздании. Несмотря на это, имеются и принципиальные различия. Сошлёмся на мнение современного протестантского учёного-креациониста Генри Морриса, который находит пятнадцать противоречий между библейским повествованием и эволюционной космогонией. Большая часть из них непосредственно относится к эволюционной геологии [6, с. 109–111].

Дальнейшие исследования по предмету эволюционной геологии И. Ф. Зубков ведёт в рамках двух постулатов – материализма и диалектики. Первый звучит наивно реалистически: «просто понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлений» [5, с. 513]. Второй постулат, направленный против механистической трактовки принципа детерминизма, утверждает возможность саморазвития материальных форм от атомного уровня до биологического. Исходя из этих постулатов, рассмотрим, как автором решаются узловые проблемы теоретической геологии. Отметим сразу, что главной проблемой становится выявление носителя интегративных, системных свойств каждой формы движения материи (в данном случае – геологической), обнаружение основы её функциональной и структурной целостности. Поскольку носитель

целостности по определению должен быть материальным, возникают неразрешимые трудности, ибо найти такой носитель, как оказалось, просто невозможно.

Геологическая форма движения в материалистической диалектике рассматривается как необходимое звено в непрерывной цепи эволюции двух рядов генетически близких между собой форм движения: первый – от планетной формы до социальной, второй – от субатомных форм до макрофизической. Для И. Ф. Зубкова очевидно, что эти два ряда представляют собой фрагменты единого, более общего ряда форм движения, но как эти группы связаны между собой, ясного и определённого ответа, по его признанию, пока нет. Вместе с тем, понимая необходимость развернуть во времени историю «геологической формы», автор пытается представить себе развитие форм движения исходя из «холодной» модели образования планет из первичной туманности, руководствуясь качественно-количественным подходом с его «скачками» [3, с. 136]. Каково же материалистическое видение геологической истории состояния нашей планеты? Вот этот космический пейзаж: исходный период – лунный рельеф, промежуточная марсианская стадия – появление атмосферы, конечная земная – появление гидросферы. Движущая сила этих процессов утверждается в основном противоречии геологической системы – это переход твёрдой фазы в жидкую (или квазижидкую) и обратно, взаимодействие которых объясняет образование гор и континентов. Определяя движение в категориях притяжения (гравитация) и отталкивания (солнечное тепло), автор видит их непрерывную борьбу, «которая в одни моменты и в одних участках Земли приводит к временному перевесу притяжения, в другие моменты и в других участках – отталкивания» [3, с. 116]. Так, в результате геологического этапа развития материи возникает жизнь – принципиально иная форма бытия, чудо которой объясняется теорией А. И. Опарина «взаимодействия органических и неорганических тел» [3, с. 118]. Тем самым в попытке

научного объяснения происхождения и развития Земли И. Ф. Зубков использует (возможно, неосознанно) метафизический метод – веру в самодвижущуюся материю.

Общепризнано, что современная геология находится в кризисном состоянии, возникают сомнения относительно существования законов геологического объекта. Кризис в науке возникает тогда, когда теоретические основы её приходят в противоречие с массивом нового эмпирического материала. И выход из него находится не столько в использовании методов точных наук, сколько в ревизии самих оснований наук о Земле, господствующего в них мировоззрения. Именно такая задача ставилась И. Ф. Зубковым, который критически отмечал преобладание метафизики и механицизма в этой научной области, предпринимая усилия последовательного проведения в геологии принципов диалектико-материалистической концепции развития. Механистический метод оправданно им отрицается именно потому, что случай становится в нём главным механизмом изменений в жизни земной коры. И. Ф. Зубков делает глубокое замечание, что если принять такой подход, земная кора «должна была бы не развиваться, а бессвязно и хаотично изменяться. Однако вся история геологической науки свидетельствует именно о закономерном развитии земной коры» [3, с. 243]. И тут, по нашему мнению, автор попадает в неразрешимое противоречие диалектико-материалистического метода: с одной стороны, в нём нет ничего раз и навсегда установленного, с другой – отвергается мобилизм теории «новой глобальной тектоники», потому что в ней «всё постоянно течёт, всё постоянно меняется и нет ничего устойчивого», значит, нет понимания того, что «развитие – это способ самосохранения материи путём закономерного её изменения» [3, с. 243] (из рассуждения Зубкова следует абсурдный вывод: в материи слепо действует целесообразный, т. е. разумный, закон самосохранения!).

Речь идёт, таким образом, о сущности законов, источнике детерминации. В каче-

стве источника движения и развития механицизм рассматривал внешний толчок, т. е. «контактное взаимодействие», лишая тем самым объект внутренней активности, которая находится в центре внимания диалектической концепции развития. Однако в поиске источника нового качества она всё же возвращается к механизму количественных накоплений, неизбежно наталкиваясь на *парадокс целостности*. Итак, профессор Зубков ставит кардинальный вопрос: благодаря чему земная кора существует как целостная система? Возникает принципиальный вопрос о *трансцендентном* начале, мыслимом в абстрактных категориях и выходящем за пределы научного опыта, который всегда имеет дело с имманентным, феноменологическим, а не онтологическим. Но с атеистических позиций такой вывод не принимается философом-материалистом.

Постсоветская религиозно-философская мысль о происхождении и развитии Земли

Выход из парадоксов материалистической геологии – «логосно-энергетический» принцип – наметился в постсоветской философской мысли, начиная с 1991 г., когда появилась религиозная свобода. Новую духовную атмосферу научных поисков богослов учёный и протоиерей К. Буфеев описывает так: «Уже спустя пять лет в православных издательствах стали выходить книги против эволюционизма и в защиту православного учения о Сотворении. В 1997 г. был опубликован русский перевод богословского опровержения эволюционизма “Православный взгляд на эволюцию” православного писателя американского происхождения иеромонаха Серафима (Роуза) Платинского» [2, с. 16]. В ситуации слома мировоззренческой системы «научного» атеизма многие учёные и философы обратились к религиозно-философской традиции, осваивая огромный массив философских, богословских и научных источников. На этой волне в стране ежегодно проводятся Международные

Рождественские образовательные чтения с привлечением широкой научной общест-венности, организуются регулярные на-учные семинары, создаются научно-философские и богословские сообщества, такие, как Миссионерско-Просветительский Центр «Шестоднев», научное сообщество «Разумный замысел». Самой востребован-ной темой являются критический анализ теории эволюции в современной есте-ственнаучной и гуманитарной мысли и популяризация научных данных биологии, молекулярной генетики, палеонтологии, антропологии, геологии, свидетельствую-щих о разумном устройстве мира и невоз-можности самозарождения и саморазви-тия живой материи.

Общую позицию, характерную для этого направления научно-философской мысли, наиболее обоснованно выразил А. С. Хоменков: «современная наука под-тверждает полноту христианского миро-воззрения, свидетельствуя не только о Боге-Творце, но и о Боге-Вседержителе нашего мира» [14, с. 6]. Этот вывод мето-дологически обосновывается им ссылками на тенденцию отказа современного есте-ствознания от наивного реализма и обра-щения к более сложным гносеологическим представлениям, которые были сформу-лированы основоположниками квантовой механики, так называемой копенгагенской научно-философской школой (М. Планк, Н. Бор, М. Борн, В. Гейзенберг). Она име-ет философско-методологический кон-текст: научная картина мира не отражает всей реальности, поскольку содержит не-устранимый субъективный компонент; нуждается в дополнении трансцендентной реальностью, непосредственно участву-ющей в жизни окружающего нас мира феноменов. Оправдывая необходимость поворота научно-философской мысли от материализма к идеализму, учёные ссыла-лись на физику, подтвердившую существо-вание реальности за пределами нашего чувственного восприятия, более того, они были убеждены, что материя организуется и существует благодаря силе, управляемой «Разумом, который и является матрицей

всего сущего» [13, с. 215]. А. С. Хоменков проводит параллель этих высказыва-ний с христианскими представлениями о Божественных энергиях-логосах, благода-ря которым объясняется парадокс целост-ности объектов как неживой природы на квантовом уровне, так и живой на генети-ческом (биологическом).

Поскольку научный закон выступает как один из необходимых компонентов теоретического знания, отметим особен-ность геологических законов. Согласно распространённому делению наук на точ-ные и описательные, геологию обычно от-носят ко второму разряду наук, которые не вскрывают законов своего объекта, но отражают пространственное и временное разнообразие. По причине неповторимо-сти, своеобразия и историчности объекта геологии нередко встречается утвержде-ние, что в ней нет своих собственных за-конов, но всё определяется физико-хими-ческими процессами. В упомянутой книге И. Ф. Зубкова отмечается, что в сложных системах, таких как геология, имеют значе-ние статистические законы, проявляющи-еся в виде тенденции, т. е. приобретающие вероятностный характер. Однако автор, по нашему мнению, не следовал собствен-ному утверждению. А вот А. С. Хоменков в книге «По следам разумного замысла» прекрасно продемонстрировал статисти-ческий, вероятностный подход при обо-сновании уникальности условий Земли, делающих её пригодной для жизни. Из этого научного анализа статистической вероятности существования планет, по-добных нашей, логично последовал миро-воззренческий вопрос: могли ли эти ус-ловия возникнуть случайно или в основе «космического проекта» лежит Разумный Замысел?

Стоит напомнить, что до конца прошло-го века в научном мире была уверенность в существовании жизни не только на Земле (В. И. Вернадский), осуществлялись пои-ски внеземного разума (программа SETI). В итоге этих бесплодных поисков сфор-мулировали «парадокс ненаблюдаемости» жизни и разума на других планетах (так

называемый «парадокс Ферми»). Вполне правомерно учёные заговорили о *космологической загадке Земли*, признавая, по сути, в безуспешности всех попыток объяснить на основе привычных атеистических постулатов её уникальность в обеспечении возможности существования жизни и человеческого разума.

Наиболее логичное объяснение этого феномена появилось тогда, когда учёные произвели расчёт вероятности случайного появления во Вселенной планеты Земля с набором всех необходимых условий для существования живых организмов. Оказалось, что вероятность совпадения на Земле сорока одного параметра, необходимых для жизни, равна 10^{-53} . Американский астрофизик Хью Росс в своей книге «Творец и космос» представил это число так: «существует меньше одного шанса из миллиона триллионов, что хотя бы одна такая планета имеется где-нибудь во Вселенной» [18, с. 8]. Конечно, эти расчёты вероятности сами весьма приближительны и относятся только к наблюдаемой части Вселенной, но и они свидетельствуют, что всё устроено не по принципу случайных взаимодействий, как утверждает диалектический материализм. Он ссылается на профессора Оксфордского университета Роджера Пенроуза, рассчитавшего вероятность возникновения Вселенной с существующими в ней параметрами в результате случайного процесса, проходящего согласно новой гипотезе Большого Взрыва. Получилось невероятное число 10^{-123} , из чего следует вывод о целесообразности мироздания, т. е. о Разумном Замысле.

В пользу этого вывода Хью Росс приводит интересные данные. Оказывается, вся Вселенная – как ближний, так и дальний космос – соучаствует в обеспечении необходимыми условиями для земной жизни. При доскональном изучении параметров Земли учёные пришли к выводу, что они связаны с типом звезды (Солнца), а также с типом галактики, к которой она принадлежит (Млечный Путь), что создаёт условия для фотосинтеза и образования тяжёлых элементов (в том числе фтора), необходи-

мых для жизни. Для этого планета должна находиться в определённой части спиральной галактики с определённой звёздной плотностью и на нужном расстоянии от её центра. Кроме того, необходимо наличие других планет и спутников заданного размера, а также необходимо находиться на оптимальном расстоянии от них для обеспечения нужной величины магнитного поля Земли. Другие ограничения для жизни: период вращения, масса планеты, величина гравитации, наклон оси, вулканизм, тектоника плит и т. д., – их, как говорилось выше, к концу XX в. учёные насчитали сорок один параметр.

Подтверждение вмешательства Творца и Вседержителя находят также в свидетельствах учёных об удивительных, *аномальных свойствах воды*, «нацеленных» на обеспечение благоприятных для жизни условий. Оказывается, свойства водной системы не являются простой суммой свойств структурных элементов, но приобретают новое качество. Для объяснения этого явления А. С. Хоменков обращается к идее об определённой «коррекции» Вседержителем установленных Им законов, наделяя их аномальными свойствами, благоприятными для жизни.

Следующей областью, свидетельствующей о Творце и Вседержителе мира, является феномен *эстетических закономерностей* живой природы – как некие прекрасные детали, адресованные разумному человеку. Математическая простота и упорядоченность пропорции «золотое сечение», музыкальных форм птичьего пения свидетельствуют о «логосных» принципах мирового устройства. Для подтверждения своих наблюдений А. С. Хоменков обращается к творчеству известного биолога А. А. Любищева, который писал, что морфологические структуры биологических объектов «лишь в частных случаях определяются выполняемыми функциями, а в более общем случае подчиняются некоторым математическим законам гармонии. В многообразии форм есть своя, не зависящая от функции упорядоченность» [15, с. 155].

В философии геологии немалое значение приобретает проблема *геохронологии*, поскольку именно с возрастом Земли ассоциируются сценарии или случайного самообразования, или библейского творения (соответственно, теории староземельные или младоземельные). Идею самопорождения мира и образования Земли из формирующегося Солнца впервые выдвинул Кант, потом её развил Лаплас. Следующий шаг сделал геолог Ч. Лайель, который, по оценке биолога и священника Г. Нейфаха, «предложил мысль, что Библия врёт, и миру на самом деле гораздо больше лет. Этой соблазнительной мыслью Лайель победил без боя... Следует отметить, что учение Лайеля приняли в первую очередь не профессионалы-геологи, лучше других видевшие его слабости, но передовая молодёжь» [7, с. 239] (не случайно актуалистический (униформистский) метод Ч. Лайеля высоко ценил вольнодумствующий Д. И. Писарев). Вместе с тем устойчивость теории катастрофизма и всемирного потопа опиралась на известную сумму наблюдений, давая объяснение геологическим фактам.

В постсоветское время к библейской трактовке этой темы обратился протоиерей Даниил Сысоев, предположив, что все (или большинство) осадочные породы образовались за год потопа. Свидетельства этому, по его убеждению, – «окаменелые следы людей и динозавров и их останки в “чужих” слоях, большие русла рек, появившиеся после стока воды, следы высыхания на берегах озёр и океанов и др.» [9, с. 239]. Из этого тезиса следовало, что стратиграфическая геологическая колонка – лишь умозрительная схема, созданная на основе догмата эволюционизма. Её ошибочность заключалась в исходных принципах формирования: «...сам процесс определения возраста породы основан на принципе “порочного круга”. Эволюция доказывается расположением окаменелостей, которое установлено согласно той же теории эволюции» [9, с. 239]. Ссылаясь на исследования Б. Хобринга, он указывает на факты «неправильного залегания», когда «более

древняя» (по эволюционной шкале) порода располагается над «более молодой». Отвечая на возражение эволюционной геологии о невозможности образования за один год потопа всей массы осадочных пород, о. Даниил отвергает принцип униформизма Лайеля, который безоговорочно высоко ценил И. Ф. Зубков. Он приводит аргументы Г. Морриса, предложившего учитывать в скорости отложения наносов гидравлические характеристики, топографические, метеорологические и литологические факторы. В результате каждый слой осадочных пород формируется за период времени продолжительностью от нескольких минут до нескольких дней [6, с. 315–318].

Эти идеи развивает учёный, специалист в области геолого-минералогических наук А. Лаломов: «Но если средняя скорость накопления осадков не превышает миллиметров за тысячи лет (а именно такая скорость получается, если мы разделим толщину осадочного слоя на время его образования по геохронологической шкале), тогда остатки организмов не должны сохраняться вообще. Тем не менее, порой геологические слои оказываются просто набиты окаменелостями и представляют собой кладбища различных организмов» [4, с. 168].

Заключение

Столкнувшись с открывшейся возможностью конечности человеческой цивилизации, философская мысль XX в. характеризуется поворотом к «новой онтологии» и космологии. Происхождение мира и особое место Земли во Вселенной, будучи традиционной темой для философии, в конце XIX в. получили новый импульс развития в отечественной философии, отозвавшейся на противоречия научно-технического прогресса и те угрозы, которые возникли перед окружающей средой и самой природой человека. Конечно, тогда ещё не было предвидеть масштабы этих процессов, но выход из них искали в правильном направлении – во взаимосвязи

натурфилософии и философской антропологии: изменяя и преобразая мир, человек познаёт связанность мира с Творцом, и в этом самосознании должен учиться свободному самоограничению и ответственности. Однако Октябрьская революция изменила этот вектор на безграничный социальный активизм, веру в то, что Земля всецело подлежит человеческому преобразующему воздействию, находится в его власти, а сам человек управляется только социально-историческими и экономическими законами, находя смысл жизни в содействии прогрессу человечества. Во второй половине XX в. освоение космоса, глобализационные процессы и экологические проблемы возродили в советской философии «планетарное мышление», начинается дискутироваться «природа геологического объекта» как некой уникальной целостности. Прозревая закономерность геологических процессов и пытаясь объяснить их в категориях вещественной детерминации, случайности, взаимопревращения «форм движения материи», философы наталкиваются на скрытый механицизм, редукционизм, наивный реализм и умозрительность конструкций материалистической диалектики, а также на трагический факт отхода от неё естественных наук. С 1990-х гг. стал возможен сам вопрос о методологии диалектического материализма как о «единственно научной» или же как о колоссальной мистификации. Возрождается традиция русской

религиозной философии с её принципами метафизического детерминизма и православного энергетизма, предвосхитившими антропный принцип в науке и современные научные представления, основанные на квантовой теории. Учёные становятся богословами, являя тем самым возможность непротиворечивого единства науки и религии (в отличие от материалистической философии, утверждающей их несовместимость). В наше время такая позиция, основываясь на новейших научных открытиях в физике, биологии, медицине, получает всё большее распространение, хотя преждевременно утверждать, что эпоха материализма ушла в прошлое. Существуют психологические, мировоззренческие, политические основы научной деятельности, которые требуют специального исследования. Ещё одно, как нам представляется, перспективное направление – это религиозно-философское обоснование экологического подхода к геологии. Оно исходит из понимания человека, которым движет «не принижённый взгляд на дом, как на среду, концлагерь, скотный двор, но возвышающий живущего в нём образ дворца, или даже храма Божьего»¹. Действительно, только духовные люди способны творить, не разрушая, но защищая и охраняя дом жизни, где обитает счастье и смысл.

Статья поступила редакцию 15.07.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков С. Н. Природа в философии В. Соловьёва // Булгаков С. Н. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1993. С. 17–46.
2. Буфеев К., прот. Православное учение о Сотворении и теория эволюции. М.: Русский издательский центр имени Святителя Василия Великого, 2018. 418 с.
3. Зубков И. Природа объекта геологии и актуальные философские вопросы его познания. М.: Университет Дружбы народов, 1990. 250 с.
4. Лаломов А. Пешком в прошлое или прогулка по залам Палеонтологического музея // Божественное Откровение и современная наука: альманах. 2005. Вып. 2. С. 155–185.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. Т. 20. 2-е изд. М.: Политическая литература, 1961. 827 с.
6. Моррис Г. Библейские основания современной науки / пер. с англ. СПб.: Библия для всех, 1995. 477 с.
7. Нейфах Г., прот. Гармония Божественного творения. Взаимоотношения науки и религии. М.: Правило веры, 2005. 398 с.

¹ Православие и экология. М.: Московский Патриархат, Отдел религиозного образования и катехизации, 1997. С. 102.

8. Росс Х. Творец и космос / пер. с англ. СПб.: Санкт-Петербургский центр христианской литературы и информации, 1997. 250 с.
9. Сысоев Д., дьяк. Летопись начала. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 1999. 254 с.
10. Флоренский П. Столп и утверждение истины: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1990. 839 с.
11. Франк С. Мысли в страшные дни // Франк С. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 347–393.
12. Франк С. Смысл жизни // Франк С. Смысл жизни: антология / пер. с англ. М.: Прогресс-Культура, 1994. С. 489–583.
13. Хайш Б. Теория Бога / пер. Е. Мирошниченко. М.: София, 2010. 221 с.
14. Хоменков А. Наука против мифов: По следам Разумного Замысла. Тайна живой материи. М.: Белый ветер, 2015. 593 с.
15. Хоменков А. Творец мира в зеркале природы // Гипотеза эволюции: мифы и факты: сборник материалов научного семинара Лектория храма Троицы на Воробьевых горах. М.: Феория, 2019. С. 135–174.

REFERENCES

1. Bulgakov S. N. [Nature in the Philosophy of V. Solovyov]. In: Bulgakov S. N. *Sochineniya. T. 1* [Essays. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 17–46.
2. Bufeef K. *Pravoslavnoe uchenie o Stvorenenii i teoriya evolyucii* [Orthodox Doctrine of Creation and the Theory of Evolution]. Moscow, St. Basil the Great Russian Publ., 2018. 418 p.
3. Zubkov I. *Priroda ob'ekta geologii i aktual'nye filosofskie voprosy ego poznaniya* [The Nature of the Object of Geology and Topical Philosophical Issues of its Knowledge]. Moscow, Peoples' Friendship University Publ., 1990. 250 p.
4. Lalomov A. [Walking into the Past or a Walk through the Halls of the Paleontological Museum]. In: *Bozhestvennoe Otkrovenie i sovremennaya nauka* [Divine Revelation and Modern Science], 2005, vol. 2, pp. 155–185.
5. Marx K., Engels F. *Sochineniya. T. 20* [Works. Vol. 20]. Moscow, Politicheskaya literatura Publ., 1961. 827 p.
6. Morris J. The Biblical Basis for Modern Science (Rus. ed.: *Biblejskie osnovaniya sovremennoj nauki*. St. Petersburg, Bibliya dlya vseh Publ., 1995. 477 p.).
7. Neifah G. *Garmoniya Bozhestvennogo tvoreniya. Vzaimootnosheniya nauki i religii* [Harmony of Divine Creation. The Relationship between Science and Religion]. Moscow, Pravilo very Publ., 2005. 398 p.
8. Ross H. The Creator and the Cosmos (Rus. ed.: *Tvorec i kosmos*. St. Petersburg, St. Peterburg Centre of Christian literature i information Publ., 1997. 250 p.).
9. Sysoev D. *Letopis' nachala* [Chronicle of the Beginning]. Moscow, Sretensky church Publ., 1999. 254 p.
10. Florensky P. *Stolp i utverzhdenie istiny. T. 1* [Pillar and Affirmation of Truth. Vol. 1]. Moscow, Pravda Publ., 1990. 839 p.
11. Frank S. Thoughts in Terrible Days (Rus. ed.: *Mysli v strashnye dni*. In: *Neprochitanoe... Stat'i, pis'ma, vospominaniya* [Unread... Articles, letters, memoirs]. Moscow, Moscow school of political research Publ., 2001, pp. 347–393.
12. Frank S. The Meaning of Life (Rus. ed.: *Smysl zhizni*. In: Frank S. *Smysl zhizni* [The Meaning of Life]. Moscow, Progress-Kul'tura Publ., 1994, pp. 489–583).
13. Haisch B. The God Theory: Universes, Zero-Point Fields, and What's Behind It All (Rus. ed.: Miroshnichenko E., transl. *Teoriya Boga*. Moscow, Sofiya Publ., 2010. 221 p.).
14. Homenkov A. *Nauka protiv mifov: Po sledam Razumnogo Zamysla. Tajna zhivoy materii* [Science against Myths: In the Footsteps of Intelligent Design. The Secret of Living Matter]. Moscow, Bely veter Publ., 2015. 593 p.
15. Homenkov A. [The Creator of the World in the Mirror of Nature]. In: *Gipoteza evolyucii: mify i fakty: sbornik materialov nauchnogo seminara Lektoriya hrma Troicy na Vorobyovyh gorah* [Hypothesis of Evolution: Myths and Facts: Collection of Materials of the Scientific Seminar Lecture Hall of the Trinity Church on Sparrow Hills]. Moscow, Feoriya Publ., 2019, pp. 135–174.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алёхина Евгения Викторовна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: alekhinaevgenia@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgenia V. Alyokhina – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: alekhinaevgenia@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алёхина Е. В. Эволюционная и креационная картины генезиса Земли в советской и постсоветской философии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 4. С. 32–42.
DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-32-42

FOR CITATION

Alyokhina E. V. Evolutionary and Creative Pictures of the Earth Genesis in Soviet and Post-Soviet Philosophy. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2022, no. 4, pp. 32–42.
DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-32-42

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 740

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-43-51

СМЫСЛОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТОВ *ТЕРРОР* И *ХОРРОР*

Евстифеева Е. А., Черней В. В.

Тверской государственный технический университет

170026, Тверская обл., г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, д. 22, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Раскрыть смысловые особенности концептов *террор* и *хоррор* в конфигурации с феноменом современного терроризма.

Процедуры и методы. Основное содержание исследования составляет выявление семантической и смысловой соразмерности концептов *террор*, *хоррор* в конфигурации с феноменом терроризма. С применением феноменологического, герменевтического, дискурсивного подходов рассматривается их релевантность.

Результат. Актуализирована значимость философской концептуализации слов *террор*, *хоррор*, *терроризм*. Смысловая особенность современного терроризма – это его заточенность под политические желания и амбиции, что подразумевает использование насилия в достижении политической цели посредством страха, принуждения или запугивания. Террор – это способ действия с применением силы с целью парализовать через устрашение волю массового и индивидуального субъектов к сопротивлению. Семантический анализ концептов *хоррор* и *террор* выявил, что хоррор в отличие от террора – это не устрашение как таковое, а циркулярное нагнетание страха и паники.

Теоретическая и/или практическая значимость. В работе даётся описание современных граней терроризма. Доказывается, что явление терроризма остаётся малоизученным. Это влечёт концептуальный анализ релевантных терроризму концептов *террор* и *хоррор*.

Ключевые слова: концепт, террор, терроризм, хоррор, цивилизация

SENSITIVE FEATURES OF *TERROR* AND *HORROR* CONCEPTS

E. Evstifeeva, V. Cherney

Tver State Technical University

nab. Afanasiya Nikitina 22, Tver 170026, Tver Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To reveal the semantic features of the concepts of *terror* and *horror* in configuration with the phenomenon of modern terrorism.

Methodology. The main content of the research is the identification of the semantic proportionality of the concepts *terror* and *horror* in configuration with the phenomenon of terrorism. Their relevance is considered with the use of phenomenological, hermeneutic, discursive approaches.

Results. The significance of the philosophical conceptualization of the words *terror*, *horror*, *terrorism* is actualized. The semantic feature of modern terrorism is its focus on political desires and ambitions, which implies the use of violence to achieve a political goal through fear, coercion or intimidation. Terror is a method of action with the use of force in order to paralyze, through intimidation, the will of the mass and individual subjects to resist. A semantic analysis of the concepts *horror* and *terror* revealed that horror, unlike terror, is not intimidation as such, but a circular injection of fear and panic.

Research implications. The paper gives a description of the modern facets of terrorism. It is proved that the phenomenon of terrorism remains poorly understood. This entails a conceptual analysis of the concepts *terror* and *horror* relevant to terrorism.

Keywords: concept, terror, terrorism, horror, civilization

Введение

В последние десятилетия проблема терроризма как особой формы насилия актуализировалась в контексте экспрессивно выраженного идейного характера. Примером тому могут служить недавние события на Украине, с территории которой, как пандемия, по всему миру распространяются идеи радикальных движений. Отражением этой проблемы является продолжающаяся философская и научная дискуссия о смысловых особенностях релевантных терроризму концептов. От корректного толкования концептов *террор* и *хоррор* зависят философская и научная адекватность и итоги изучения феномена терроризма, его природы и причин. При всей кажущейся одинаковости концептов *террор* и *хоррор* ('ужас' в обоих случаях) находятся разные их смысловые наполнения. В философском дискурсе встречается точка зрения, отождествляющая хоррор с нашей цивилизацией.

Этимология концепта терроризм

Определимся со словами *концепт*, *терроризм*, *террор*. Понятие *концепт* закреплено в философской литературе П. Абеляром в связи с разработкой темы универсалий. Концепт (от лат. *conceptus* – 'восприятие', 'собрание') – акт улавливания смысла проблемы в рамках речевого изложения¹, т. е. это смысловая на-

полненность понятия в отвлечении от конкретно-языковой формы его выражения. Р. Карнап поместил концепт между языковыми высказываниями и соответствующими им денотатами². Термин *денотат* (от лат. *denotatus* – 'обозначенный') введен А. Чёрчем, он означает объяснение смысла и значения, разъяснение того, что мы называем этим именем (например, денотат имени "Северная Пальмира" – город Санкт-Петербург³).

Этимологически понятие *терроризм* говорит нам о его латинских истоках (от лат. *terror* – 'ужас', 'страх'; *terroris* – всё, что может внушать ужас). Сходное значение слово в английском языке имеет слово *terror*, а также во французском – *terreur*. Аристотель дефинировал *террор* для обозначения крайней, особой степени проявления ужаса, который охватывал всех присутствующих зрителей в театрах греческой эпохи. Это был ужас перед несуществующей реальностью, который выражался в форме страдания, боли, гнева, хаоса и злобы. Считается, что через фигуру «театра» происходило осмысление явления террора, что, в свою очередь, способствовало возникновению органа, осуществляющего правосудие, который призван побеждать террор через судебную власть [6, с. 9].

С тех пор дискуссионным остаётся вопрос семантической и смысловой расплывчатости дефиниции терроризма в рамках социокультурного контекста [5, с. 65–76; 7].

¹ Концепт // Электронная библиотека Института философии РАН. Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH28261615260566fbd37028> (дата обращения: 23.04.2022).

² Подопригора С. Я. Философский словарь. 2-е изд., стер. Ростов н/Д.: Феникс, 2013. С. 175.

³ Подопригора С. Я. Философский словарь. 2-е изд., стер. Ростов н/Д.: Феникс, 2013. С. 92.

Некоторые исследователи считают, что терроризм впитал в себя всё самое злобное, подлейшее, позорное, безнравственное и отвратительное, что было накоплено человечеством за всю свою историю. Сейчас имеется достаточно оснований утверждать, что в результате процессов глобализации в мире терроризм значительно видоизменился, распространяются кибертерроризм и информационный терроризм, особую озабоченность вызывает ядерный терроризм.

Историческая ретроспектива показывает, что современный терроризм как социально-правовое явление существует более чем две тысячи лет. Достаточно взглянуть на исторические события борьбы Древнего Израиля с римлянами, где представители группировки zelотов нередко использовали террор в индивидуальном порядке как инструмент в достижении своих целей. Одной из первых террористических группировок является иудейская религиозная секта сикариев [кинжалщиков], действовавшая на занятой римскими войсками территории Древней Иудеи в 66–73 гг. нашей эры. Они промышляли убийствами римских чиновников, уничтожали хранилища с зерном, разрушали объекты водоснабжения, поджигали дома предателей и т. д.

Если брать более поздний период, террористическими методами не гнушались и религиозные секты внутри ислама, например, это движение хариджитов в VII в., отвергавших идею о любых попытках цивилизованного решения политических и религиозных проблем. Главным средством достижения целей были насилие, смута и политические тайные убийства приверженцев других религиозных убеждений. Религия в то время для нарождающихся государств была той идеологической основой, которая служила укреплению политической власти. Начиная с XIX в., религия заменялась иными идеологическими императивами, например революционными и националистическими.

Двойственная природа террора, выдвинутая наиболее одиозными членами революционного движения второй половины

XIX – начала XX вв., выразилась в том, что террористические акции устрашения были в силах надавить на народные массы и политическое руководство. Наиболее яркие представители анархизма П. Кропоткин, М. Бакунин были сторонниками борьбы, средствами которой являются отравление, убийство своих политических оппонентов. В действительности и в наше время террорист имеет определённый фон борца за свободу и веру. Таким образом, можно сказать, что данная угроза обществу, т. е. терроризм, имеет в своей оценке двойственную природу. А иначе как можно объяснить, что даже в материалах ООН в специальной антитеррористической комиссии одиозный террорист Хаттаб именовался профессионалом-революционером, лидером борьбы против врагов ислама [1, с. 107–108].

Терроризм как многомерный феномен

Терроризм превратился в проблему глобального масштаба. Глобальные проблемы были охарактеризованы как проблемы, имеющие отношение к витальным интересам всего населения земного шара, решение которых требует консолидации усилий подавляющего большинства или даже всех государств и народов мира. Угроза разрастания международного терроризма зависит от многих факторов, в том числе от личностных характеристик самих террористов, от их фанатичной веры установить новый мировой порядок вещей¹.

Анализируя данный феномен, можно выделить три обуславливающих его компонента: 1) социально-экономический (+ геополитический); 2) культурный (столкновение культур цивилизаций); 3) экзистенциальный. О первых двух написано достаточно. Что касается третьего, ему уделялось меньше внимания, хотя, на наш взгляд, в недалёком будущем именно данный фактор может иметь решающее значение. Поэтому имеет смысл остановиться на нём подробнее.

¹ Подопригора С. Я. Философский словарь. 2-е изд., стер. Ростов н/Д.: Феникс, 2013. С. 175.

Вероятно, террор как акт насилия личности над личностью существовал всегда, однако в наши дни данный феномен приобретает особый характер, обусловленный процессом глобализации и стандартизации, что, в свою очередь, приводит к деструкции (тотальной деконструкции) духовности современного человека. Корни этой деструкции покоятся в тех противоречиях современной техногенной цивилизации, которые проявляются в сочетаниях: технологического авангардизма с первобытной этикой, унификации жизни с разгулом этноцентризма, гипертрофированного индивидуализма с рудиментами первобытной стадности и пр. Трудности появляются также из-за неспособности человека быстро приспосабливаться к высоким темпам роста информационных технологий и социальных преобразований. Проблематичность адаптирования человека выступает новой реальностью в социуме. Фактически формой адаптации человека могла бы стать культура и её ценности как среды бытия-существования культурных смыслов и символов. Но сейчас эта среда раскалывается внутри самой себя на культуру и цивилизацию. Философский ракурс данной проблемы восходит к конфигурациям террора и терроризма, террора и хоррора.

Генеалогия феномена террора

В философском дискурсе под террором принято понимать масштабное насилие как один из методов поддержки тоталитаризма. Террор как явление закрепился в якобинский период Французской революции. В строгом понимании террор направлен против политических оппонентов тиранических режимов во время вооружённого противостояния. В этом качестве понятие террора применимо к самым зверским правлениям императоров Рима Тиберия, Нерона и Калигулы в первом веке. В истории Древней Руси, при царствовании Ивана Грозного, это понятие часто применялось при анализе оприч-

ного войска (отряд телохранителей)¹. С. У. Дикаев в своих работах делает акцент на то, что террор – это реализация преступной политики, выражающаяся в систематическом использовании субъектами власти актов насилия, таких, как геноцид, развязывание вооружённых конфликтов, насильственная депортация населения с целью внушения чувства страха перед властью или отдельными её органами [2, с. 464]. По мнению академика А. А. Гусейнова, страх – это внутреннее состояние человека, способное осознавать всю иллюзорность современного мира и угрозу человеческой жизни. Согласно Дж. Локку, «страх есть беспокойство души при мысли о будущем зле, которое, вероятно, на него обрушится»².

В преамбуле нашей работы был указан перевод слова *terror* – 'страх', который и составляет его сущность. Но страх чего? Высоты, замкнутого пространства, темноты и т. п.? Нет. Такая категория страхов стоит ближе к видам психических нарушений или к разряду голоса сердца (инстинкт). Миссия террора заключается в уничтожении противников. Каким способом? Через насилие. Ради чего? Ради какой-то определённой цели. В каком виде? В виде войны, которая не только испокон веков считалась естественным видом разрешения споров между общинами, но и их же социальным творением.

Люди изобрели часы для измерения времени, термометр для измерения температуры, барометр, чтобы измерять давление воздуха в атмосфере и т. п. Главное в их основе – это то, для чего они предназначены. Своё предназначение имеют терроризм, террор и война, а состоит оно в том, чтобы при совершении акта насилия достигать стратегических целей, которым служат слава, власть и деньги [4, с. 30, 31, 32].

В российских словарях дефиниция *terror* трактуется как содержание в страхе

¹ Террор // Степин В. С. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4: Т–Я. М.: Мысль, 2001. С. 56.

² Страх // Гусейнов А. А. Философский словарь. 9-е изд., дораб. и доп. М.: МИР философии: Алгоритм, 2021. С. 725.

своих противников через применение к ним физического насилия вплоть до полного их разгрома, а *терроризм* определяется как практика и политика террора¹. А только ли физическое насилие? Как явление, насилие может быть экономическим, психологическим и др. В иностранных словарях понятие *террор* – это политика устрашения всеми средствами своих политических противников, применение к ним физической силы вплоть до совершения убийств. Террор олицетворяет собой акции массового физического, психологического или идеологического насилия, осуществляемого общественно-политическими структурами, обладающими неограниченной властью над находящимся в сфере их деятельности социальным контингентом, в целях склонения масс к предначертанным действиям и поступкам [3, с. 5, 6].

В последнее время мы стали часто замечать, что не только в обыденной речи, но и в научных работах, диссертациях, газетных статьях и даже в официальных источниках явления *террор* и *терроризм* стали понятиями-синонимами. Говорят *террор*, а имеют в виду *терроризм* и наоборот. Соответствует ли это истине? Частично – да. Слово *террор*, как мы уже отмечали выше, в переводе с латинского означает ужас, страх. Поэтому по смыслу оба эти понятия однозначны. Но это правильно только отчасти. В изначальном смысле эти понятия сближает то, что чувство страха и ужаса имеют одно основание – это насилие, которое и вызывает данные ощущения [6, с. 9].

В психологии страх рассматривается в качестве основной эмоции, в одном ряду с которой гнев, печаль и радость. Страх – это эмоция избегания и распознавания надвигающейся, очевидной опасности². Психология определяет ужас как эмоцию,

постоянно усиливающуюся переживанием страха, т. е. террор – это такое циркулярное нагнетание переживания страха, которое вызывает ужас. Чувство страха само по себе вызывает и усиливает страх, доводя его до стадии inferнального ужаса. Ужас – это высший уровень переживания страха за счёт усиления циркуляции этого чувства в психике человека. Иначе говоря, ужас – это страх, помноженный на ещё больший страх.

Ужас – сильнейшая эмоция, следовательно, человек переживает её нечасто. К. Е. Изард в своём труде «Психология эмоций» указывал, что страх – это предтеча ужаса, и тем не менее это реальность нашего бытия. Каждый человек при самых разных обстоятельствах может испытывать страх, но все эти моменты имеют одну сходную особенность. Человек их рассматривает и оценивает как условия, при которых ему может быть нанесён моральный или физический урон. Поэтому террор – это прежде всего действия способом насилия, ужас, который встаёт перед человеком от мысли об отсутствии права на жизнь перед лицом угрозы. Таким образом, с точки зрения психологии, террор есть состояние inferнального страха (ужаса), появляющееся как реакция на действия, цель которых вселить ужас и страх в отношении лиц, на которых они направлены [3, с. 7].

Для того, чтобы противостоять этому явлению, необходимо чётко идентифицировать причины, движущие террористами. Встречается точка зрения, видящая первопричины террора в противоречиях, накопившихся в общественной жизни. Террор как социально-политический феномен тесно связан с психологическими, юридическими, философскими, историческими и религиозными проблемами, а также с национальными традициями в жизни государств, религий и наций [8, с. 191–222].

Встречается мнение о цивилизационных причинах явления террора, когда он видится как лестница, по которой человечество взбирается на эшафот. Понятие цивилизации (от лат. *civilis* – ‘гражданский, государственно-правовой’) было введено

¹ Терроризм // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2010. С. 796.

² Страх // Корсини Р., Ауэрбах А. Психологическая энциклопедия. 2-е изд. СПб.: ПИТЕР, 2006. С. 867.

просветителями XVIII в. для обозначения высокоразвитого в культурном отношении общества, основанного на государственно-правовых, разумных и справедливых началах, и противопоставлялось патриархальным, родоплеменным отношениям отсталых в своём развитии народов как в древности, так и в открытых европейцами в XVI–XVIII вв. землях¹. Развитые цивилизации не уничтожались кем-то. Они сами убивали себя. Такого мнения придерживается философ, историк, социолог А. Д. Тойнби в своём масштабном научном труде «Постижение истории» о 28 цивилизациях разного рода. Возможно, он был прав: цивилизации становятся ответственными за собственное угасание. Вероятно, этому процессу что-то благоприятствовало. Какие перемены в обществе в силах отменить или приблизит гибель? И наблюдаем ли мы сегодня подобные схемы?

От террора к хоррору

В английском языке *horror*: 1) отвращение (и страх), ужас, омерзение, отношение к чему-либо с отвращением; 2) ужасные трагические события, ужасные войны; 3) подавленное настроение, приступ страха, белая горячка, пьяный бред². По мнению М. Н. Эпштейна, хоррор отличается от террора тем, что это не устрашающее средство в руках политической власти, а «нагнетание ужаса как такового: повседневного, физического, метафизического, религиозного, эстетического» [10, с. 135]. Хоррор трудно излечивается, он есть «болезнь страха – это чистая потенциальность ужаса, эмоциональная насыщенность которой стремится к бесконечности, даже когда актуальность приближается к нулю» [10, с. 132]. Проще говоря, человеку трудно избавиться от переживания ужаса даже тогда, когда опасность практически миновала. Состояние ужаса заразительно, оно

затягивает в себя. Культуролог и философ также сравнивает хоррор с состоянием цивилизации, которая боится сама себя. Почему? Потому, что любые её достижения: все средства транспорта и коммуникации, почта, интернет, метро, авиация, мосты, высотные здания, водохранилища, медицина и фармацевтика – могут быть использованы против неё. Философ назвал хоррологию тенью учением о цивилизации. Почему? Потому что хоррология изучает цивилизацию как растущую возможность её самодеструкции. М. Эпштейн в своём исследовании перспектив гуманитарных наук в сегодняшнем мире употребляет термин «хоррология», который обозначает науку о «саморазрушительных механизмах цивилизации, которые делают её уязвимой для всех видов терроризма, включая биологический и компьютерный» [11, с. 204].

М. Эпштейн, размышляя об особенностях развития современного цивилизованного мира, замечает, что цивилизация «не просто обнаруживает свою уязвимость, она становится причиной и мерой уязвимости, мера её совершенства и есть мера её хрупкости. Цивилизация – своего рода рычаг для усиления террора, предпосылка его растущей эффективности ... материал, из которого мастера террора лепят свои огненные, ядерные, бактериальные, газовые произведения. И когда на заре XXI века выявляется эта связь террора и цивилизации, тогда – как ответ на террор, точнее состояние беззащитности перед террором – сама цивилизация превращается в хоррор» [10, с. 135].

События из прошлого наглядно показывают правильность тезиса, что чем выше уровень цивилизации и социального комфорта, тем сильнее человек испытывает в себе чувство страха и излишней тревоги, которые со временем становятся не только проблемным полем у врачей-психиатров, но и предметом стягивания духовных и эстетических смыслов. Эта проблема широко отражена в различных видах творческой деятельности. Например, на специализированных рынках книг широко

¹ Гусейнов А. А. Философский словарь. 9-е изд., доп. М.: МИР философии: Алгоритм, 2021. С. 861.

² Апресян Ю. Д., Гальперин И. Р. Большой англо-русский словарь: в 2 т. Т. 1: А–М. М.: Русский язык, 1987. С. 779.

представлены литературные жанры хоррора (ужаса), можно выбрать полюбившийся триллер, а также слэшер (маньяки-убийцы), саспенс (тревога, мучение, волнение) и т. д.

В наше патологически тревожное время в политическом пространстве стали активно использовать хоррор в своих технологиях управления. Явление террора – это способ держать человека в страхе, а хоррор – нагнетание страха, которое создаёт психологическое напряжение. Явление хоррора сегодня часто порождается политическими структурами в целях сохранения и усиления политической власти. Террористические институции и субъекты в своей незаконной деятельности используют технологии нагнетания чувства тревоги, страха, ужаса, разжигают ненависть и вражду между народами. В своих закрытых чатах они ведут свою подрывную пропагандистскую деятельность, запрещённую законом. При помощи новейших информационно-коммуникационных технологий, а также социальных сетей вербуют в свои ряды новых адептов и используют их в своих преступных целях.

Политическая элита, которая пришла к руководству страной при помощи нагнетания страха, в будущем должна выступать, если она захочет сохранить свою законность, только лишь в концепции борьбы с внешним или внутренним врагом, направлять свой политический символизм в соответствующем её идеологии русле. Огромное количество сотрудников охранных предприятий в местах массового скопления людей, например, в торговых центрах, в общественном транспорте, в офисах и т. д., ни на минуту не смолкающие призывы быть внимательными к оставленным вещам, не подходить и не притрагиваться к ним, сообщать сотрудникам службы безопасности о подозрительных пассажирах – всё это рисует нам картину излишней тревожности и беспокойства от угрозы наступления ужасных трагических событий в области безопасности жизнедеятельности человека. Только, как показывает опыт других стран, решение данных проблем не

занимает особого внимания в сфере безопасности человека и не является важнейшей стратегической целью политических руководителей, органов государственной власти в целом.

Можно сказать, что если на ранних эволюционных этапах человеческой общности хоррор имеет форму неподдельного страха перед силами природы, в период развития информационного общества хоррор становится инструментом в руках политической власти, т. е. в данном случае можно говорить, во-первых, о страхе потери блаженного настоящего и комфортных искусственно конструируемых условий среды обитания человека, а во-вторых, о формировании, использовании и даже усилении ситуации с хоррором в политических целях [9, с. 74–81]

Заключение

В итоге терроризм видится как одно из самых нечеловечных, отвратительных из наследуемых явлений социальной жизни. Это становится очевидным, если обратить внимание на ситуацию в Украине. Данная тема остаётся особо актуальной в связи с разрастанием на территории этой страны угроз радикальных движений.

Смысловая особенность современного терроризма – это его заточенность под политические желания и амбиции, что подразумевает использование насилия в достижении политической цели посредством страха, принуждения или запугивания. Террор – это способ действия с применением силы с целью парализовать через устрашение волю массового и индивидуального субъектов к сопротивлению. Семантический разбор атрибутов концептов хоррора и террора выявил, что хоррор в отличие от террора – это не устрашения как таковое, а циркулярное нагнетание страха и паники. Примером такого психологического напряжения может являться угроза безопасности жизни и здоровью человека.

Необходимо подчеркнуть также, что устойчивость терроризма зависит от воз-

растающего экономического и социально-го неравенства, а также от отсутствия культурно-воспитательных мер. Принимая во внимание всё вышеизложенное, следует отметить, что в качестве превентивных мер по противодействию террористической опасности необходимо усилить воспитательную и просветительскую роль образования. Это приверженность гуманизму, где высшей ценностью является жизнь человека, и любовь к людям. А также подчеркнём, что важнейшим социаль-

ным институтом гражданского общества является семья. Именно здесь происходит первичное воспитание добродетели, миролюбия и сострадания. Возможно, что именно через духовное возрождение общества мы сможем решить одну из самых масштабных проблем современности планетарного характера – проблему борьбы с терроризмом.

Статья поступила в редакцию 05.09.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдусаламов Л. Р. Исторические аспекты международного терроризма // Евразийский научный журнал. Серия: Социальные науки. 2017. № 11. С. 107–108.
2. Дикаев С. У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 640 с.
3. Иванов И. Е. Психология терроризма. Предупреждение и пресечение террористических актов. СПб.: КАМЕЯ, 2005. 125 с.
4. Ильинский И. М. О терроре и терроризме. М.: ЭКСМО, 2010. 197 с.
5. Кочнев Е. А., Наумов С. В. Философский анализ природы терроризма и условий его воспроизводства // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия: Философия, этика и религиоведение. 2020. № 1. С. 65–76.
6. Лихоманов А. В. Противодействие идеологии терроризма и библиотеки. М.: Центр безопасности культурных ценностей, 2005. 261 с.
7. Пономарев В. А. Понятие терроризма и его классификация: философско-правовой аспект // Вестник науки Сибири. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 1 (16). С. 98–103.
8. Ремезова И. И. О страхе и его социокультурных функциях. Аналитический обзор // Вестник культурологии. Серия: Философия, этика и религиоведение. 2020. № 4 (95). С. 191–222.
9. Тульчинский Г. Л. Хоррор как компонент современной культуры // Террор и культура: сборник статей / под ред. Т. С. Юрьевой. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2016. С. 74–81.
10. Эпштейн М. Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменить мир. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 242 с.
11. Эпштейн М. Н. Будущее гуманитарных наук. М.: ПАНГЛОСС, 2019. 241 с.

REFERENCES

1. Abdusalamov L. R. [Historical Aspects of International Terrorism]. In: *Evrasijskij nauchnyj zhurnal. Seriya: Social'nye nauki* [Eurasian Scientific Journal. Series: Social Sciences], 2017, no. 11, pp. 107–108.
2. Dikaev S. U. *Terror, terrorizm i prestupleniya terroristicheskogo haraktera* [Terror, Terrorism and Terrorist Crimes]. St. Petersburg, Yuridicheskij centr Press Publ., 2006. 640 p.
3. Ivanov I. E. *Psihologiya terrorizma. Preduprezhdenie i presechenie terroristicheskikh aktov* [Psychology of Terrorism. Prevention and Suppression of Terrorist Acts]. St. Petersburg, KAMEYA Publ., 2005. 125 p.
4. Il'insky I. M. *O terrore i terrorizme* [On Terror and Terrorism]. Moscow, EKSMO Publ., 2010. 197 p.
5. Kochnev E. A., Naumov S. V. [Philosophical Analysis of the Nature of Terrorism and the Conditions for its Reproduction]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. Seriya: Filosofiya, etika i religiovedenie* [Bulletin of Leningrad State University named after A. S. Pushkin. Series: Philosophy, Ethics and Religious Studies], 2020, no. 1, pp. 65–76.
6. Lihomanov A. V. *Protivodejstvie ideologii terrorizma i biblioteki* [Counteracting the Ideology of Terrorism and Libraries]. Moscow, Centr bezopasnosti kul'turnyh cennostej Publ., 2005. 261 p.
7. Ponomarev V. A. [The Concept of Terrorism and Its Classification: Philosophical and Legal Aspect]. In: *Vestnik nauki Sibiri. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Journal Bulletin of Science of Siberia. Series: Humanities], 2015, no. 1 (16), pp. 98–103.

8. Remezova I. I. [On Fear and Its Socio-cultural Functions. Analytical Review]. In: *Vestnik kul'turologii. Seriya: Filosofiya, etika i religiovedenie* [Bulletin of Cultural Studies. Series: Philosophy, Ethics and Religious Studies], 2020, no. 4 (95), pp. 191–222.
9. Tul'chinsky G. L. [Horror as a Component of Modern Culture]. In: Yur'eva T. S., ed. *Terror i kul'tura* [Terror and Culture]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2016, pp. 74–81.
10. Epshtein M. N. *Ot znaniya – k tvorchestvu. Kak gumanitarnye nauki mogut izmenit' mir* [From Knowledge to Creativity. How the Humanities can Change the World]. Moscow, St. Petersburg, Centr gumanitarnykh iniciativ Publ., 2016. 242 p.
11. Epshtein M. N. *Budushchee gumanitarnykh nauk* [The future of the humanities]. Moscow, PANGLOSS Publ., 2019. 241 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Евстифеева Елена Александровна – доктор философских наук, профессор, проректор по развитию персонала, заведующий кафедрой психологии и философии Тверского государственного технического университета;

e-mail: pif1997@mail.ru

Черней Владимир Васильевич – аспирант кафедры психологии и философии Тверского государственного технического университета;

e-mail: pif1997@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena A. Evstifeeva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Vice-Rector for Personnel Development, Head of the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University;

e-mail: pif1997@mail.ru

Vladimir V. Cherney – Postgraduate student, Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University;

e-mail: pif1997@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Евстифеева Е. А., Черней В. В. Смысловые особенности концептов *террор* и *хоррор* // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 4. С. 43–51.

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-43-51

FOR CITATION

Evstifeeva E. A., Cherney V. V. Sensitive Features of *Terror* and *Horror* Concepts. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2022, no. 4, pp. 43–51.

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-43-51

УДК: 172.3

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-44-52-57

ПОНЯТИЯ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» И «ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ» В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Зенов Е. В.*Мурманский арктический государственный университет**183038, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, д. 15, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Провести сравнительный анализ понятий «толерантность» и «политкорректность», по-разному трактуемых в российских научных работах, посвящённых педагогике, и определить причину их разночтений.

Процедура и методы. Путём выборки материалов российского педагогического дискурса провести философский анализ ключевых различий в трактовке понятий «толерантность» и «политкорректность».

Результаты. В ходе философского анализа российского педагогического дискурса были обнаружены разночтения в восприятии и трактовке понятий «толерантность» и «политкорректность». Выяснилось, что российские исследователи, руководствуясь философскими, политическими и социальными установками, проводят чёткую линию между этими феноменами, трактуя их по-разному.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование позволяет не только увидеть разницу в содержании двух смежных понятий «толерантности» и «политкорректности», но и обосновать мировоззренческие отличия российского педагогического дискурса от западного в рамках концепции терпимости.

Ключевые слова: педагогика, политкорректность, терпимость, толерантность, философия

TERMS “TOLERANCE” AND “POLITICAL CORRECTNESS” IN RUSSIAN EDUCATIONAL DISCOURSE

E. Zenov*Murmansk Arctic State University**ul. Captain Yegorov 15, Murmansk 183038, Russian Federation*

Abstract

Aim. To carry out a comparative analysis of the terms “tolerance” and “political correctness”, that are often differently interpreted by the researchers in Russian scientific articles on pedagogy; and to find out the reason for the alternative versions.

Methodology. By selecting materials from Russian pedagogical discourse make a philosophical analysis of the primary differences in the interpretation of the terms “tolerance” and “political correctness”.

Results. In the course of the philosophical analysis of Russian pedagogical discourse a number of discrepancies in the perception and interpretation of the terms “tolerance” and “political correctness” have been found. It has been made clear that Russian researchers, guided by their philosophical, political and social views, draw a fine line between the phenomena, thus interpreting them differently.

Research implications. The research allows not only to see the difference in the perception of the two closely related terms “tolerance” and “political correctness”, but to explain the worldview differences between Russian pedagogical discourse and Western one in the scope of the concept of tolerance.

Keywords: pedagogy, political correctness, tolerance, tolerance, philosophy

Введение

Толерантность, или политкорректность, представленная как одна из её личин, с каждым годом играет всё большую роль в жизни человека. Она затрагивает множество аспектов современного общества: политику, образование, философию. Однако представляется, что, рассуждая о феноменах толерантности и политкорректности, российские исследователи проводят между ними чёткую линию, которая при ближайшем рассмотрении оказывается гораздо более прозрачной, чем может показаться изначально. Это разграничение, характерное для современного российского дискурса в образовательной среде, ранее подробно не рассматривалось в диссертациях и статьях.

История понятий «толерантность» и «политкорректность» в современном философском дискурсе

Для полного понимания разночтений, которым посвящена эта работа, обратимся к истории политкорректности и толерантности в России и на Западе: это важно для того, чтобы адекватно оценить современное положение дел. О. В. Малахова указывает, что истоки толерантности обнаруживаются в её философско-догматическом осмыслении, наблюдавшемся в дискурсе Русской православной церкви в течение двух веков [7, с. 12–13]. Таким образом, в идеях о толерантности, зародившихся в образовательной среде, первоначально она воспринималась как обучение веротерпимости. Вклад в осмысление этой темы внесли такие богословы, как А. М. Бухарев, С. С. Гогоцкий, И. М. Скворцов и др. Отметим, что другие работы связывают идею толерантности в России в первую очередь с философской мыслью: Е. И. Касьянова подчёркивает, что толерантность характерна для социокультурной жизни России. В этой связи важно восприятие толерантности в философской мысли – работах Н. А. Бердяева, подчёркивающих важность межличностных отношений между «Я» и «Ты».

Как считает Касьянова, русская культура создаёт модель «понимающего человека», в основе которой лежат идеи взаимообогащения и взаимодополнения опытом друг друга [5, с. 75]. Концепту терпимости уделяется внимание в работе Н. В. Голик: подчёркивая, что толерантность зародилась в духе идей философии Просвещения, автор указывает, что оба понятия взаимосвязаны; толерантность есть инструмент для воплощения идей равенства. Прошлое есть гарант идеи толерантности, т. к. каждый человек и каждая эпоха «имеют свою уникальную судьбу, которую нельзя осуждать». Укажем, что восприятие толерантности у Голик особенное: «толерантность открывает не человечество как таковое, а раскрывает его ..., понимает его неповторимость, его преходящность» [2, с. 122].

И. В. Кондаков указывает на актуальность идей толерантности и политкорректности, которыми характеризуется постмодерн. Эти феномены, появившиеся на стыке второго и третьего тысячелетий, идут рука об руку; это удобно для идеи постмодерна, потому что и сама эпоха, и политкорректность следуют постулату о том, что истина относительна. Критерии духовности размываются; Кондаков подчёркивает, что это важно и проблемно для современных университетов, ставящих политкорректность во главу угла [6, с. 31]. С таким мнением не согласна Н. В. Голик, утверждающая, что сама идея толерантности для российской среды вовсе не характерна. Автор утверждает, что исторически Россия не сумела культивировать идею человека как автономного морального индивида, поэтому модернизация страны происходила без «модернизации» человека ещё с петровских времён. Например, советская система образования была направлена на достижение научно-технического, но не духовного величия. Теперь России приходится сталкиваться с последствиями: проявлениями «пещерных» инстинктов, абсолютизации ориентира «свой – чужой». Молодёжь характеризуется «ирреальностью», завышенными со-

циально-экономическими ожиданиями и агрессивными проявлениями, одно из которых – ксенофобия, т. е. явление, вовсе противоположное политкорректности и толерантности [3, с. 16–19].

Развитие толерантности (а именно под таким названием в российской философской и педагогической литературе понимается принятие, постижение Другого) в России, согласно ряду исследователей, отправляет нас к истории СССР [11, с. 198], когда идеи терпимости в отношении других народов и культур стали особенно важны. Иные авторы указывают, что это вообще проявление формировавшейся веками русской культуры мира и согласия [9, с. 66]. И всё же большинство сходится в том, что культивирование толерантности – не просто прихоть одного человека, но обязанность целого государства. Этого требуют не только глобализация и становление многополярного мира [1, с. 110], но и сами государственные программы – например, Стратегия развития воспитания в РФ, действительная до 2025 г. [10]. Таким образом, представляется, что полноценное осознание толерантности как одного из ключевых аспектов государственного развития стало иметь место лишь в XXI в., когда этот феномен принял форму одного из ключевых направлений образовательной политики; именно поэтому российская толерантность в современной итерации так пересекается с образовательной средой.

Проблематика понятий «толерантность» и «политкорректность»

Рассуждая о политкорректности, сразу оговоримся, что это лишь современная форма термина, в течение истории понимавшегося по-разному: это и толерантность, и терпимость, ныне приобретшие современную оболочку. Согласно О. А. Михайловой, «толерантность» определяется как «универсальная ценность», зависящая от категорий блага и зла, а также активности и пассивности в отношении к чужому с позиций субъективных и

объективных оценок [8, с. 29]. О философском определении толерантности повествует и М. Х. Эгамбердиева, определяя её как «особое отношение к окружающему миру, в основу которого положена терпимость к иному рода взглядам, нравам, привычкам». Таким образом, «философская толерантность» – не просто готовность принять иного, но и уверенность в себе и своих взглядах, убеждениях и поступках; это по сути одно явление, рассматриваемое с разных углов [13, с. 137]. Иные исследователи характеризуют толерантность как часть ценностной системы, ведь сама она действует в рамках дихотомии «свой – чужой». История феномена отсылает к античным временам; она актуализировалась в Средние века в связи с утверждением христианских ценностей, а Новое время и эпоха Просвещения позволили ей оформиться как полноценному концепту. В это время Дж. Локк дал характеристику толерантности, тогда воспринимаемой как веротерпимость, в рамках христианского мировосприятия: «Тот, кто... лишён любви, лишён кротости, лишён доброжелательства ко всем людям вообще, не говоря уже об исповедующих христианскую веру, тот ещё не христианин» [12, с. 146].

На схожесть понятий указывает и философ Р. Поп, развивая идею о несовершенстве западной толерантности. Её он сравнивает с торговлей на рынке: истину можно покупать и продавать, словно это товар. Как считает автор, «политкорректная» интеллигенция отрицает принципы знания, формулируя существование некой объективной истины. Идея «переобразования», являющаяся одной из ключевых проблем современности, была описана ещё Теодором Адорно в его работе «Авторитарная личность», вышедшей в 1950 г.: научно обоснованная, она предполагает перекройку фундаментальных ценностных систем. Это же происходит в западном обществе и сейчас: критическое мышление, воспитываемое в школах, уходит на второй план. Образовательная система в современном её виде строится с ориентацией на взгляды, призванные обе-

сценить прошлое – установки и мнения, восхваляющие традиционные институты [14, р. 68].

Отметим, что в пределах образовательной среды России речь идёт исключительно о толерантности. Слову «политкорректность» вовсе не находится места в педагогических статьях, в то время как философские работы, используя его, обычно сопровождают термин едкими комментариями о несовершенстве западного образования, указывая, что оно обременено лицемерием и явной неоднозначностью. При этом мы уже говорили, что толерантность (терпимость) и политкорректность – вещи схожие, хотя и воспринимаемые с определёнными лингвистическими коннотациями. М. И. Рожков пишет, что «Толерантность выступает ... качеством, отражающим способность человека воспринимать и принимать людей без предубеждения и внушённых стереотипов, признание за ними права на отличия в поведении и образе жизни...» [10]. Сравним это с одной из дефиниций политкорректности: «Это приверженность убеждению, что язык и действия, которые могут задеть чьи-либо чувства, должны быть исключены» [4, с. 55]. Очевидно, определения очень схожи – и всё же российский научный дискурс (в меньшей степени – западный) словно пытается избежать словосочетания «политическая корректность», как только речь заходит о системе образования. У нас всегда используются благородные *толерантность* и *терпимость*. У них же прибегают к политкорректности, феномену неоднозначному и двуликому. При этом кажется, что оба определения практически идентичны; сами явления важны и для западного образования, и для российского. И всё же для того, чтобы показать несовершенство европейской и американской образовательной сред, учёные часто используют определение «политическая корректность», подчёркивая его пейоративность. Представляется, что в рамках современного дискурса было бы уместнее говорить о различных видах толерантности, нежели проводить нежеланное раз-

деление практик на «толерантность» и «политкорректность», при этом исходя из того, что одно положительно, а другое – отрицательно.

Заключение

Таким образом, толерантность – многогранное явление, находящее свои отголоски не только в тождественном слове «терпимость», но и в характерной для запада «политкорректности». Укажем на те её аспекты, в которых большинство исследователей сходятся: во-первых, истоки толерантности обнаруживаются в философии Просвещения. Более того, постулаты гуманизма, которыми характеризовалась философия XVII–XVIII вв., по-прежнему являются краеугольным камнем в определении и политкорректности, и толерантности, и терпимости. То, что все три термина обозначают примерно один и тот же комплекс практик, обычаев и мировоззрений, прослеживается в их определениях.

Выбор того или иного слова, однако, часто зависит от личной позиции автора. Исследователи используют слово «политкорректность», рассуждая о недостатках и даже кризисе западной культуры; в это же время политкорректность для них – одна из характеристик Другого. Некоторые исследователи указывают, что толерантность и терпимость – понятия, гораздо более близкие русской культуре; их истоки обнаруживают и в религиозных трудах, и в философских. Они – часть русского Я, культуры понимающей, благожелательной и многогранной. Интересно, впрочем, что политкорректность, и терпимость – это готовность принять чужого, понять его внутренний мир и проникнуться им. Почему же оказывается, что почти для всех исследователей политкорректность – понятие оценочное, преимущественно негативное? Большинство публикаций, в которых оно используется, узревают в ней лишь разрушительный продукт американской культуры.

Анализируя «политкорректность», мы видим антиутопию, лицемерие, двусмыс-

ленность. Переходя к «толерантности» или «терпимости», мы обнаруживаем открытость, приветливость, понимание. Это парадокс: нам представляется, что политкорректность – лишь одна из личин терпимости; оригинального термина, претерпевшего изменения в культурологических

и исторических рамках. Это значит, что все три определения изначально соответствуют общей идее принятия чужого – поэтому их можно воспринимать, с оговоркой на оценочность, как тождественные.

Статья поступила в редакцию 05.05.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балданова Е. А. Модель процесса развития коммуникативной толерантности // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2018. № 1 (75). С. 110–116.
2. Голик Н. В. Философия культуры и толерантность: парадоксы истории // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2015. № 1 (34). С. 121–124.
3. Голик Н. В. Философия образования и императив толерантности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 1: Политология. Международные отношения. 2010. № 1. С. 16–19.
4. Зверева М. И. Табу. Политкорректность. Эвфемизм. Соотношение понятий // Филология: научные исследования. 2020. № 6. С. 52–59.
5. Касьянова Е. И. Новые подходы в исследовании категории «Толерантность» // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. 2012. № 3. С. 72–80.
6. Кондаков И. В. Духовность по ту сторону науки и религии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2 (88). С. 30–39.
7. Малахова О. В. Философия толерантности // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 3. С. 12–14.
8. Михайлова О. А. Аксиологическая амбивалентность толерантности // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3 (53). С. 28–36.
9. Мустафаева А. Р. Педагогическое просвещение родителей в области нравственного формирования личности и профилактики экстремизма // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2 (75). С. 66–68.
10. Рожков М. И. Экзистенциальный подход к воспитанию толерантности у школьников // Учёные записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. № 4 (60). URL: <http://scientific-notes.ru> (дата обращения: 01.05.2022).
11. Тимошков И. Н. Проблема формирования межэтнической толерантности у школьников в процессе обучения истории // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 6-1. С. 197–200.
12. Шадрин В. Р. Аксиологические основания толерантности // Проблемы современной науки и образования. 2015. № 6 (36). С. 144–147.
13. Эгамбердиева М. Х. Нравственно-ценностная концепция формирования толерантности современного общества // Вопросы науки и образования. 2017. № 10 (11). С. 135–138.
14. Pop R. On the Post-Truth as a Lie // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2020. № 1. С. 64–76.

REFERENCES

1. Baldanova E. A. [Model of the Process of Communicative Tolerance Development]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernyh tekhnologij* [Bulletin of Voronezh State University of Engineering Technologies], 2018, no. 1 (75), pp. 110–116.
2. Golik N. V. [Philosophy of Culture and Tolerance: Paradoxes of History]. In: *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)* [Society. Wednesday. Development (Terra Humana)], 2015, no. 1 (34), pp. 121–124.
3. Golik N. V. [Philosophy of Education and the Imperative of Tolerance]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 1: Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. [Bulletin of St. Petersburg University. Series 1: Political Science. International Relationship], 2010, no. 1, pp. 16–19.
4. Zvereva M. I. [Taboo. Political Correctness. Euphemism. Correlation of Concepts]. In: *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: Scientific Research], 2020, no. 6, pp. 52–59.
5. Kas'yanova E. I. [New approaches in the Study of the Category "Tolerance"]. In: *Gumanitarnyj vektor. Seriya: Filosofiya, kulturologiya* [Humanitarian Vector. Series: Philosophy, Cultural Studies], 2012, no. 3, pp. 72–80.

6. Kondakov I. V. [Spirituality beyond Science and Religion]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts], 2019, no. 2 (88), pp. 30–39.
7. Malahova O. V. [Philosophy of Tolerance]. In: *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences], 2009, no. 3, pp. 12–14.
8. Mihajlova A. A. [Axiological Ambivalence of Tolerance]. In: *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology, Culture], 2016, no. 3 (53), pp. 28–36.
9. Mustafaeva A. R. [Pedagogical Education of Parents in the Field of Moral Formation of Personality and Prevention of Extremism]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2019, no. 2 (75), pp. 66–68.
10. Rozhkov M. I. [Existential Approach to the Education of Tolerance among Schoolchildren]. In: *Uchyonye zapiski: elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Memoir: electronic Scientific Journal of Kursk State University], 2021, no. 4 (60). Available at: <http://scientific-notes.ru> (accessed: 01.05.2022).
11. Timoshkov I. N. [The Problem of the Formation of Interethnic Tolerance among Schoolchildren in the Process of Teaching History]. In: *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of the Humanities and Natural Sciences], 2020, no. 6-1, pp. 197–200.
12. Shadrin V. R. [Axiological Foundations of Tolerance]. In: *Problemy sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Problems of Modern Science and Education], 2015, no. 6 (36), pp. 144–147.
13. Egamberdieva M. H. [Moral and Value Concept of the Formation of Tolerance in Modern Society]. In: *Voprosy nauki i obrazovaniya* [Issues of Modern Science and Education], 2017, no. 10 (11), pp. 135–138.
14. Pop R. On the Post-Truth as a Lie. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy], 2020, no. 1, pp. 64–76.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зенов Егор Всеволодович – аспирант кафедры философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета;

e-mail: yegzenov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yegor V. Zenov – Postgraduate student, the Department of Philosophy and Social Studies, Murmansk Arctic State University;

e-mail: yegzenov@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зенов Е. В. Понятия «толерантность» и «политкорректность» в российском образовательном дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 4. С. 52–57.

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-52-57

FOR CITATION

Zenov E. V. Terms “Tolerance” and “Political Correctness” in Russian Educational Discourse. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2022, no. 4, pp. 52–57.

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-52-57

УДК 327+341

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-58-73

РОССИЯ – УКРАИНА: СЛАВЯНСКОЕ БРАТСТВО... CAPUT NILI QUAERERE

Ильин В. В.*Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет),**Калужский филиал**248000, Калужская обл., г. Калуга, ул. Баженова, д. 2, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Уяснение причин порочного, досадного, противоестественного явления: вопреки славянофильскому (почвенному) проекту славянского братства обмирщается антиславянский атлантистский проект тотального разобщения (план Даллеса, гарвардский, хьюстонский проекты) восточнославянских народов с их последовательным истреблением; по прямому руководству возглавляемого англо-саксами вестерна Украина наделяется функциями «тупого тарана», наносящего чувствительные удары по корпусу искусственно созданного российского геополитического противника.

Процедура и методы. Процедурным базисом рассмотрения выступил комплекс общенаучных (анализ, синтез, генерализация и др.) и специфических (рефлексия, понимание и др.) методов освоения объективного материала.

Результаты. Результатом исследования оказывается положительная платформа: от универсальной конфронтации с Россией теряет не только Украина (дальнейшее существование которой в прежнем виде более невозможно), но и ЕС, США, мир в целом; естественная логика восстановления разлаженного континентальным конфликтом жизнепорождающего процесса востребует учреждения нового мирового порядка, конституирующего регуляризованность, гарантийность общечеловеческой интеракции.

Теоретическая и/или практическая значимость. Концептуальная и прагматическая значимость материала состоит в оптимизации технологии учреждения добрососедства, сотрудничества в обновляемом мировом порядке.

Ключевые слова: империя, панидея, мировой порядок, регуляризация межблокового взаимодействия

RUSSIA – UKRAINE: SLAVIC BROTHERHOOD... CAPUT NILI QUAERERE

V. Ilyin*Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Kaluga Branch**ul. Bazhenova 2, Kaluga Region, Kaluga 248000, Russian Federation*

Abstract

Aim. Clarification of the causes of a vicious, annoying, unnatural phenomenon: contrary to the Slavophile (soil) project of the Slavic brotherhood, the anti-Slavic Atlanticist project of total separation (the Dulles plan, the Harvard, Houston projects) of the East Slavic peoples with their successive extermination is being reconciled; under the direct leadership of the western led by the Anglo-Saxons, Ukraine is endowed with the functions of a blunt battering ram, inflicting telling blows on the body of an artificially created geopolitical opponent of Russia.

© CC BY Ильин В. В., 2022.

Methodology. The procedural basis of the review was a complex of general scientific (analysis, synthesis, generalization etc.) and specific (reflection, understanding etc.) methods of mastering objective material.

Results. The result of the study is a positive platform: not only Ukraine (whose continued existence in its former form is no longer possible) loses from the universal confrontation with Russia, but also the EU, the USA, the world as a whole; the natural logic of restoring the life-generating process disrupted by the continental conflict requires the establishment of a new world order constituting regularization, the guarantee of universal interaction.

Research implications. The conceptual and pragmatic significance of the material consists in optimizing the technology of establishing good neighborliness and cooperation in an updating world order.

Keywords: empire, panidea, world order, regularization of inter-block interaction

Введение

Организация – основа, опора бытия. Противостоит ей война – явление порочное, противоестественное, организацию разрушающее. Такова в фейерверке эмоций очевидная реальность. В более далёких дискурсивных отражениях – нельзя обвинять вино в пьянстве, войну в дезорганизации.

Убийственное разупорядочение противочеловечно и, как таковое, отвратительно, незаконно; изничтожение порядка преступно, недопустимо. Между тем интересен факт: за всю многовековую историю человечество не выработало надёжных средств предотвращения войн, гарантий сбалансированного обмена деятельностью, ручательств поддержания порядка, организации.

Обвинения в несовершенности обязывающей нормативной каноники неуместны: человек существо ценностное – идёт в решительный, иступлённый, последний бой за исповедуемые жизненности. Не по указке, не по власти и принуждению, но по внутреннему зову, искренней потребности заявления святопричастности.

Касательство гордому величию идеалов, сердечно откровенным истинам вкупе с их деятельным обслуживанием, как кажется, обеспечивает персональное и общественное спасение. Не тут-то было. Поскольку ценности, идеалы, символы вер у людей разные, предобуславливаемая ими борьба по их утверждению сопровождается движением не к счастью, но к его антиподу: благи намерениями мостится дорога в ад.

Отсюда: рациональная канва уразумения «недуга сути» – многократно проступаемого в мировой истории болезненного состояния войны – от ценностной несопряжённости сияния «царствия Божьего внутри нас» (Платон сказал бы: идейной «усии»; Маркс не сказал бы: «надземной» основы), порождающего «конфликт интерпретаций».

Коль скоро война – горячее столкновение горячих святынь, выясним, какие выходящие из-под общественного контроля компоненты публичного аксиологического поля инициировали провал в безнарядье, – братоубийственную славянскую бойню текущего времени.

Любая война – сшибка ценностей. И чем возвышенней ценности, тем неприемлемее, упорнее силовое их отстаивание. Для Киева военные действия – защита отечества, недопущение посягательства на свободу, независимость, территориальную целостность, суверенитет, избранный путь развития. Для Донбасса, поддерживающей его Москвы специальная военная операция – сохранение русского мира, недопущение геноцида, возможность думать, общаться на родном языке, жить собственными интересами, чтить национально-исконное, незабвенное.

«Люди не понимают, каким образом противоположности согласуются друг с другом», – сетовал Гераклит. В стандартной технике мыслотока противоположности не согласуются. Тем более не согласуются они в стандартной технике жизнетока.

Противоположные платформы державной, народной судьбы – основательные, мощные, духоподъёмные платформы, конфронтация которых в социальном устройстве, исключая политическое взаимодействие, налаживание скорого диалога, влечёт тяжёлые потрясения, испытания, увечья, несчастья, бедствия, горе.

Экскурс в историю

В обход риторических декламаций вращении предметности на поверхностно видимое и сущностно скрытое разразившееся суровое противостояние частей единого целого имеет принципиальный подспудный корень – общемировую борьбу за российское имперское наследие. Любая дискуссия, казалось бы, по казуальной социально-политической повестке *usque ad pauseam* поглощается эссенциальной дискуссией о судьбе отечественной империи.

В нашем контексте требующая фронтального осмысления обширная тема «Россия – империя» [1; 2; 4; 8; 9] получает интригующую редактуру: Россия – Украина *ambo meliores*.

Находясь внутри спирали истории, обобщаясь на фактический фон. Социально-политические обстоятельства нужного нам прошлого-настоящего таковы.

2(15).11.1917 г. СНК принял декларацию прав народов России с графической атрибутикой: суверенность, равенство, право на свободное госсамоопределение. Прозрачно, явно. Но не таковы большевики, чтобы явному не сообщать тайное. В вопросе национального государствообразования максимально проступило свойственное большевикам двурушничество – рассогласование слова и дела. Лозунг права наций (этносов) на автономизацию коренные народы окраин истолковали буквально: в России приходит к власти «справедливое» правительство, порывающее с имперским прошлым; прежним зависимым территориям даруют свободу.

(В скобках скажем: страновая более чем странная особенность России заключается в том, что политическая трансформа-

ция увязывается здесь с геополитической трансформацией. Недавнее: от имени победившей «либеральной демократии» тройка канувших в лету властезахватчиков в 1991 г. развалила советскую империю. Давнее: от имени победившей «народной демократии» предводитель большевиков едва не единолично развалил коронную империю.

Напомним: после Февральской революции попытку отложиться от России предприняли Финляндия, Украина. Пресекая местечковый сепаратизм, Керенский пошёл на жёсткую меру – распустил финский Сейм. Чем он руководствовался? Тем же, чем и Столыпин, – мотивом укрепления государственности: «Не напрасно, не бессмысленно и не бессознательно были пролиты потоки русской крови, утвердил Пётр Великий державные права России на берегах Финского залива. Отказ от этих прав нанёс бы беспримерный ущерб русской державе, а постепенная утрата, вследствие нашего национального слабосилия или нашей государственной близорукости (! – В. И.), равнялись бы тому же отказу, но прикрытому личиной лицемерия» [11, с. 148]. Следует твёрдо понять: есть вещи необратимые, неперерешаемые. Свершилась колонизация – процесс несправедливый, кровавый, но исторически неизбежный. Сложился сбалансированный мировой порядок (МП), геополитический параллелограмм сил. Зачем его ломать? (В случае СССР с поправкой итогов всенародного весеннего референдума). Почему не принимаются планы передачи Австралии аборигенам? Почему не прорабатываются проекты восстановления индейских прав в США? Наконец, почему лишь в России перемена власти инициирует территориальные отпадения, – сепецию, дезагрегацию государственности?).

Откладывая обсуждение вопросов на более поздний срок, подчеркнём: национально-освободительные движения (неизменно именуемые большевиками «националистическими»), интерпретировав лозунг «право наций» (этносов) на самоопределение дословно, выступили с по-

чином «Вся власть национальным учреждениям!». Предоставить независимость потребовал литовский Сейм, за автономию высказывались казанский мусульманский комитет, белорусский национальный комитет, эстонский народный конгресс и др.

С такой постановкой исходно не согласились кадеты, эсеры, меньшевики, отвергавшие отказ от модели «единой и неделимой». Прерогативой решения национального вопроса теми же меньшевиками наделялось Учредительное собрание; до обязывающего вердикта последнего какое-либо отложение расценивалось как противоправное.

Что до большевиков, – объявляя линию политических оппонентов великодержавной, на словах они ратовали за самоопределение (!): «Ни один демократ, не говоря уже о социалисте, – уточнял Ленин, – не решится отрицать полнейшей законности украинских (! – В. И.) требований. Ни один демократ не может отрицать право Украины на свободное отделение (! – В. И.) от России...» [10, с. 341]. Отделение, которое уже не на словах, а на деле (!) – тут же венчается вольным (!) союзом народов, добровольным объединением в одном (!) государстве [10, с. 341]. Великороссы, вновь и вновь подчёркивал Ленин, «не будут насильно удерживать ни Польши, ни Курляндии, ни Украины, ни Финляндии, ни Армении, вообще ни одного народа. Великороссы предлагают братский союз (! – В. И.) всем народам и составление общего государства по добровольному (! – В. И.) согласию каждого ... народа, а никоим образом не через насилие, прямое или косвенное» [10, с. 41].

Как видно, модель самоопределения (на поверку сецессии) – не самодостаточна, не самоцельна; идёт в пакете с анонсированием «добровольного» (!) союза. (Ср. с документально подкреплёнными первыми мгновениями постбеловежской делёжки, когда впавшие в эйфорию, в меру трезвые, не ведающие «что творят» три славянских государствоотступника «на троих» провозглашали «союз». «Союз» после развала Союза (кстати, без участия поставивших подпись под Договором об образовании

СССР от 30.12.1922 г. (помимо делегаций УССР, БССР, РСФСР) представителей ЗСФСР) (что ставит под сомнение общую легитимность преступного действия) – «союз» – кого? с кем? во имя чего?).

Дали «независимость» и тут же «забрали» – одновременно «свободно» объединили в новое (!) «союзное» государство, – «пусть Россия будет союзом свободных (! – В. И.) республик» [10, с. 286]. (Практикуемый Лениным иезуитский приём «введение нового принципа формирования старого образа», – «гуманист» Соловьёв называл Россию «семьёй» народов, «радикалист» Ленин называл Россию буквально в то же время «тюрьмой» народов, которая с приходом его (!) к власти «вдруг становится семьёй»).

Реконструкция большевистского плана подводит к пониманию: решение национального вопроса рассматривалось в сцепке с вопросом советско-классовой формы государственного устройства. Вещь в том, однако, что данная схематика утвердилась далеко не везде. До мозга костей конъюнктурный, популистский лозунг самоопределения требовался большевикам для революционизации российских окраин – недовольные монархическим и либерально-демократическим (Временным) правительством народы оказывались естественными союзниками большевиков в борьбе с ними. В обмен на борьбу, предположительно, они получали политическую автономию.

Именно – предположительно, по дезориентирующей «идее». Когда же коснулось дела, народам овамо и семо ни с того, ни с сего стал навязываться советско-пролетарский типаж державной организации. На подобное ни окраинные народы, ни местные элиты не рассчитывали. Логичным ответом их стала радикальная сепаратизация. Но на это уже не рассчитывали большевики, которым и в (разгоряченную) голову не приходило, будто освободительное антимонархическое движение периферии подвергнет обструкции их социальную программу, выказав решимость «проводить свои идеалы в жизнь» (на чём настаивал идеолог «национализма» борющийся за самостийность Украины глава

Директории (ноябрь 1918 – февраль 1919) В. Винниченко).

В во всех отношениях «нештатной» ситуации большевики прибегли к массовой кампании за «великую» Россию, собираемую за рамой не царского «произвола-угнетения», а «добровольного» союза, скрепляемого «высокими» ценностями пролетарского интернационализма (не национализма) и социализма.

В ряде случаев сил не хватало. В результате стечения обстоятельств от России отошли Польша, Финляндия, Балтия, Бессарабия. Вернуть в Россию их большевики не могли. С провозгласившим суверенитет национальным правительством Украины («Универсал» Центральной рады, как, впрочем, – Закавказья – «антисоветское» решение закавказного комиссариата от 15(28).11.1918 г.) большевики боролись упорно. С элементом импровизации.

Именно: в декабре в Харькове (роль данного центра в нынешней кампании ещё предстоит оценить) собрались ставленники 49 советов Украины. На областном съезде советов Донбасса (!) они объявили себя I Всеукраинским съездом Советов, принявшим решение о создании Украинской Советской Республики (ближайшее будущее позволит квалифицировать справедливость максимы: всё в истории случается дважды...) как федеративной части советской России. Съезд обратился к народу Украины с призывом вести борьбу с Центральной радой. СНК (ранее признававший Раду правительством независимой Украины) по модели пролетарского интернационализма как государствообразующего начала приветствовал Всеукраинский съезд Советов, выразил готовность оказать практическую (т. е. военную) помощь. В сентябре на Украину направлен чрезвычайный комиссар (эmissар) СНК Орджоникидзе. В январе 1918 г. в СНК РСФСР введён член украинского советского правительства Затонский. По просьбе советского правительства Украины для ведения боевых действий с войсками Рады мобилизованы полки Красной гвардии. 26.01.1918 г. силы Рады

разгромлены; советское правительство из Харькова переехало в Киев).

Не будем проводить исторических аналогий (они – налицо); не строя вымыслов, избегая спекулятивных предрешиений, осторожно оценим каузальную канву происходящего, во многом обуславливающую витиеватую слоистость обсуждаемого предмета.

Мировой порядок

Россия вышла из горнила Первой мировой войны основательно потрёпанной – территориально ущемлённой, духовно опустошённой. С позиций общей логики национального имперостроения преступный Брестский мир тактически обеспечивал закрепление во власти большевиков, стратегически намечал реваншистский путь восстановления утраченного. Не должны смущать восприятия откровенные эпитеты.

С конституированным Версальско-Вашингтонской системой (Парижская (1919–1920) – Вашингтонская (1921–1922) мирные конференции, итожащие результаты Первой мировой войны) глобальным МП руководство советской России (СССР) (лично Сталин) никогда согласия не выказывало, последовательно (как и Германия) боролось за его отмену – полномасштабную ревизию по части принятых (без его участия) договорённостей.

Высочайшая ставка делалась то на планетарную (мировая революция), то на континентальную (европейская революция), то на региональную (по пакту Риббентропа–Молотова присоединение Балтии, отошедших в 1920-х гг. к Польше западно-украинских, белорусских земель) дестабилизацию.

Окончательный возврат к традиционному российскому имперскому контуру закреплён итогами Второй мировой войны – Ялтинско-Потсдамская система (Крымская, Берлинская конференции 1945 г.) с чётко обозначенными сферами влияния, зонами ответственности, статусом буферных, пограничных пространств (хинтерланд, лимитрофы).

Более или менее сбалансированный выработанный союзниками status quo ис-

ходно оказывался чрезмерным для англосаксов, после Фултонской речи Черчилля ставших на путь его активной денонсации. Разразилась III мировая («холодная») война между консолидированным западным (НАТО) и восточным (ОВД) блоками. Эту жестокую, бескомпромиссную, жёсткую (не менее кровавую, нежели горячие) войну Россия (СССР) проиграла. Плачевный результат поражения – объективная действительность: очередной распад империи.

Не анализируя заслуживающих полноценного осмысления причин случившегося, в данном месте зафиксировав требуемое. И Россия, и воюющий с ней координированный Запад (в современной редакции: ЕС + США = атлантизм) [5; 6] из состояния прямых конфронтационных действий куда не вышли. Сверхзадача атлантизма – беспрекословное единоличное доминирование англосаксов в мире. Реализации её подчинены цели:

- фронтальное уничтожение, разрушение России как великой державы, её расчленение на ряд несамодостаточных подконтрольных, обеспечивающих прогонку сырья территорий;

- установление безоговорочного превосходства в Старом Свете за счёт исключения России из Европы; помещения Германии под Европу;

- используя потенциал ЕС, российского хартленда, создать благоприятный стратегический, оперативно-тактический плацдарм для победной неизбежной схватки с Китаем (превентивная организация чисто англо-саксонского АУКУС).

Сверхзадача России – собственная цивилизационная судьба автономного ареала. Реализации её подчинены цели:

- восстановить согласованный (по Ялтинско-Потсдамскому консенсусу великих держав – раздел сфер влияния между англосаксами и славянами) МП в границах, предшествовавших договору от 12.09.1990 г. об окончательном урегулировании в отношении Германии, с техническим (по устным заверениям лидеров вестерна) ретарде блоковой конфигурации;

- добиться высокого уровня партнёрства, неделимости безопасности, нейтральности лимитрофов, в качестве буферной прокладки предотвращающих конфликтотенное соприкосновение (предводительствуемой атлантизмом) римской и русской панидей [4];

- задать предпосылки не ущемлённой, работоспособной региональной (европейской, кавказкой, центрально-азиатской, дальневосточной) политики.

Поскольку, что очевидно, сверхзадачи с облуживающими их целями не реципрокны, добиться оформления взаимоприемлемого (не говоря – справедливого) МП на договорной – несиловой основе не удаётся. Так как непосредственное военное столкновение атлантизма с Россией бесперспективно, избирается коварная модель эскалации антагонизма внутри (к сожалению, теперь между частями) одного народа. По замыслу вестерна, Россия должна изничтожиться Россией. В уклонении от задания регуляризующего (невзирая на досадный проигрыш Россией III мировой «холодной» войны) общедержавные взаимодействия согласованного МП вестерн разыгрывает карту стравливания Украины с Россией; созданной Россией Украине отводится неблагоприятная роль деструктивной атлантистской трансмиссии.

Антироссийская окраино-Россия

Последовательно включаемые в орбиту отечественного имперостроения аборигенные балтийские, кавказские, центрально-азиатские, сибирские народы никогда не имели полноценной государственности (что и обусловило относительно бескровную их инкорпорацию в Россию в ходе вольнонародной колонизации). Не имела её и Украина, созданная волею советско-коммунистического случая.

Отбрасывая нюансы, государство есть политически организованное пространство. Политический строй на Украину экспортировали большевики; территориальный контур её – их же имплементация. По соображениям хозяйственной, коммуни-

кационной, политической целесообразности как союзная республика (часть целого) Украина получала то, на что ни при каких самых невероятных (виртуальных) раскладах претендовать никак не могла: она получила Закарпатье, Крым, азовское, черноморское побережье с преимущественно и сугубо русским, никогда не проводившем культурно-психологической идентификации с «украинством» самодостаточным населением.

После досадно преступного, бездарного развала СССР с 1991 г. началась форсированная насильственная украинизация граждан с навязыванием чуждой (по причаждению наведённой державности) национальной самоидентификации.

С позиций социальной, политической философии объективную несправедливость уделов неорганично-химерично конструируемого новообразования купируют рычаги силы – силы:

- обольщающей жёсткой идеи (идеократия);
- непримиримой жёсткой власти (деспотия).

На Украине на протяжении приснопамятных 30 лет – к нашему великому, неописуемому сожалению – как раз и действовались именно эти наиболее тлетворные, хищные инструменты мозаицистской державоорганизации.

По прямому руководству вестерна Украине отводится роль «тупого тарана», наносящего чувствительные удары по корпусу искусственно созданного российского противника. Терминальная задача – стравливание (теперь уже) автономных субъектов славянского (унитарного) этноса в бессмысленной и беспощадной битве за выживание. До полного истощения.

Приводными ремнями её обслуживания выступают:

- по части идеократии – мобилизующее воинствующий национализм (учитывая дремучую оголтелую пропаганду антропологической «приоритетности» «укров» – сильнее – шовинизм) и нацизм;
- по части деспотии – развязывание безысходных тотальных экономических,

культурных, гражданских, гуманитарных карательных мер в отношении оппонентов-оппозиционеров вплоть до окончательного уничтожения.

Фактически активизируются замшелые вредоносные славяно-, русофобские модели, предосудительно известные как план Даллеса, гарвардский, хьюстонский проекты по разобщению восточнославянских народов с их последующим истреблением. (Превентивные меры – навязывание корпоративной линии «элитной» европейской ассоциации, вносящей досадный раскол в отношения родственных по языку, культуре, истории восточных, западных, южных славянских групп).

Откровенно враждебная России атлантистская линия создания из Украины насыщенного антироссийского места объективировалась по однозначным лекалам задания функции в ущерб предмету. Последний мнимый туман претензий на «вильность», «незалежность», «самостийность» развеян документально подтверждёнными фактами западной оккупации вышедшего из союза автономного государства, с 2014 г. управляемого сомнительной гетманщиной (на аналогии с диктатурой (апрель – декабрь 1918 г.) ставленника австро-германских захватчиков гетмана Скоропадского).

Предмет «Украина – государство; украинство – национальная идентичность» – погиб. Функция «Украина – анти-Россия» как недееспособное явление, зависимое от другого (известно какого) явления, упразднилась. Вирулентная функция ликвидировала предмет: никакой прежней Украины после проведения Россией специальной военной операции уже быть не может; Украина никогда не будет анти-Россией.

Европейский союз

Линия Соединённых Штатов Европы (о которых весьма реалистично сто лет назад высказывал Ленин) не аутентична, заявляется в кильватере деструктивной антироссийской стратегии Соединённых Штатов Америки. Независимо ни от чего, однако, у

объединённой Европы имеются собственные мотивы формулировать более или менее внятную двустороннюю евро-российскую повестку. По своим форматам и формам последняя крайне неоднозначна, учитывая такие капитальные основания, как:

– история: а) полномасштабное фиаско континентального расширения предводительствуемой то Германией (ливоны, тевтоны, Третий Рейх), то Францией (наполеоновское нашествие) (сестёр-основательниц Евросоюза) римской панидеи, систематически посрамляемой в горячем столкновении с русской панидеей [4]; б) неудовлетворимый счёт к России новоевропейцев – располагающихся в лимитрофах несамодостаточных территорий, входивших в состав СЭВ, ОВД, СССР, – своеобразных вассалов Российской империи;

– геоэкономика: стяжающая 1/6–1/8 планетарной суши с несметными природными и культурными богатствами, нередко не получающими рачительного использования, Россия для ресурсно истощённой, перенаселённой, проблемами переобременённой Европы традиционно – объект если не ненависти, то устойчивой враждебности;

– геополитика: стратегически неизменный курс – дестабилизация, ослабление России по обстоятельствам получает аранжировку: а) прямая агрессия – *drang nach Osten*; б) сдерживание, санкции, провокации; в) вынужденное дозированное двусмысленное, неискреннее сотрудничество (миссия ОБСЕ в ОРДЛО); г) вероломство (Мюнхенский стговор; зондирующие интенсивные визиты в Москву политических лидеров Франции, Германии с увещеванием отказа от военной операции на Украине на фоне поддержки планируемого Украиной масштабного антироссийского демарша);

– геопсихология: конфликт ценностей, жизненных интересов – тотальное разобщение в принципах выстраивания обыденности, способах обустройства *Lebenswelt* (некомпенсируемый порок западного образа существования – засилье потре-

бительства; планомерная культивация (за счёт других) неспособного воспринимать сложности мира капсулированного *homo consumens*, – цивилизационный провал Запада).

Как видно, никакой звенящей расположенности, не говоря честности, – во взаимодействии ЕС – Россия не просматривается. Тем не менее язык подозрительности, открытой вражды, рестрикций, финансово-экономической блокады – не дальновиден; он никого, никак не устраивает.

От радикальной конфронтации с Россией ЕС только теряет; возьмём в расчёт лишь два обстоятельства:

– мировая политическая стратегия: в борьбу с принудительно созданным Новым Светом в лице Украины антироссийским антиподом *volens-nolens* вовлечён примыкающий к театру боевых действий благополучный Старый Свет, несущий колоссальные материальные, культурные, репутационные издержки во имя загребаящего жар чужими руками старшего брата. Набирает силу неприемлемая мир-системная конфигурация: в створе ослабления Европы, России образовавшийся было уравновешенный полицентризм замещается одноким моноцентризмом. Однако же устанавливаемый на убийстве двух зайцев кряду заокеанский монополю не приемлем;

– мировая экономическая стратегия: в угоду амбициозному патрону ввергающаяся в разрушительную для себя борьбу с Россией Европа добровольно-принудительно сползает в тяжелейшую рецессию, состояние подавления производительных сил, утраты рынков сбыта товарной продукции, преднамеренно обрекает себя на невозполнимые лишения, связанные с падением традиционно высокого качества жизни.

Невозместимые ошибки объединённой Европы:

– потворствование принятию Украины в НАТО;

– непротиводействие подготовке карательной экспедиции Украины в ОРДЛО и далее – в Крым;

– континентальная изоляция России, установление вокруг неё выгодного исключительно американизму железного занавеса с ликвидацией взаимовыгодных человеческих, финансовых, производственных контактов.

Настал момент истины – Европа, наконец, должна осознать: невозможно обеспечить собственную безопасность без необратимого сближения с Россией. Разумеется, с отказом от ястребиных поводов и оглядок.

США

Из двух прошлых мировых войн старающиеся держаться поодаль затратных непосредственных столкновений США выходили неперменными бенефициарами. Сбой произошёл в развязанной ими III мировой «холодной» войне. Поначалу дело выглядело вполне безмятежно – опробованные технологии удалённого воздействия:

- оформление широкого антироссийского террористического интернационала;
- раздувание русофобии;
- нагнетение высокого уровня тревоги;
- повышение градуса непримиримой риторики;
- создание воинственного антипода;
- ручательство европейских контрагентов –

предвещали обретение бескровного успеха.

Вожделенное чувство обезоружило.

Слабый вариант: отлучение России от Европы, запечатание её буфером стран-лимитрофов (с украинским ядром) по черноморско-балтийской конфликтной зоне – отвергнут в угоду сильному варианту – прямой вооружённой сшибке двух частей одного народа с использованием запретных приёмов: ядерного шантажа – угрозы выхода Украины из договора о неядерном статусе, создания «грязной» ядерной борьбы, провокаций вокруг законсервированных (чернобыльская АЭС), действующих (запорожская АЭС) ядерных объектов, размещения американских биолaborаторий с военно-прикладной тематикой по выпуску вирусных патогенов.

Любые неоднозначные широкомаштабные интервенции, реализующиеся как деформации, дестабилизации status quo, востребуют всестороннего обščёта совокупного (систематическо-несистематического) риска [3]. К нашей общей печали, конца боевым действиям (на момент выполнения статьи) не видно, но уже ясно: модель бесконтактной войны для США не прошла; надлежащий обščёт рисков произведён ими не был; джин выпущен из бутылки, и очень скоро окажет негативное влияние на своего господина.

Козыри перестают липнуть к одним и тем же корыстным рукам; США не могут выйти победителями из спровоцированного ими нового витка III мировой войны по ряду наглядных причин:

- политическая сфера: трудно предсказать, как, когда, чем завершится украинская бойня, однако несомненно – ход событий подготовил великое прозрение и отрезвление Европы: США защищали и защищают исключительно свои – никакие иные – национальные интересы, в том числе, – корпоративные интересы европейского сообщества. Сказанное лишний раз подчёркивает необходимость создания согласованной континентальной системы безопасности в формате ЕС – Россия;

– экономическая сфера: объективная логика функционирования капитализма (в любых вариациях) регулируется неотменяемым законом рыночной прибыли. Вследствие развёртывания боевых действий на континентальном театре ЕС как паушальный производительный контур представляет интенсивно падающий рынок; США как вписанная в мир-системные (прежде всего европейские) рыночные связи фрактура – вяло падающий регион. На данном просцениуме, как ни странно, возрастают шансы России – потенциально ненасыщаемого рынка, освобождённого от конкуренции уходом западных производителей;

- социальная сфера: нарастание протестного поведения населения держав вестерна, эмоционально подавленного, взволнованного ростом неопределённости, надвигающимися испытаниями, сни-

жением благосостояния, неизбежными конфликтами с беженцами, мигрантами, оставленными без признания, материальной поддержки странами ближне-, дальне-европейского круга [2; 7].

Так – кто и что выиграл?

Россия

Сугубая ошибка России (в отсутствие работоспособных патриотичных институтов) – непротиводействие прямо-таки маниакальному стремлению компрадорской политической элиты в разрушение национального промышленного, культурного, образовательного, гуманитарного потенциала, почвенного достояния, вековых традиций форсированно – стремглав влиться в европейское лакируемое либерально-рыночное состояние.

Там нас такими, какими мы были и, слава Богу, остались, вовсе не ждали.

В итоге, как недоумевал Карамзин, – «Мы стали (точнее – тщились стать – *В. И.*) гражданами мира, но перестали быть в некоторых (весьма существенных – *В. И.*) случаях гражданами России». Самое печальное во всей данной диковинной затее (требующей специального изучения: почему, чтобы стать гражданами мира, следует перестать быть гражданами России – и в ускользающей инверсии: почему, чтобы стать гражданами России, следует перестать быть гражданами мира?) – России, в конце концов, пришлось бороться с фактически осуществляемым (при её недопустимом потворстве) геноцидом своего народа.

Достойна анализа в этом проблемном блоке ещё не получившая освещения тема: социально-экономическая, социально-политическая реформация как... деформация – депопуляция и дезагрегация.

Здесь – наш интерес прикован к последнему.

Не менее сугубой ошибкой в двусторонних отношениях России – Украины периода президентства Януковича стала его эвакуация. Персональное спасение лица обернулось гибелью уже не реанимируемой державы. Тормозни мы легитимного президента страны в любой точке подконтрольной ему

территории, оставалась надежда на установление, поддержание устраивающего нас порядка. При нашей реактивности, однако, таковая надежда утрачена. Как при подобной же непонятной реактивности развеяна надежда на воспрепятствование обольщению учащихся откалиброванными в духе откровенной русофобии и нацизма учебниками по гуманитарным дисциплинам (прежде всего – истории, литературе); шутка сказать – при нашем попустительстве (при том, что Россия впрок (!) проплачивала валютной недешёвую аренду Севастопольской (своей!) военно-морской базы; обычно – кто платит, тот и антураж заказывает) на протяжении трёх десятков лет производилось (тем же отвратительным курсом «научные основания украинского национализма») brain washing всей молодёжи. (Риторический вопрос: какие поколения в действительности воспитаны? и как с ними бороться?).

Схематический мартиролог допущенных Россией ошибок объясняет причислить к перечню отсутствие какого-либо сопротивления противоправному некомпенсированному восточному расширению северо-атлантического альянса в нарушение устных ручательств сановных лиц. (Опять же напрашивается историческая аналогия. По резолюциям конференции в Локарно (1925 г.) – основному заключённому Германией, Францией, Бельгией, Великобританией, Италией гарантийному Рейнскому пакту – декларировалась неприкосновенность германо-французской, германо-бельгийской – западных границ Германии с подчёркнутым отсутствием статьи о нерушимости границ в центральной и восточной Европе. Очевидно: в первой квинтиле XX в. отработывались планы антироссийской блоковой организации, переросшие в развязывание кровавой Второй мировой. Картина в точности воспроизводится в режиме вековой периодичности: в первой квинтиле XXI в. антироссийский блок достигает западных границ российской державы. По третьему закону классической механики вынужденное противодействие России влечёт разрушительную ответную реакцию, кладущую предел навязчивой эскалации Запада, а с ним –

завершение анонсированной мартовской 1946 г. Фултонской речью британского консерватора III мировой «холодной» войны).

Воистину творец упущений стал пожинать тлетворную судьбу собственных созданий, заживших своей гибельной жизнью.

Политический кайрос наметила Мюнхенская речь Президента РФ, обострившего сюжету выправления перекосов собственного нерегуляризованного, ущемляющего положение России (из великих держав и Китая) проатлантического мира.

До мюнхенского демарша проигрыш России в III мировой «холодной» войне, по замыслу вестерна, должен был венчаться окончательным её цивилизационным стрелением, для чего создавались, казалось бы, достаточные предпосылки. С подкреплённой конкретными практическими шагами мюнхенской диспозиции новоявленной России, однако, западный план провалился; как и любая видимость, антироссийское упование не стало и не могло стать явью. Опрометчивая атлантская кампания породила проблемы необозримой общемировой сложности, где никакое «первое» не могло оправдываться никаким «последним».

Недопустимая, непростительная вина Запада – близорукая безуспешная цивилизационная провокация в отношении России, ставящая мир на грань раскола и катастрофы.

Императив наших дней, – человечеству, планетарной организации нужны мосты, а не топливо, являющееся источником энергетической деструкции.

Между кем и как наводить мосты?

Вступая на неторный путь нащупывания точек соприкосновения, для начала в качестве руководства к действию следует отдать должное истине: в таком ответственном предприятии, как выработка флагманского миролюбивого проекта, «ненависть не может затмевать Богом данный человеку разум».

Не чувства, а разум – источник валютных, часто неожиданных приобретений, решений. Просматривая спектр последних, включим силу концепционного моделирования.

«Патриотизм заключается в том, чтобы поддерживать свою страну всегда, а правительство лишь тогда, когда оно заслуживает», – напоминал М. Твен.

Всем патриотично настроенным сторонам конфликта, безусловно поддерживающим свои страны, равно как заинтересованно действующие правительства, правильно сблизить позиции на платформе перемирия с магистралью отставания и отстраивания мирной жизни.

Указанное – универсальная диспозиционная преамбула по части патриотизма в отношении конфликтующих стран; по части патриотизма в отношении правительств, стоящих за ордонасами распорядительных властей дело не выглядит однозначно; принимаемые диспозиции не могут быть одинаковыми, как трава.

Естественно, мы, выражающие интересы России, держимся своей патриотичной версии.

Поскольку с позиций философского взгляда на природу теории – выступающий от её имени агент высказывает не о будущем (способном посрамить любую теорию), но о возможном, предсказатель (прогнозист – никак не прорицатель, предрекатель, тавматург) намечает когерентную реалиям правдоподобную сценографию того, что не «неотвратимо», а «скорее всего» случится. Гипотетическая сценография заключённого в действительном модально слабого – пунктирным стилем – такова.

Пессимистичный сценарий. Россия увязает в непосильной войне, – неприемлемые потери, давление санкций, падение жизненных стандартов населения, усиление противодействия Запада, отсутствие поддержки Китая, вынужденное брожение, рост отщепенства, – паушально принуждают «агрессора» к миру не на его условиях. Геополитическое сальдирование как установление разности итоговых сумм по дебету и кредиту обуславливается асимметрией: в активе – осуждаемое мировым сообществом присоединение в качестве вассальных пространств выведенных из подчинения Украине территорий; в пассиве – международное непризнание аннексии, нагнетание факторов антироссий-

ской изоляции, истребование репараций на восстановление Украины. С показательным деградированием положения России в мир-системе; обратная реакция во многом аннулирует целедостижение.

Умеренно оптимистичный сценарий. Россия захватывает левобережье, азовскую, черноморскую полосу вплоть до приднестровской (особой) зоны; лишая Украину статуса морской державы, анонсирует оформление нового ассоциированного с собой субъекта международных отношений – Малороссии – с центром в Харькове с потенциальным присоединением к нему любых областей Украины.

Приобретения: территориальное, популяционное расширение; укрепление могущества усилением выхода к тёплым морям.

Потери: истощение военных, людских ресурсов; колоссальные затраты на восстановление разрушенных участков производительного, жизненного пространства; рост международного отторжения.

Оптимистичный сценарий. Силовым образом Россия овладевает Украиной. Блокируя Киев, не заходя в Галицию (поджимая её со стороны Волынской, Ровенской, Хмельницкой, Винницкой областей), Закарпатье, – уже несиловым способом проводит смену политических элит; добивается декларации вечного нейтралитета державного независимого пространства без левобережья и приморской зоны. Сильнейшая внутренняя и внешняя противительная реакция предусматривает переход к радикальному сценарию.

Радикальный сценарий. Сообразно обстоятельствам происходит ликвидация полноценного украинского государства в привычном (с советских времён – без Крыма) виде:

- отторжение левобережья с приморской частью;
- госсuverенизация Галиции;
- провозглашение специального статуса Закарпатья с державной развилкой:
 - а) сохранение – конфедерация этнических территорий с автономизацией русин;
 - б) упразднение – политическая сепаратизация этнических групп.

Для всех вариантов: обязывающий конституционный, законодательный запрет на реставрацию политического радикализма, нацизма в любых заявлениях.

Если атлантизм поставил на Украину как инструмент всесторонней демонизации и маргинализации России, разрешение украинского вопроса в любых исходах означает для атлантизма и России принципиальное урегулирование взаимоотношений на базе выстраивания нового МП эпохи пост – III мировой «холодной» войны.

Абрис новообретаемого МП

Объединённый европейский Запад окончательно утратил основательность и самостоятельность перед лицом США, с которыми России и надлежит договариваться о паритетной геостратегической конфигурации. В качестве предварительного оптимизирующего условия достижения неущемляющего результата резонно встать на почву добровольных рестрикций: атлантизм порывает с интервенционизмом «мир без России» (А); Россия порывает с реставрационизмом «российская империя в мире» (В). Кратко выскажемся об обоих.

(А). Судя по тому, как атлантизм (США) закусил удила в катализации антироссийского курса с угрозой его последующего усугубления (накачка Украины летальным оружием, отключение России от навигационных систем, отмена монетизации эфира, вытеснение ТВ каналов с платформ и т. д.), принято опрометчивое решение вести войну до последней капли крови.

Вразумительный терминальный ответ России – троякий:

- интенсификация военной санации Украины;
- в случае увеличения сроков силовой операции – дестабилизация внутренней ситуации (умелое раскачивание недовольства населения);
- объявление собственных санкций – фронтальной (!) сырьевой блокады Европы с инициацией разбалансирования жизнеподдерживающих процессов на фоне ультиматума восстановления страновой кооперации.

Слепец, кто гордо носитя с мечтами (Гёте).

Неоправданная геополитическая гордыня США из навязчивой превращается в опасную; с мечтами о вселенской гегемонии в обретающем многополярность, полицентричность мире следует распрощаться. Прибегая к более рефлексивному слогу, – «ничто» не может быть императивом жизнеспособной цивилизации; уничтоженья дух не может быть всеобщим духом нормального существования.

Вожделенная рационализация международной повестки просматривается по линии вынужденного отрезвления Европой заокеанского патрона, который – не будучи искусным канатоходцем – должен, наконец, перестать прокладывать оживлённые маршруты по краю пропасти.

«Прошло» и «сбылось» – совпадают с собой в физическом смысле, но не в смысле политическом. «Сбывшееся» не отрицает и не затмевает для политики того, что по велению судьбы в настоящем «сбывается».

(В) Будоражающий умы и сердца предмет «империя» не однозначен. Если брать быка за рога, в метафизической плоскости не удаётся отделаться от заботы игнорировать оценку Г. Манном деятельности «коронованного идиота» Вильгельма, получившего в имперостроении «огромную кучу навоза». Империя – «куча навоза»?.. Что ж, ввязывающийся в профессиональную разработку важной темы политический, социальный аналитик должен быть готов разгребать нечистоты.

В прагматической плоскости, невзирая на представление сугубой затратности имперского проекта, правильно отдавать отчёт о нарочитости полемической квалификации: империя – высококачественный продукт социально-политического, национально-исторического развития, выступающий в державном измерении не скопищем отбросов, но амбициозным орудием народов заявлять свою вселенскую миссию.

На руках пальцев можно пересчитать, сколько народов в подлунном мире тщились брать на себя бремя строить импе-

рию, выступать от её имени. Таковы греки, римляне, персы, арабы, турки, немцы, французы, англо-саксы, русские. С развалом советской империи исключительным правом осуществлять имперскую волю стяжают американцы. Каких-нибудь три десятка лет тому назад (по меркам истории – ничтожно малый момент отстоящего прошлого) в бытность свою президентом Клинтон позволял себе утверждать: «Десять лет нашей политики в отношении СССР доказали правильность взятого нами курса на устранение сильнейшей державы мира. Используя прежде всего промахи советской демократии, чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, мы осуществили мечту многих американских президентов. Но в отличие от президента Трумэна, который мечтал сбить СССР с ног при помощи «ядерных кулаков», мы, несколько откорректировав программу Трумэна, преподнесли американцам на блюдечке Россию со всеми её несметными сырьевыми богатствами».

Да, мы затратили на эту операцию многие миллиарды долларов, окупив с лихвой все расходы. За четыре года мы и наши союзники получили различного стратегического сырья на 15 миллиардов долларов, сотни тонн золота. Под несуществующие проекты нам передали за символическую цену свыше 20 тыс. тонн цезия, бериллия, стронция, современные технологии ... Когда в начале 1991 г. работники ЦРУ передали на Восток для осуществления наших планов 50 миллионов долларов, а затем такие же суммы, многие из политиков, военных не верили в успех дела. Теперь же, по прошествии четырёх лет, видно – планы наши начали реализовываться. Да, мы позволили России быть державой, но империей будет только одна страна – США».

В настоящем загнанная в угол Россия, подняв голову, обозначила законные требования по разграничению предметов ведения – закрепляющему отображению чёткому фиксату прав и обязанностей. Стремящаяся к стабильности, предсказуемости взаимодействия в границах консенсуса «на равных» Россия – во всём права.

Заключение

Испытывающий судьбу на прочность атлантизм пока (!) делает ставку на силу. Очень скоро, однако, и он, и ввергнутый в турбулентность и неготовый к тому Запад, и весь мир затребуют примирения. Планетарного масштаба. Оно-то и будет венчающим завершение III мировой войны новым глобальным миропорядком.

Вхождение в него – с отстаиваемой нами платформы – стоит обсуждать с позиции некоей клаузулы.

Исторически – в веках – свой державный корпус Россия оформляла, обустривала как империя. Возрождаясь, феноменологически, казалось бы, она должна его реставрировать, – подтверждая, восстанавливать. Эссенциально, однако, линия реставрационизма представляется непомерно затратной: Россия не достигла покуда той формы мир-системной кондиции, которая позволила бы гарантированно проводить свой державно осмысленный интерес. По данной причине теме «имперостроение» в редакции «имперовоссоздание» – «реванш национальной империи» мы предлагаем сообщить трактовку «русская панидея», курирующая евразийское большое геополитическое пространство.

Согласно отчётливо проступающей объективной логике окказионально (как, почему, зачем, – заслуживающие специального осмысления хорошие метафизические проблемы) обособились участки поверхности суши с приданными им идейно-организационными комплексами, подведомственными компетенциям римской, русской, туранской панидей, концептуально версифицируемым в терминах «месторазвитий» – средостений пространства (география – территории, акватории), ценностей (идеократия), порядка (власть).

Тройчатка «протяжение – дух – организация» вводит мало исследованный, малопонятный, но реалистичный, довольно надёжный праобраз, если угодно, – архетип, адресация к которому намечает требуемое концепционное моделирование.

Взыскующий оформления новый МП оказывается конфигурацией специфической, неимеющей аналогов в прошлом. Инновационным моментом выступает активизация традиционных панидей, к которым добавляется ранее не проявленная «поднебесная» панидея.

Так что если предыдущие МП складывались как классические упорядочения взаимодействий двух: римской-туранской; римской-русской панидей, – то современный МП складывается как неклассическое упорядочение четырёх панидейных комплексов. Особенность ситуации, следовательно, в полифундаментальности, а учитывая иррадиацию притязаний «невеликих» держав на обладание ядерным оружием (Тайвань, Япония, Пакистан, Иран, Израиль, КНДР и др.), и поливариантности. Действительно: доктринально новый МП модельно выглядит как координатно-импульсное (фазовое) многообразие, распадающееся на относительно автономные интервалы, конституируемые аксиомами отделимости.

Непреходящая значимость аксиом отделимости (в разных редакциях) – техника задания нормальных (!) топосов, в которых и между которыми проводится регуляризованный обмен деятельностью. Что, собственно, и позволяет МП играть ответственную роль гарантийного консенсуса.

Относительно движения в непосредственно поднимаемой нами проблеме сказанное предполагает: урегулирование отношений двух великих держав после снятия с кона разменной украинской монеты (как ни обидно так высказываться) крепится на обоюдном отказе от непомерных и неправомерных амбиций: атлантизм не препятствует саморазвитию России; Россия не форсирует восстановление империи. Далее – договорные обязательства по разграничению контуров римской и русской панидей согласно императивам аксиом отделимости.

Приобретения России: исключительные права на реализацию высших интересов в хартленде: 1/6 планетарной суши становится зоной стабильности. Последнее усиливается принятием и признанием

некоего подобия доктрины Монро, устанавливающего не прямые (формально-правовые) включения в состав государства бывших пространств империи (союзных республик), но обозначение приоритетности российской континентальной линии под водительством русской панидеи.

С целью надёжного разведения геополитических мир-системных компетенций римской (ныне оседланной США) и русской панидеи:

- пространственный контур НАТО съёживается до пределов договора от 12.09.1990 г. об окончательном (!) урегулировании в отношении Германии;

- восстанавливается безблоковый статус лимитрофов-хинтерланда –

- а) северо-западное направление: Балтия, Польша (отдельный вопрос: страны – бывшие члены ОВД) – европейская окантовка империи;

- б) юго-восточное направление: Туркестан, Закавказье – азиатская окантовка империи – буферных, исключаящих предпосылки горячего контакта панидей тампонных территорий.

Со стороны наиболее конфликтного северо-западного направления от стран Балтии, Польши востребуются конституционно закрепляемые ручательства «вечного» нейтралитета.

Приобретения Запада (атлантизма): гарантийная зона стабильности, спокойствия, добрососедства, сотрудничества (фи-

нансового, экономического, военно-технического, гуманитарного), опирающаяся на превентивный отказ России от всякого рода неприятных обострений, в том числе:

- организацией общемирового антиатлантистского (как ранее – антиимпериалистического) фронта;

- игрой на противоречиях в юго-восточной Азии, Латинской Америке, Африке, Арктике;

- утритированием прав русскоязычного населения (в особенности в Латвии, Эстонии);

- инициацией возвращения Литвой 6 белорусских районов.

Взаимодействие Россия – Запад (атлантизм) следует направить в правильное ламинарное русло наращивания партнёрства, высвобождающего бесконечно ценную созидательную энергию самосредоточения, позволяющую избавляться от обременительного груза недоверия и подозрительности.

В отличие от других сфер практически-духовного философия смотрит на мир через призму преобразовательного оптимизма, обязывающего печься не о войне, а о жизни. О том, как после установления долгожданного миро-порядка будут жить Запад, Украина, Россия. Без близорукого желания нанести ближнему решающий и роковой удар.

Статья поступила в редакцию 05.10.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России / под ред. В. В. Ильина. М.: Московский университет, 1996. 399 с.
2. Ильин В. В. Метафилософия. Поэтика философии. М.: Проспект, 2021. 160 с.
3. Ильин В. В. Политология. М.: КДУ, 2018. 327 с.
4. Ильин В. В. Россия – империя?! Puncfum dolens // Вестник тверского государственного университета. Серия: Философия. 2022. № 1. С. 5–18.
5. Ильин В. В. Философия и власть. Ч. I. Архитектура власти // Российский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 4. С. 211–223.
6. Ильин В. В. Философия и власть. Ч. II. Аппретура власти // Российский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 5. С. 277–296.
7. Ильин В. В. Философия кризиса. Человечество на пороге катастрофических перемен. М.: Проспект, 2022. 104 с.
8. Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М.: Московский университет, 1997. 382 с.
9. Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М.: Московский университет, 2000. 300 с.

10. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 56 т. Т. 32. М.: Госполитиздат, 1962. 605 с.
11. Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия...: полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906–1911. М.: Молодая гвардия, 1991. 410 с.

REFERENCES

1. Ilyin V. V., Panarin A. S., Ahiezer A. S. *Reformy i kontrreformy v Rossii* [Reforms and Counter-Reforms in Russia]. Moscow, Moscow University Publ., 1996. 399 p.
2. Ilyin V. V. *Metafilosofiya. Poetika filosofii* [Metaphilosophy. Poetics of Philosophy]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 160 p.
3. Ilyin V. V. *Politologiya* [Political Science]. Moscow, KDU Publ., 2018. 327 p.
4. Ilyin V. V. [Is Russia an Empire?! Puncfum dolens]. In: *Vestnik tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2022, no. 1, pp. 5–18.
5. Ilyin V. V. [Philosophy and Power. Part I. The Architecture of Power]. In: *Rossiiskij gumanitarnyj zhurnal* [Russian Humanitarian Journal], 2020, vol. 9, no. 4, pp. 211–223.
6. Ilyin V. V. [Philosophy and Power. Part II. Appreture of Power]. In: *Rossiiskij gumanitarnyj zhurnal* [Russian Humanitarian Journal], 2020, vol. 9, no. 5, pp. 277–296.
7. Ilyin V. V. *Filosofiya krizisa. Chelovechestvo na poroge katastroficheskikh peremen* [Philosophy of the Crisis. Humanity is on the Verge of Catastrophic Changes]. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 104 p.
8. Ilyin V. V., Ahiezer A. S. *Rossiiskaya gosudarstvennost': istoki, tradicii, perspektivy* [Russian Statehood: Origins, Traditions, Prospects]. Moscow, Moscow University Publ., 1997. 382 p.
9. Ilyin V. V., Ahiezer A. S. *Rossiiskaya civilizaciya: sodержание, granicy, vozmozhnosti* [Russian Civilization: Content, Boundaries, Opportunities]. Moscow, Moscow University Publ., 2000. 300 p.
10. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 32* [Complete Works. Vol. 32]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1962. 605 p.
11. Stolypin P. A. *Nam nuzhna velikaya Rossiya...: polnoe sobranie rechej v Gosudarstvennoj Dume i Gosudarstvennom Sovete. 1906–1911* [We Need a Great Russia ...: A Complete Collection of Speeches in the State Duma and the State Council. 1906–1911]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1991. 410 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильин Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук Калужского филиала Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана (национального исследовательского университета);
e-mail: vvilin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor V. Ilyin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Social Sciences, Bauman Moscow State Technical University (National Research University) Kaluga Branch;
e-mail: vvilin@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ильин В. В. Россия – Украина: славянское братство... Caput nili quaerere // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 4. С. 58–73.
DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-58-73

FOR CITATION

Ilyin V. V. Russia – Ukraine: Slavic Brotherhood... Caput Nili Quaerere. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2022, no. 4, pp. 58–73.
DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-58-73

УДК 101+11

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-74-80

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ФУТУРИЗМ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Молчан Э. М.¹, Гавва Р. В.², Янгез Д. И.³

¹ *Московский государственный областной университет*

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

² *Московский педагогический государственный университет*

119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация

³ *Московский государственный университет спорта и туризма*

117519, г. Москва, ул. Кировоградская, д. 21, корп. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить особенности влияния аксиологического футуризма на современное общество.

Процедура и методы. Проанализировано современное состояние аксиологического пространства возможностей в условиях применения социально-виртуальных сред. Методологией исследования выступает социально-философский анализ проблемы влияния модели аксиологического пространства возможностей на социальные системы, а также общенаучные методы теоретического познания, методы системного анализа, сравнения и обобщения зарубежных и российских исследований по проблеме изучения ценностно-смысловых доминант в ситуации цифровой трансформации. В качестве методологических оснований исследования используются основные подходы к осмыслению моделей развития общества по разным локациям – из общества индивидуального интеллекта в общество коллективного разума и искусственного интеллекта.

Результаты. Определены основные элементы в аксиологической модели вероятностных возможностей будущего включающего причинно-следственные связи технологического и ценностно-смыслового изменения человека, фундаментальным составляющим которой является интеллект как основной ресурс людей и человеческих цивилизаций, необходимый для выживания. Интеллект имеет три формы: индивидуальную, т. е. способность решать проблемы отдельных людей; коллективную, т. е. способность решать проблемы групп людей работать и координировать свои действия вместе; искусственную, т. е. способность машин решать поставленные задачи.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён материал по исследуемой теме. Результаты исследования вносят вклад в методологическую базу социальной философии. Их актуальность обусловлена раскрытием практической значимости «аксиологического футуризма», разработкой интеллектуальной модели аксиологического пространства возможностей постчеловеческого индивидуума будущего. Авторы работы приходят к выводу, что аксиологический футуризм необходим, потому что учитывает историю ценностных изменений и вариаций, дополняет другие футурологические запросы в научных рассуждениях, позволяет спроектировать пространство аксиологических возможностей и рассмотреть, как цивилизации могут перемещаться и изменять ценностно-смысловые доминанты в будущем.

Ключевые слова: аксиологический футуризм, искусственный интеллект, ценности, модель аксиологического пространства возможностей, общество индивидуального интеллекта, общество искусственного интеллекта, общество коллективного разума

AXIOLOGICAL FUTURISM AS A VECTOR OF MODERN SOCIETY DEVELOPMENT

E. Molchan¹, R. Gavva², D. Yangez³

¹*Moscow Region State University*

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 14141014, Moscow Region, Russian Federation

²*Moscow State Pedagogical University*

ul. Malaya Pirogovskaya 1 bld. 1, Moscow 1119991, Russian Federation

³*Moscow State University of Sport and Tourism*

ul. Kirovogradskaya 21 corp. 1, Moscow 117519, Russian Federation

Abstract

Aim. To reveal the features of the influence of axiological futurism on modern society.

Methodology. The current state of the axiological space of possibilities is analyzed in terms of the use of social-virtual environments. The research methodology is a socio-philosophical analysis of the problem of the axiological space of opportunities model influence on social systems, as well as general scientific methods of theoretical knowledge, methods of system analysis, comparison and generalization of foreign and Russian studies on the problem of studying value-semantic dominants in the situation of digital transformation. As the methodological foundations of the study, the main approaches to understanding the models of development of society in different locations are used - from the society of individual intelligence to the society of collective intelligence and artificial intelligence.

Results. The main elements in the axiological model of the probabilistic possibilities of the future, including the cause-and-effect relationships of technological and value-semantic change of a person, the fundamental component of which is the intellect as the main resource of people and human civilizations, necessary for survival, are determined. Intelligence has three forms: individual, i.e. the ability to solve individual problems; collective, that is, the ability to solve problems of groups of people to work and coordinate their actions together; artificial, i.e. the ability of machines to solve tasks.

Research implications. The material on the topic under study is summarized. The results of the study contribute to the methodological basis of social philosophy. Their relevance is due to the disclosure of the practical significance of "axiological futurism", the development of an intellectual model of the axiological space of possibilities of the post-human individual of the future. The authors of the work come to the conclusion that axiological futurism is necessary because it takes into account the history of value changes and variations, and complements other futurological requests in scientific reasoning, thus allowing you to design a space of axiological possibilities and consider how civilizations can move and change value-semantic dominants in the future.

Keywords: axiological futurism, artificial intelligence, values, axiological space of possibilities model, individual intelligence society, artificial intelligence society, collective intelligence society

Введение

Аксиологическое пространство цивилизации раскрывается через исторические этапы развития человечества, ценностно-смысловые доминанты народов, моральные установки, традиции, верования. Народы ушедших цивилизаций ориентировались на моральные убеждения, верования, которые в сопоставлении с современными ценностными структурами представляются языческо-фанатичным идолопоклонством. Возврат современно-

го мирового сообщества в мир языческих мировоззренческих конструкций сопровождается апгрейдом материальной структуры современного идола, наделением его новой информационной оболочкой и псевдонаучной содержательностью. Современное идолопоклонство реализуется в культе денег, власти, игровых виртуальных мирах, интернете и smart-зависимости, где основная масса общества ориентирована на потребление и свободное времяпровождение. Исследуя экзи-

стенциальный аспект культуры прошлых поколений, различные артефакты, материальные и духовные ценности, возможно проследить развитие цивилизации, спрогнозировать будущее аксиологических возможностей народов. Исторические аксиологические модели ушедших цивилизаций показывают, что, как только человечество возвращается в мир языческих идолов, осуществляется диссонанс личности, а следовательно, духовно-нравственная деградация народа, что приводит к разрушению цивилизации [1, с. 75]. Диссонанс цивилизации происходит, когда диалог культур полностью прекращается, а народ ориентируется на материальные ценности. Современное состояние общества осуществляет стадию отката к языческо-мифологическим идолам (долларовая идеология, нетрадиционные ценности и т. д.), только обновлённым и усовершенствованным с позиции научно-технического прогресса, виртуальной реальности, гибридизации социального пространства. Духовно-нравственные ценности теряют приоритет, аксиологическое пространство возможностей современного мира глобализуется, наделяется виртуальными универсалиями, формируется языческая религия мира. Под воздействием виртуальных глобализационных процессов ценностная изменчивость происходит в различных культурах и обществах, разрушаются традиционные ценности, аксиологическое пространство возможностей материализуется, погружаясь в отрицательную духовность [4]. Какие последствия имеет трансформация ценностно-смысловых доминант под воздействием виртуализации экзистенциальных основ человека для будущих поколений? Можем ли мы предвидеть надвигающуюся угрозу аксиологического кризиса и предостеречь будущие поколения от уничтожения цивилизации?

Отвечая на поставленные вопросы, необходимо обратиться к системно-философскому анализу будущих человеческих ценностей посредством аксиологического футуризма, который дополняет футурологические исследования разных наук.

Во-вторых, описать методологический инструментарий, позволяющий рассмотреть ценностно-смысловые доминанты будущего человеческих ценностей. И в-третьих, попытаться смоделировать потенциальное аксиологическое пространство возможностей, ориентированное на будущие десятилетия. Данные направления обосновывают то, зачем необходим аксиологический футуризм, как мы можем раскрыть его сущность и взаимосвязь на междисциплинарном уровне мышления и определить способы исследования.

Обоснование аксиологического футуризма

Аксиологический футуризм предполагает исследование человеческих ценностей с позиции описательно-предсказательного и ценностного подходов. Ценностям личности и общества свойственно изменение во времени и пространстве, модификации подвержены не сами ценности, т. к. они идеализированные феномены в ментальных конструктах человека и не трансформируются. Изменение свойственно ценностно-смысловым доминантам, связанным с отношением личности к ценностным системам и с наделением их новыми характеристиками, присвоением им ценностной иерархии человеком. Поэтому наше отношение к ценностям или конкретным представлениям о них всегда меняется, и, если мы хотим предвидеть будущие аксиологические системы, необходимо учитывать изменение исторических эпох. Трансформация ценностно-смысловых доминант связана с отсутствием привязанности к традиционным ценностям народа, общества, семьи, виртуализацией общества и научно-техническим прогрессом, который ускоряет этот отрыв, перенаправляя ценностные ориентации на потребление материальных благ, создание комфортных условий проживания в ущерб природе. Потребительский образ жизни современного общества в настоящее время игнорирует даже ценность человеческой жизни и не беспокоится о рисках измене-

ния климата, внедрения искусственного интеллекта. Современный человек более беспокоится о своём материальном благополучии, чем о духовно-нравственном развитии. Для современного индивида аксиологическое будущее представляется источником обогащения, где развитие технологий определяет комфорт и удовлетворение материальных потребностей. Современные финансовые корпорации направляют развитие технологий, просчитывая будущие расходы и доходы от внедрения, их ценность – материальная прибыль. Будущее может функционировать как «аксиологический катализатор»: вещи, которые мы ценим, могут иметь большее значение, потому что они поддерживаются настоящим.

Аксиологический футуризм не может и не должен точно предсказывать будущие ценностные ориентации общества, а только намечает пространство возможных ценностных траекторий развития социальных систем, по которым в будущем имеется вероятность спрогнозировать и представить различные сценарии развития цивилизации, смоделировать деятельность государств и стран [10]. Научно-технический прогресс, виртуализация социальных систем, результаты технологических изменений в обществе, экологические катастрофы, локальные войны вынуждают к исследованиям в области аксиологического футуризма, который позволит предвидеть катастрофические последствия цивилизации и сохранить целостность мира. И. Ван де Поэл [9], О. Кудина и П. П. Вербеек [5] обращают внимание на то, что при разработке виртуальной реальности, информационных технологий, ИИ необходимо учитывать не только материальную выгоду для человека открытий в этих направлениях, но и их воздействие на духовно-нравственное становление личности. Например, ценностное содержание искусственного интеллекта может быть различным, придание ему статуса самостоятельности спровоцирует изменение действующих социальных и правовых норм, законодательной базы.

Потенциальное преимущество аксиологического футуризма заключается в том, что он позволит избежать нежелательных последствий и эмоциональной реакции на будущие открытия и достижения человечества. Расширяя аксиологические горизонты нашего познания, аксиологический футуризм избавит нас от лженаучных прогнозов, необоснованных фейковых выборов в виртуальном интернет-пространстве, которые уведут активного субъекта цифрового мира на ложный путь формирования мировоззренческих универсалий.

Интеллектуальная модель аксиологического пространства возможностей

Следующий этап нашего аналитического исследования состоит в построении аксиологической модели вероятностных возможностей будущего, включающего причинно-следственные связи технологического и ценностно-смыслового изменения человека, общества. На протяжении всей истории развития цивилизации внедрение технологий в жизнедеятельность человека предполагало адаптацию окружающей среды под потребности общества, получение дополнительных источников энергии и т. д. Преобразование окружающей среды было связано с трансформацией аксиологических систем, с изменением ценностно-смысловых доминант человека и общества в целом, что связано с развитием индивидуального и общественного интеллекта. Интеллект является приоритетным в современном обществе и мобилизует личность и коллектив решать задачи в разных научных средах [7]. Он становится основным ресурсом людей и человеческих цивилизаций, необходимым для выживания. Интеллект имеет три формы: индивидуальную, т. е. способность решать проблемы отдельных людей; коллективную, т. е. способность решать проблемы групп людей, работать и координировать свои действия вместе; искусственную, т. е. способность машин решать поставленные задачи. Каждому

типу интеллекта соответствует свой идеальный тип аксиологической системы, защищающей, поощряющей и укрепляющей особый вид интеллекта. Большую часть истории человечество имеет взаимоотношения между индивидуальным и коллективным интеллектом, недавно к ним добавились искусственные формы интеллекта. Поэтому аксиологическое пространство возможностей, по которому будет перемещаться в ближайшие десятилетия общество, определится тремя идеальными типами ценностных систем, связанных с индивидуальным, коллективным и искусственным интеллектом. В связи с этим идеальные типы общества разделятся на: общество, которое отдаёт приоритет индивидуальному интеллекту; общество, отдающее предпочтение коллективному разуму; общество, отдающее предпочтение искусственному интеллекту.

Общество индивидуального интеллекта

Индивидуальный интеллект – это интеллект, связанный с отдельными людьми, т. е. их способностями использовать ментальные модели и инструменты для решения проблем и достижения целей в окружающем мире. В идеализированном виде индивидуальный интеллект отличается от коллективного и искусственного самодостаточностью и самоопределяемостью. Этому способствуют технологии, которые расширяют индивидуальные способности в решении проблем современности, включая в себя инструменты апгрейда или улучшения физических основ личности (например, когнитивные усилители, киборгификация и генная инженерия). Соответствующий идеальный тип аксиологической системы будет делать упор на разумные личности как на наиболее важные нравственные субъекты, защищать их интересы, определять свои приоритеты и вознаграждать за интеллект. Это гарантирует человеку, пока он ценен для общества, защищённость от вмешательства, свободу в интеллектуаль-

ном развитии, либеральный аксиологический порядок.

Общество коллективного разума

Коллективный разум – это интеллект, связанный с группами людей, возникающий из их способности координироваться и сотрудничать в решении поставленных задач. Коллективный разум процветает благодаря технологиям, которые выводят на информационную коммуникацию. Идеализированная форма коллективного разума рассматривает человека как элемент в интеллектуальной системе. Связанный с этим идеальный тип аксиологической системы рассматривает группу как самый важный моральный инструмент солидарности и выдвигает такие коллективные ценности, как групповая сплочённость, коллективное благополучие, общая собственность и, возможно, равенство власти и богатства. По сути, это будет скорее социалистический и, возможно, националистический аксиологический порядок [3].

Общество искусственного интеллекта

Искусственный интеллект – это вид интеллекта, связанный с программируемыми машинами, использующий элементы индивидуального и коллективного разума, отличается скоростью обработки информации, используется как инструмент (или набор инструментов) для пользы человека. Идеализированная форма ИИ – это та, которая независима от человеческого интеллекта, т. е. способна самостоятельно решать задачи [8]. В таком случае аксиологический футуризм может предвидеть обесценивание человеческого разума, т. к. машины будут выполнять всю познавательную работу. Человечество сосредоточит внимание на индивидуальной уверенности в свои силы, а аксиология искусственного интеллекта станет предлагать удовольствие, отдых, игры, погружая личность в мир праздности к машинному опосредованному изобилию материальных ресурсов и феноменологического опыта. Данный идеальный тип аксиологической системы глубоко антропоцентричен, т. к.

предполагает, что люди по-прежнему будут основными моральными субъектами и бенефициарами в искусственно интеллектуальном социуме. Человечество благодаря сочетанию индивидуального и коллективного разума построило современное промышленное общество, создаёт технологии, которые управляют им. Это новый элемент пространства аксиологических возможностей, по которому в ближайшие десятилетия, устремится социум [2].

Заключение

В заключение можно сказать, что аксиологический футуризм – это систематическое и открытое исследование пространства аксиологических возможностей будущих человеческих (и постчеловеческих) цивилизаций. Аксиологический футуризм необходим, потому что, учи-

тывая историю ценностных изменений и вариаций, маловероятно, что нынешние аксиологические системы останутся статичными и неизменными в будущем. Аксиологический футуризм важен ещё и потому, что он дополняет другие футурологические запросы в осознанных рассуждениях. Задача аксиологического футуриста состоит в том, чтобы нанести на карту пространство аксиологических возможностей и рассмотреть, как цивилизации могут перемещаться и менять своё местоположение в этом ценностном пространстве возможностей в будущем. Целью является не точное предсказание, а, скорее, сценарное моделирование, использующее ряд дисциплин, включая философию, историю, антропологию, психологию и др.

Статья поступила в редакцию 13.09.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Майкова В. П. Социально-философские проблемы динамики общественного сознания в современной философии. М.: Московский государственный университет леса, 2013. 385 с.
2. Майкова В. П. Целостный подход к проблемам теории познания. Идеи. Методы. Решения. Berlin: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 70 с.
3. Danaher J., Nyholm S. Automation, Work and the Achievement Gap // *AI Ethics*. 2021. № 1. P. 227–237.
4. Flanagan O. The Geography of Morals: Varieties of Moral Possibility. New York: Oxford University Press, 2017. P. 232–362.
5. Kudina O., Verbeek P.-P. Ethics from Within: Google Glass, the Collingridge Dilemma, and the Mediated Value of Privacy // *Science, Technology, & Hum Values*. 2019. Vol. 44 (2). P. 291–314.
6. Long-term Trajectories of Human Civilization / S. D. Baum, S. A. Timoteus Ekenstedt, O. Häggström, R. Hanson, K. Kuhlemann, M. M. Maas, J. D. Miller, M. Salmela, A. Sandberg, K. Sotala, Ph. Torres, A. Turchin, R. V. Yampolskiy // *Foresight*. 2019. Vol. 21. № 1. P. 53–83.
7. Mulgan T. Big Mind: How Collective Intelligence Can Change Our World. Princeton: New Jersey: Princeton University Press, 2017. 280 p.
8. Schröder W. M. Robots and Rights: Reviewing Recent Positions in Legal Philosophy and Ethics // *Robotics, AI, and Humanity* / eds. J. S. Braun, M. Archer, G. M. Reichberg, S. Sorondo. Berlin: Springer: Cham, 2021. 269 p.
9. Van De Poel I. Design for Value Change // *Ethics and Information Technology*. 2021. № 23. P. 27–31.
10. Verbeek P. P. The Empirical Turn // *The Oxford Handbook of Philosophy of Technology* / ed. S. Vallor. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 35–54.

REFERENCES

1. Maikova V. P. *Social'no-filosofskie problemy dinamiki obshchestvennogo soznaniya v sovremennoj filosofii* [Social and Philosophical Problems of the Dynamics of Social Consciousness in Modern Philosophy]. Moscow, Moscow State Forest University Publ., 2013. 385 p.
2. Maikova V. P. *Celostnyj podhod k problemam teorii poznaniya. Idei. Metody. Resheniya* [A Holistic Approach to the Problem of the Theory of Knowledge. Ideas. Methods. Solutions]. Berlin: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 70 p.
3. Danaher J., Nyholm S. Automation, Work and the Achievement Gap. In: *AI Ethics*, 2021, no. 1, pp. 227–237.

4. Flanagan O. The Geography of Morals: Varieties of Moral Possibility. New York, Oxford University Press, 2017. P. 232–362.
5. Kudina O., Verbeek P.-P. Ethics from Within: Google Glass, the Collingridge Dilemma, and the Mediated Value of Privacy. In: *Science, Technology, & Hum Values*, 2019, vol. 44 (2), pp. 291–314.
6. Baum S. D., Timoteus Ekenstedt S. A., Häggström O., et al. Long-term Trajectories of Human Civilization. In: *Foresight*, 2019, vol. 21, no. 1, pp. 53–83.
7. Mulgan T. Big Mind: How Collective Intelligence Can Change Our World. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 2017. 280 p.
8. Schröder W. M. Robots and Rights: Reviewing Recent Positions in Legal Philosophy and Ethics. In: Braun J. S., Archer M., Reichberg G. M., Sorondo S., eds. *Robotics, AI, and Humanity*. Berlin, Springer, Cham, 2021. 269 p.
9. Van De Poel I. Design for Value Change. In: *Ethics and Information Technology*, 2021, no. 23, pp. 27–31.
10. Verbeek P. P. The Empirical Turn. In: Vallor S., ed. *The Oxford Handbook of Philosophy of Technology*. Oxford, Oxford University Press, 2021, pp. 35–54.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Молчан Эдуард Михайлович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии Московского государственного областного университета;

e-mail: ed.molchan2015@yandex.ru

Гавва Руслан Витальевич – кандидат экономических наук, доцент Московского педагогического государственного университета;

e-mail: rv.gavva@mpgu.su

Янгез Дмитрий Иванович – кандидат исторических наук, доцент, начальник отдела научной и редакционно-издательской деятельности Московского государственного университета спорта и туризма;

e-mail: dimayangez@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Eduard M. Molchan – Cand. Sci. (Pedagogical Sciences), Assoc. Prof., Department of Philosophy, Moscow Region State University;

e-mail: ed.molchan2015@yandex.ru

Ruslan V. Gavva – Cand. Sci. (Economic Sciences), Assoc. Prof., Moscow State Pedagogical University;

e-mail: rv.gavva@mpgu.su

Dmitry I. Yangez – Cand. Sci. (Historical Sciences), Assoc. Prof., Head of the Department, Department of Scientific and Editorial and Publishing Activities, Moscow State University of Sports and Tourism;

e-mail: dimayangez@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Молчан Э. М., Гавва Р. В., Янгез Д. И. Аксиологический футуризм как вектор развития современного общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 4. С. 74–80.

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-74-80

FOR CITATION

Molchan E. M., Gavva R. V., Yangez D. I. Axiological Futurism as a Vector of Modern Society Development. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2022, no. 4, pp. 74–80.

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-74-80

УДК 004+304.5

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-81-91

БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Платонова С. И.*Удмуртский государственный аграрный университет**426069, г. Ижевск, ул. Студенческая, д. 11, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть особенности организации социального контроля с использованием больших данных; исследовать переход от модели паноптизма к модели цифрового паноптизма, возникающего благодаря развитию цифровых технологий.

Процедура и методы. В работе анализируется использование больших данных как экономического и политического капитала. Рассматриваются социальные теории, исследующие нормативную природу общества, изучается трансформация моделей социального контроля. Исследование проведено на основе сравнительного и системного подходов.

Результаты. Проведённый анализ показал, что в информационном обществе усиливается асимметрия отношения «власть – знание». Обосновано, что социальный контроль, использующий большие данные, становится тотальным, гибким, динамичным.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что обоснована необходимость всестороннего изучения процессов и механизмов организации социального контроля в современном обществе.

Ключевые слова: большие данные, социальная теория, социальный контроль, паноптикон

BIG DATA AND THE ORGANIZATION OF SOCIAL CONTROL IN THE DIGITAL SOCIETY

S. Platonova*Udmurt State Agricultural University**ul. Studencheskaya 11, Izhevsk 426069, Russian Federation*

Abstract

Aim. To consider the features of the organization of social control using big data; to investigate the transition from the model of panopticism to the model of digital panopticism arising due to the development of digital technologies.

Methodology. The paper analyzes the use of big data as an economic and political capital. Social theories exploring the normative nature of society are considered, the transformation of models of social control is studied. The study was conducted on the basis of comparative and systematic approaches.

Results. The analysis showed that the asymmetry of the “power-knowledge” relationship is increasing in the information society. It is proved that social control using big data becomes total, flexible, dynamic.

Research implications. The theoretical significance of the study lies in the fact that the need for a comprehensive study of the processes and mechanisms of the organization of social control in modern society is justified.

Keywords: big data, social theory, social control, panopticon

Введение

Процессы цифровизации и активное использование больших данных оказывают существенное влияние на все сферы общества. Существует большое количество статей, в которых рассматриваются положительные и отрицательные характеристики применения больших данных. Исследователи выделяют как экономические эффекты больших данных (повышение производительности труда, снижение затрат, воздействие на инновации в бизнесе, рост продаж, оптимизация производственных процессов), так и внеэкономические эффекты использования больших данных (повышение качества принимаемых управленческих решений, предоставляемых услуг, улучшение экологической ситуации в стране и мире) [2]. Изучаются эпистемологические и методологические изменения в науках, связанные с трансформациями субъекта научной деятельности, научных средств и научных операций, влияния цифровизации на социальные и гуманитарные науки [5; 9; 18]. Рассматривается потенциал больших данных в социологии науки, создающий новые возможности для изучения научной репутации, научного признания, публикационного поведения учёных, предлагающий новые модели функционирования науки как социального института [3].

Ряд авторов занимает более осторожную позицию, говоря об угрозах, прежде всего, правового и этического характера, связанных с развитием цифровых технологий и использованием больших данных [7; 8]. Большие данные – это не только расширение возможностей научных исследований и получения принципиально новых результатов, но и потенциальная возможность тотального контроля над поведением индивидов. В продолжение дискуссии по данной теме мы рассмотрим особенности больших данных как средства социального контроля в современном обществе. Начнём с характеристики больших данных как форм капитала, далее сопоставим социальные теории, в которых предложено

по крайней мере два подхода по организации социального порядка и социального контроля. Нас интересует, какой из этих подходов получил дальнейшее развитие и наиболее востребован в современном обществе? Далее рассмотрим, как с помощью больших данных возможно не только усиление социального контроля, но и формирование поведения индивидов и установок повседневного бытия. В завершение сформулируем особенности социального контроля, основанного на аналитике больших данных.

Большие данные как экономический и политический капитал

Большие данные – это огромный массив информации, который характеризуется объёмом (volume), скоростью (velocity), разнообразием (variety), ценностью (value) и достоверностью (veracity). Большие данные, как правило, являются неструктурированными и представляют большой объём информации, полученный из самых разных источников: данных спутников, интернет-опросов, цифровых записей, астрономических наблюдений, метеорологических наблюдений и т. п. [9, с. 120]. Зачастую большие данные появляются спонтанно, не создаются для целей какого-либо исследования, а являются «выхлопом», «излишком», по мнению Ш. Зубофф. Поскольку одной из основных характеристик big data является их большой объём, предполагаются определённые технологии их получения, анализа и машинной обработки.

Большие данные – это своего рода капитал, который может принимать разнообразные формы. В рамках нашей работы нас интересуют большие данные как политический и экономический капитал. Каким образом большие данные становятся экономическим и политическим капиталом? Каким образом проявляется взаимосвязь эти форм?

В условиях цифрового общества большие данные не только создаются в рамках научных исследований, но и производятся

крупными платформенными компаниями. «Предоставляя людям цифровое пространство для взаимодействия, платформы оказываются в положении, позволяющем им извлекать данные из анализа природных процессов, производственных процессов, а также из наблюдения за действиями других компаний и пользователей» [12, с. 46–47]. В этом смысле большие данные являются экономическим капиталом, который позволяет с их помощью увеличить прибыль. Поэтому можно утверждать, что данные – это «ценное сырье, которое можно добыть, обработать и трансформировать в экономический актив (товар, капитал)» [10, с. 247].

В Великобритании было проведено исследование, в ходе которого получили следующий результат: «В 2012 г. индустрия больших данных Великобритании сгенерировала около 150 млн фунтов стерлингов дополнительной прибавочной стоимости» [2, с. 138]. Однако в цифровом обществе большие данные являются не только экономическим капиталом, с помощью которого можно получать прибыль. Большие данные могут стать (и становятся) политическим капиталом, позволяющим влиять на поведение человека. Возможность подобного влияния появляется тогда, когда происходит накопление информации о поведении и потребительских запросах индивидов.

Большие данные в бизнесе и науке используются по-разному. Существует цифровое неравенство между собственниками социальных сетей, сайтов и исследователями. Дело в том, что компании могут иметь доступ к большому объёму информации, а учёные, изучающие эти сайты, – нет. При этом частные компании не всегда спешат делиться большими данными ни с научными организациями, ни с органами государственной власти. Отмечается, что «цифровой капитал достаётся не производителям данных, а тем, кто может использовать их для производства ценности, прогнозирования и манипулирования. Доступ к большим данным является привилегией акторов, связанных с корпорациями

или исследовательскими проектами» [10, с. 247].

Согласно Ш. Зубофф, цифровое неравенство переходит в «беспрецедентную асимметрию знания и власти, которую даёт знание. ... Чем больше известно о человеке, тем легче его контролировать» [7, с. 21, 253]. При сборе персональной информации потребителей крупные платформенные компании могут вести достаточно агрессивную стратегию. Так, условием доступа к продуктам и сервисам на электронных рынках является согласие с предлагаемыми правилами пользования, которые зачастую становятся попросту средством извлечения персональных данных потребителя [6, с. 120]. В основе тенденции смещения частного и публичного пространства лежит стремление платформенных компаний к обладанию всё большим количеством данных о пользователях. Ещё раз подчеркнём, что сбор и аналитика данных – это основная задача компаний. Чем больше данных имеет компания, тем легче формировать потребительские предпочтения, увеличивая тем самым прибыль, и тем проще осуществлять социальный контроль.

Среди подходов, анализирующих асимметрию «знания – власти» можно выделить два направления: «данноколониализм» и «цифровой фронтеризм» [10, с. 428]. «Данноколониализм» обосновывает коммерциализацию социального в формате обработанных данных, постулирует коммерчески ориентированную количественную оценку социальной жизни с целью получения прибавочной стоимости. Здесь асимметрия власти наблюдается между теми, кто создаёт данные, и платформами, получающими прибыль от данных. «Цифровой фронтеризм», являясь более взвешенным и осторожным подходом, рассматривает использование онлайн-технологий социальными акторами с позитивной стороны, полагая, что индивиды осваивают онлайн-пространство, создают онлайн-сообщества, овладевают сетевыми практиками [10, с. 428].

Подводя промежуточный итог, подчеркнём, что большие данные могут быть рас-

смотрены как экономический и политический капитал. Эти формы не существуют изолированно, а находятся во взаимодействии друг с другом. Действительно, с одной стороны, большие данные являются сырьём, с помощью которого возможно извлечение прибыли, с другой стороны, большой массив неструктурированной информации создаёт возможности контроля и формирования поведения индивидов.

Социальные теории: проблемы порядка и социального контроля

Анализируя социальные теории, в которых рассматриваются проблемы порядка и социального контроля, остановимся на взглядах мыслителей, чьи идеи оказали существенное влияние на развитие данной проблематики. Среди подходов к анализу социального порядка и контроля можно выделить, по крайней мере, два подхода: понимание социального порядка и контроля как естественных характеристик общества, которые реализуются благодаря механизмам институционализации, наличию культурных образцов и социальных норм. К представителям данного подхода можно отнести, в частности, Т. Парсонса. Второй подход рассматривает социальный порядок и контроль как дисциплинарный механизм, не затрагивающий нормативной природы общественной интеграции. Сторонниками данного направления являются, например, И. Бентам и М. Фуко.

Рассматривая природу общества, Т. Парсонс исходит из понимания общества как стабильной, устойчивой системы. Если общество является системой, главный вопрос для американского социолога заключается в следующем: «Как система решает проблемы интеграции, стабильности? Как происходит интеграция внутри системы, между системой и культурными образцами, между социальной системой и личностной системой?» В социальной модели Т. Парсонса функцию архитекторов ценностей и смыслов выполняют интеллектуалы. Они производят смыслы и цен-

ности, с помощью которых осуществляет стабильность и устойчивость общества, его интеграция. Культурные образцы являются важнейшим инструментом в сохранении социального порядка и равновесия. При этом культура и мораль являются не просто ресурсом в механизме производства и воспроизводства общественного порядка. Т. Парсонс и его последователи полагают, что социальный порядок зависит от культурной интеграции, культура – это не внешняя форма принуждения, а усвоенная индивидом система ценностей.

Социальный контроль и социализация позволяют личности интегрироваться в социальную систему. «Механизмы социализации – это средства, при помощи которых культурные образцы – ценности, взгляды, язык и другие символы – интериоризируются в системе личности ... Механизмы социального контроля включают в себя способы, при помощи которых в социальных системах организуются роли статуса с тем, чтобы уменьшить напряжённость и отклонения» [13, с. 71]. Социальный порядок состоит из единичных ролей, присвоенных единичным акторам, а также из взаимодействий, которые становятся возможными благодаря культуре и культурным образцам.

Это идеальное общество, в котором отсутствуют конфликты и изменения. Индивид благодаря социализации становится полноправным членом общества. Однако функционирование реальных обществ демонстрировало отклонения от модели Т. Парсонса. Как в таком случае объяснить дезинтеграцию, перемены, конфликты в обществе? Что будет с индивидом, если его система ценностей и норм будет противоречить господствующей системе ценностей и норм? Видимо, не случайно, Т. Парсонс, учитывая критику, в последние годы своей жизни стал изучать социальные изменения и социальную эволюцию. Тем не менее, основной недостаток структурного функционализма Т. Парсонса сохранился – понимание общества как равновесной системы, а социального контроля и социализации как

важнейших механизмов культурного обучения в целом.

У И. Бентама власть и контроль представлены в форме Паноптикона [16]. Система Бентама состоит из взаимосвязанных контекстов взаимодействия, а власть заключается в продуманной расстановке людей, которая приводит человека к выводу, что за ним постоянно наблюдают. При этом власть является анонимной, лишённой индивидуальности и недоступной для проверки. Существует дисбаланс власти: власть наблюдает за каждым человеком, однако человек не видит наблюдателя (надзирателя), но уверен, что наблюдение и контроль возможны. «В конечном счёте, идеальной целью тотального наблюдения является интериоризация надзирающего взгляда, так чтобы каждый стал наблюдать над самим собой против самого себя» [15, с. 106]. Отметим, что данная особенность паноптической модели будет впоследствии развита и усилена в социальной организации европейских обществ: не случайно М. Фуко говорит о паноптизме как об «общем принципе новой “политической анатомии”, объектом и целью которой являются не отношения верховной власти, а отношения дисциплины» [14, с. 305].

М. Фуко, рассматривая паноптикум И. Бентама, справедливо замечает: «Везде, где приходится иметь дело с множественностью индивидов, которым надо навязать определённое задание или конкретную форму поведения, может быть использована паноптическая схема» [14, с. 300]. Модель паноптикума может быть применима не только к устройству идеальной тюрьмы, но и к устройству социальной жизни в целом. Фуко характеризует паноптикум как «королевский зверинец, где зверь заменён человеком», как «жестокую, остроумно устроенную клетку», как «форму политической технологии» [14, с. 297–301]. Власть формализована, технологична, властные механизмы могут быть экстраполированы на все сферы общества и социальные институты. Многие авторы обращают внимание на то, что И. Бентам задал определённый вектор движению

власти, направленный на ужесточение контроля над поведением человека [11, с. 116].

М. Фуко предлагает своё понимание власти и властных отношений. Французский философ исходит из трёх типов власти: суверенной, дисциплинарной и биовласти. Рассматривая трансформацию власти от суверенной к дисциплинарной, М. Фуко утверждает, что власть, изначально имеющая своим источником суверена, короля, уже к XVIII в. становится бессубъектной. М. Фуко говорит о формировании дисциплинарного общества и дисциплинарной власти. Власть – это отношение, это пучок отношений, не имеющих одного центра. При этом М. Фуко связывает формирование дисциплинарной власти с развитием капитализма. Дисциплинарные практики применялись вначале в тюрьмах и исправительных домах, затем – в монастырях, больницах, военных учреждениях, и наконец, распространились на всё общество. Дисциплинарная власть контролирует пространство индивидов, время и качество его использования, минимизируя потенциальный беспорядок. Для М. Фуко «дисциплины – это техники, упорядочивающие существование человеческих обществ» [14, с. 319]. Дисциплинарные техники решают две задачи: увеличение послушности и полезности всех элементов социальной системы. Если старый принцип власти характеризовался как «взимание – насилие», современные дисциплинарные методы соответствуют принципу «мягкость – производство – прибыль» [14, с. 320].

Ещё одной особенностью дискурса власти М. Фуко является то, что власть тесно связана со знанием: «Формирование знания и увеличение власти постоянно укрепляют друг друга; ... последствия власти умножаются через формирование и накопление новых знаний» [14, с. 329]. Как итог, дисциплинарные практики должны знать об индивидах всё, в то время как сами дисциплины остаются обезличенными техническими изобретениями. Принципы, характеризующие отношение «власть – знание», включают представ-

ление об асимметрии этих отношений, о стремлении власти собрать как можно больше информации об индивидах с помощью дисциплинарных техник.

В рассмотренных нами двух подходах представлены разные схемы организации власти и социального контроля. У Т. Парсонса интеграция общества существует благодаря воспитанию, социализации и культурному обучению индивидов. У И. Бентама, напротив, мы видим отсутствие культурной интеграции, социального консенсуса, культурных норм. Власть изобретена, спланирована, технична, имеет инструментальный характер. М. Фуко, вводя понятие «дисциплинарная власть», обращает внимание на то, что власть не является персонифицированной. Власть – это определённые социальные отношения, социальные технологии, у власти нет одного центра, она осуществляется из разных точек и простирается по всему «телу» общества.

Отметим близость концептуального понимания власти И. Бентама и М. Фуко. У обоих мыслителей власть – это социальные практики и технологии, имеющие технократический инженерный характер. У обоих мыслителей власть носит обезличенный объективированный характер, основные функции власти – это дисциплина и контроль. Модели власти этих мыслителей могут быть охарактеризованы как интеллектуально-технологические конструкции. Идеи И. Бентама и М. Фуко, их понятийный аппарат могут быть использованы при объяснении особенностей социального контроля в цифровом обществе.

По мере развития общества дисциплинарные практики и техники меняются, социальный контроль становится тотальным, власть принимает всё более обезличенный характер, усиливается асимметрия «власти – знания». Эти тенденции получают дальнейшее развитие в современном обществе благодаря повсеместному распространению цифровых технологий. Как справедливо отметил испанский философ М. Кастельс, «влияние на умы, формиро-

вание сознания – более глубокая и устойчивая форма доминирования, нежели власть над телом посредством устрашения или насилия»¹. М. Кастельс подчёркивает два важных момента: во-первых, это изменение социальной структуры общества, включающей теперь не только государственные и символические источники власти, но и социальные сети. Во-вторых, реализация власти и социального контроля осуществляется с помощью сетевого взаимодействия на отдельную личность.

Большие данные и технологии социального контроля в цифровом обществе

Кто формирует смыслы и ценности, кто осуществляет социальный контроль в современном цифровом обществе? Если в паноптиконе контроль над заключёнными мог осуществляться одним охранником из центральной башни, то как возможен социальный контроль в цифровом обществе, где нет единого контролирующего и надзирающего центра? Если паноптикон основан на принуждении, использует централизованные учреждения (тюрьма, больница, армия), стремится к единообразию и единомыслию индивидов, то как организованы власть и надзор в современном индивидуализированном обществе, постулирующем свободу и разнообразные практики индивидов?

Проследим генеалогию форм контроля. С наступлением эпохи СМИ и развитием интернета паноптическая модель наблюдения и контроля трансформируется, меняется. На этот факт обратили внимание Т. Матисен, З. Бауман, Ж. Делёз [1; 17]. По мнению Ж. Делёза, на смену дисциплинарному обществу приходит общество контроля. Если в дисциплинарных обществах контроль исходил из одного центра, действовал через фиксирование и ограничение, то в современном обществе контроль становится непрерывным, гибким, исхо-

¹ Кастельс М. Власть коммуникации: учебное пособие / пер. с англ. Н. М. Тылевич. 3-е изд. М.: Высшая школа экономики, 2020. С. 9.

дит из разных центров [17]. Т. Матисен и З. Бауман подчёркивают усилившуюся роль СМИ и телевидения в организации современного социального контроля. В условиях развития телевидения возникает ситуация, когда большинство начинает наблюдать за меньшинством, «местные наблюдают за глобалистами. ... Глобалисты вызывают восхищение и вожделение одновременно – это власть, которая подаёт пример, а не приказывает» [1, с. 79].

Норвежский философ Т. Матисен для концептуализации данного явления предложил понятие «синоптикон». В синоптиконе объектами наблюдения становятся элита, высшие социальные слои, демонстрирующие свой образ жизни, который должен воздействовать на наблюдающее большинство. «Те немногие, что становятся объектом наблюдения, относятся к категории знаменитостей. О чём бы они ни говорили с экрана, они выражают идею тотального образа жизни. Их жизни» [1, с. 79]. Власть и социальный контроль в синоптиконе действуют методами обольщения, нежели принуждения, характерного для обществ Нового времени. Функции организации социального контроля перешли к средствам массовой информации, телевидению, с помощью которых устанавливались самодисциплина и самоконтроль.

С дальнейшим развитием цифровых технологий и появлением социальных сетей, цифровых платформ, использующих большие данные, социальный контроль приобретает новые черты. П. Торнберг и Ю. Уитермарк из Амстердама обосновывают понятие «социальный синоптикон», утверждая, что в современном обществе развивается социальный синоптикон цифровых платформ, в котором многие наблюдают за многими [19]. В социальном синоптиконе индивид одновременно становится и зрителем, и участником жизненных событий. Находясь в социальных сетях, индивид одновременно наблюдает за другими пользователями, одобряя или не одобряя их поведения с помощью лайков, постов, комментариев, а также выкладывает свою собственную информацию. С

помощью виртуального общения индивид социализируется и определяет свою социальную идентичность и значимость.

Цифровые платформы обладают возможностью сортировки информации, формирования поведения пользователей с целью получения прибыли их владельцами. Цифровые платформы как бы «подталкивают» пользователей к определённой модели поведения: это может быть сделана путём ограничения информации, предоставления некоторых вариантов выбора, путём создания различных форм баллов, рейтингов, кредитов. С прогрессом цифровых технологий технологическое формирование поведения и «подталкивание» пользователей к определённой модели поведения теперь может развиваться более изощёрными и неуловимыми способами, чем когда-либо прежде. Платформы социальных сетей превратились в инструмент формирования и социальной реализации идентичности [19].

В. И. Дудина, размышляя об изменении концепции наблюдения в социальных науках, полагает, что «подходящей метафорой для обозначения нового характера наблюдения в социальных науках могло бы стать понятие панспектрон (panspectron), предложенное М. Деланда. Задача панспектронного наблюдения состоит в том, чтобы осуществлять мониторинг и предсказание различных паттернов поведения на основании неструктурированных данных» [4, с. 24].

По нашему мнению, модель организации социального контроля в цифровом обществе можно обозначить понятием «цифровой паноптизм». С развитием цифровых технологий, цифрового общества контроль над пользователями усиливается и исходит не только со стороны СМИ, со стороны государственных органов, но и со стороны социальных сетей и крупных платформенных компаний. Платформы социальных сетей заменили средства массовой информации в качестве центра самодисциплины, с их помощью сейчас формируется и утверждается социальная идентичность. Социальный контроль с ис-

пользованием больших данных становится более гибким, динамичным, тотальным, пронизывающим всё общество.

В качестве примера государственного контроля и надзора можно назвать действующую с 2014 г. в Китае Программу создания системы социального кредита. С помощью системы баллов программа поощряет положительное лояльное поведение и наказывает отрицательные поступки граждан. В качестве другого примера контроля со стороны платформ можно взять деятельность таких компаний, как Google, Facebook¹, которые отслеживают сетевые запросы, потребительское поведение пользователей по цифровым следам и впоследствии формируют поведение, спрос, определённую систему ценностей индивидов. Более того, цифровые платформы устанавливают ограничения на то, как пользователь понимает мир и относится к миру. С одной стороны, платформенный капитализм предоставляет возможность взаимодействия разным социальным группам и пользователям, с другой стороны, платой за предоставляемую возможность является утрата конфиденциальной информации пользователей.

Беспрецедентную ситуацию тотального контроля и надзора в цифровом обществе описала профессор факультета права Гарвардского университета Ш. Зубофф, обозначив её концептом «надзорный капитализм» [7]. Он связан с большими данными, которые являются сырьём. Работа машинного интеллекта превращает сырьё в высокодоходные продукты фирмы – алгоритмы, предназначенные для прогнозирования поведения её пользователей [7, с. 89–90]. Как мы уже отмечали, асимметрия власти – знания усиливается: крупные компании и владельцы сайтов, государственные структуры обладают большим массивом неструктурированной информации об индивидах, в то время как последние плохо осведомлены о целях и ценностях данных институтов.

¹ Деятельность по реализации Facebook признана экстремистской и запрещена на территории России от 21.03.2022.

Таким образом, происходит трансформация властных отношений и социального контроля. В новоевропейском обществе функционировала дисциплинарная власть. Дисциплинарная власть требовала от человека послушания, дисциплины, единообразия, устраняла различия между людьми. Промышленные предприятия, тюрьмы, больницы, казённые учреждения – главные примеры дисциплинарных институтов Нового времени. Согласно Ш. Зубофф, в цифровом обществе развивается инструментарная власть. Инструментарная власть, напротив, равнодушна к различиям между людьми, нашим желаниям, смыслам и ценностям. «Инструментарная власть заботится только о том, чтобы всё, что мы делаем, было доступно для проводимых ею ... операций по оцифровке, вычислению, модификации, монетизации и контролю» [6, с. 470]. Если дисциплинарная власть старалась, чтобы никто не вырвался из охраняемого пространства, то инструментарная власть предлагает индивидам большую свободу в обмен на информацию.

Как итог, меняется способ, каким осуществляется социальное давление и контроль. Контроль осуществляется не только сверху вниз, от власти и социальных институтов, но и снизу вверх, более тонко, незаметно и гибко, как бы подталкивая миллионы пользователей к определённой модели поведения и создавая при этом иллюзию индивидуальной свободы и выбора. Пользователи зачастую сами предоставляют такую возможность контроля, размещая в интернете приватную информацию, которая может быть использована против них. Цифровые платформы стремятся к расширению сферы своего влияния, пытаются контролировать основные социальные институты.

Заключение

Таким образом, мы видим, что социальный контроль в современном обществе претерпел существенные изменения. Можно выделить следующие особенности

социального контроля с использованием больших данных и цифровых технологий:

- основой, фундаментом социального контроля являются большие данные и их аналитика;

- социальный контроль осуществляется как со стороны частных компаний, так и со стороны государства;

- социальный контроль становится более гибким и динамичным;

- социальный контроль осуществляется в условиях усиления асимметрии «власти – знания»;

- социальный контроль с помощью больших данных ведёт к эволюции власти от дисциплинарных форм к инструментарным формам;

- эволюция моделей социального контроля может быть представлена схемой: паноптикон – синоптикон – социальный синоптикон – цифровой паноптизм.

Сформулированные особенности организации социального контроля с помощью больших данных являются лишь первым шагом в осмыслении происходящих процессов. Подлежат дальнейшему исследованию природа больших данных, условия и контекст их производства, эпистемологические и методологические трансформации научных исследований с использованием big data. Предстоит дальнейшее изучение вопросов, связанных с устройством сложного социума, формированием социальной идентичности, организацией власти и социального контроля. Экономические и правовые особенности деятельности цифровых платформенных компаний также требуют критического изучения.

Статья поступила в редакцию 14.07.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. М. Л. Коробочкина. М.: Весь Мир, 2004. 188 с.
2. Большие данные: социальные и экономические эффекты / В. А. Малахов, Ю. Е. Хохлов, С. Б. Шапошник, М. А. Юревич // Информационное общество. 2021. № 4–5. С. 132–149.
3. Губа К. С. Большие данные в исследовании науки: новое исследовательское поле // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 24–33.
4. Дудина В. И. От Паноптикона к панспектрону: цифровые данные и трансформация режимов наблюдения // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 17–26.
5. Журавлева Е. Ю. Вызовы технологий «больших данных» для современных социогуманитарных наук // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 50–59.
6. Захаров Т. В. Правовые проблемы оборота больших данных в условиях цифровой экономики // Большие данные в социальных и гуманитарных науках: сборник обзоров и рефератов / отв. ред. Е. Г. Гребенщикова. М.: ИНИОН РАН, 2019. С. 116–128.
7. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. А. Ф. Васильева; под ред. Я. Охонько, А. Смирнова. М.: Институт Гайдара, 2020. 784 с.
8. Миронов В. В. Платон и современная пещера big-data // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 1. С. 4–24.
9. Платонова С. И. Большие данные: создание вызовов и возможностей в социальных науках // Мanuscript. 2020. Т. 13. № 4. С. 119–123.
10. Плотикина Н. В. Медийная мифология «социального» в современном обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. № 20 (2). С. 239–251.
11. Примаков Д. Д., Волков И. А. «Близ дверей грядущий паноптикум»? (социально-философский и технологический аспекты) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2019. № 5 (92). С. 115–120.
12. Срничек Н. Капитализм платформ / пер. с англ. М. Добряковой. М.: Высшая школа экономики, 2020. 128 с.
13. Тернер Дж. Структура социологической теории / пер. с англ.; под ред. Г. В. Осипова. М.: Прогресс, 1985. 471 с.
14. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.

15. Яркеев А. В. От тюрьмы к концлагерю: организация социального пространства в биополитическом обществе // Социодинамика. 2016. № 9. С. 103–108.
16. Bentham J. The Panopticon Writings. Broclyn; New York: Verso Trade, 1995. 168 p.
17. Deleuze G. Postscript on the Societies of Control // October. 1992. Vol. 59. P. 3–7.
18. Kitchin R. Big Data, New Epistemologies and Paradigm Shifts [Электронный ресурс] // Big Data & Society. 2014. Vol. 1 (1). URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2053951714528481> (дата обращения: 13.07. 2022).
19. Törnberg P., Uitermark J. Complex Control and the Governmentality of Digital Platforms [Электронный ресурс] // Frontiers Sustainable Cities. 2020. Vol. 2. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/frsc.2020.00006/full> (дата обращения: 13.07.2022).

REFERENCES

1. Bauman Z. Globalization: The Human Consequences (Rus. ed.: Korobochkin M. L., transl. *Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2004. 188 p.).
2. Malahov V. A., Hohlov Yu. E., Shaposhnik S. B., Yurevich M. A. [Big Data: Social and Economic Effects]. In: *Informacionnoe obshchestvo* [Information Society], 2021, no. 4–5, pp. 132–149.
3. Guba K. S. [Big Data in Science Research: A New Research Field]. In: *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2021, no. 6, pp. 24–33.
4. Dudina V. I. [From Panopticon to Panspectron: Digital Data and Transformation of Observation Modes]. In: *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociolinguistic Studies], 2018, no. 11, pp. 17–26.
5. Zhuravleva E. Yu. [Challenges of “Big Data” Technologies for Modern Socio-humanitarian Sciences]. In: *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 2018, no. 9, pp. 50–59.
6. Zaharov T. V. [Legal Problems of Big Data Turnover in the Digital Economy]. In: Grebenshchikova E. G., ed. *Bol'shie dannye v social'nyh i gumanitarnykh naukah* [Big Data in Social and Human Sciences]. Moscow, INION RAN Publ., 2019, pp. 116–128.
7. Zuboff Sh. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power (Rus. ed.: Vasil'ev A. F., transl. *Epoha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhah*. Moscow, Institute of Gajdar Publ., 2020. 784 p.).
8. Mironov V. V. [Plato and the Modern big-data cave]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology], 2019, vol. 35, iss. 1, pp. 4–24.
9. Platonova S. I. [Big Data: Creating Challenges and Opportunities in the Social Sciences]. In: *Manuskript* [Manuscript], 2020, vol. 13, no. 4, pp. 119–123.
10. Plotichkina N. V. [Media Mythology of the “Social” in Modern Society]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology], 2020, no. 20 (2), pp. 239–251.
11. Primak D. D., Volkov I. A. [Near the Doors of the Coming panopticon]? (Social-Philosophical and Technological Aspects)]. In: *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie* [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Cognition], 2019, no. 5 (92), pp. 115–120.
12. Srnicek N. Platform Capitalism (Rus. ed.: Dobryakova M., transl. *Kapitalizm platform*. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2020. 128 p.).
13. Turner J. Structure of Sociological Theory (Rus. ed.: Osipov G. V., transl. *Struktura sociologicheskoy teorii*. Moscow, Progress Publ., 1985. 471 p.).
14. Foucault M. Discipline and Punish (Rus. ed.: Naumov V., transl. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my*. Moscow, Ad Marginem Publ., 1999. 480 p.).
15. Yarkeev A. V. [From Prison to Concentration Camp: Organization of Social Space in a Biopolitical Society]. In: *Sociodinamika* [Sociodynamics], 2016, no. 9, pp. 103–108.
16. Bentham J. The Panopticon Writings. Broclyn, New York, Verso Trade, 1995. 168 p.
17. Deleuze G. Postscript on the Societies of Control. In: *October*, 1992, vol. 59, pp. 3–7.
18. Kitchin R. Big Data, New Epistemologies and Paradigm Shifts. In: *Big Data & Society*, 2014, vol. 1 (1). Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2053951714528481> (accessed: 13.07.2022).
19. Törnberg P., Uitermark J. Complex Control and the Governmentality of Digital Platforms. In: *Frontiers Sustainable Cities*, 2020, vol. 2. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/frsc.2020.00006/full> (accessed: 13.07.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Платонова Светлана Ипатовна – доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Удмуртского государственного аграрного университета;
e-mail: platon-s@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana I. Platonova – Doctor Sci. (Philosophy), Prof., Department of Social and Humanitarian disciplines, Udmurt State Agriculural University;
e-mail: platon-s@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Платонова С. И. Большие данные и организация социального контроля в цифровом обществе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 4. С. 81–91.
DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-81-91

FOR CITATION

Platonova S. I. Big Data and the Organization of Social Control in the Digital Society. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2022, no. 4, pp. 81–91.
DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-81-91

УДК 141+27-74

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-92-100

ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА С ПОЗИЦИЙ ПРАВОСЛАВИЯ КАК НАУКИ

Троепольский А. Н.*Балтийский федеральный университет имени И. Канта**236016, г. Калининград, ул. Александра Невского, д. 14, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Изложение научно обоснованного пути достижения вечного мира и описание норм морально-нравственного поведения православного верующего на этом пути.

Процедуры и методы. Обоснована адекватность православия в статусе науки в широком смысле в качестве оптимального мировоззрения для решения проблем войны и мира. Дан анализ кантовской концепции вечного мира, описана её недостаточная эффективность из-за отсутствия в ней программы самосовершенствования человека в направлении снижения его агрессивности, описана невозможность реализации этой программы в рамках кантовской пантеистической трактовки природы человека атеистической направленности и показана возможность её реализации в православии как науке через борьбу человека с чувством гордыни. При конституировании православия как науки в широком смысле применён метод чёткого различия фактологического базиса: Библии с её книгами Ветхого и Нового Завета и гипотезы о тенденции развития чувства гордыни человека, приводящей человечество от состояния мира к состоянию войны.

Теоретическая и/или практическая значимость. Создана полная концепция вечного мира и предложены нормы морально-нравственного поведения православного верующего в условиях недостаточного смягчения нравов современного человечества. Даны некоторые толкования замыслов и промыслов Бога на примере истории России XX столетия.

Ключевые слова: богоугодное дело, гордыня, кантовская концепция вечного мира, нацизм, не-богоугодное дело, неонацизм, непротиворечивость максим Ветхого и Нового Завета, православие, расизм

PROBLEMS OF WAR AND PEACE FROM THE POSITION OF ORTHODOXY AS A SCIENCE

A. Troepolsky*Immanuel Kant Baltic Federal University**ul. Alexandra Nevskogo 14, Kaliningrad 14236016, Russian Federation*

Abstract

Aim. A presentation of a scientifically based path to achieving eternal peace and a description of the norms of the moral behavior of an Orthodox believer on this path.

Methodology. The adequacy of Orthodoxy in the status of science in a broad sense as an optimal world-view for solving the problems of war and peace is substantiated. An analysis of the Kantian concept of eternal peace is given, its insufficient effectiveness is described due to the lack of a program for self-improvement of a person in the direction of reducing his aggressiveness, the impossibility of implementing this program within the framework of the Kantian pantheistic interpretation of the nature of a person of an atheistic orientation is described, and the possibility of its implementation in Orthodoxy as a science through man's struggle with the sense of pride. When constituting Orthodoxy as a science in a broad sense, the method of clearly distinguishing the factual basis was applied: the Bible with its books of the Old and New Testaments and the hypothesis about the tendency for the development of the sense of human pride, leading humanity from the state of peace to the state of war.

Research implications. A complete concept of eternal peace has been created and the norms of the Orthodox believer's moral behavior in the conditions of insufficient mitigation of the mores of modern mankind are proposed. Some interpretations of God's plans and intentions are given on the example of the history of Russia in the 20th century.

Keywords: pious deed, pride, Kantian concept of eternal peace, Nazism, displeasing deed, neo-Nazism, consistency of maxims of the Old and New Testaments, Orthodoxy, racism

Введение

В статье «Социальные угрозы и границы науки» [4] мы показали, что законы естествознания, математики, светской и религиозной метафизики удовлетворяют кантовским критериям научности и что все они, за исключением законов логики, имеют статус вероятностных утверждений. Это позволило нам конституировать науку в широком смысле, состоящую из перечисленных дисциплин, и открыло возможность конституирования православия в статус науки в широком смысле. Мы считаем задачу конституирования православия в статус науки наиболее актуальной для современного человечества, т. к. православие как ортодоксальное учение о едином Боге меньше подверглось смысловым деформациям, чем другие христианские конфессии (католицизм, протестантизм), которые оформились уже позже под влиянием жизненного опыта, накопленного человечеством. Более конкретно это значит, что Православие есть христианская церковь, «которая сохранила неповреждённой истину, открытую апостолам Иисусом Христом» и «берёт своё начало с самого момента Воскресения Спасителя, не изменяя вероучения апостолов»¹. В свете сказанного следует считать, что православие в статусе науки в широком смысле позволит существенно приблизиться к адекватному пониманию замыслов и промыслов Бога относительно жизнедеятельности всего человечества. Таким образом оно будет репрезентировать наиболее адекватную для человеческого познания религиозную метафизику, позволяющую правильно ре-

шать практические проблемы, встающие перед людьми.

При конституировании православия в статус науки в широком смысле мы опираемся на Библию, состоящую из книг Ветхого и Нового Завета, и рассматриваем её как фактологический базис фрагмента глубинной истории мира и человечества². На этом базисе изначально верифицировалась гипотеза о гордыне как первородном свойстве людей, приводящем в своём развитии к наиболее острым проблемам, встающим перед человечеством. К числу таких проблем относятся проблемы войны и мира. Опишем эти проблемы и варианты их решения с позиций православия как науки на материалах Новой и Новейшей истории.

Проблема достижения вечного мира

Бесспорно, что достижение вечного мира – одна из самых приоритетных целей, достижение которой обеспечит человечеству успешную жизнедеятельность на всю перспективу его физического существования. Достижение этой цели постоянно волнует самые глубокие умы человечества. Важной вехой на этом пути является кантовская концепция вечного мира в русле светского мировоззрения, изложенная им в трактате «К вечному миру». Согласно Канту, люди в своём историческом развитии, не изменяя

¹ Христианство и Православие: есть ли разница // Pravoslavium.ru: [сайт]. URL: <https://pravoslavium.ru/xristianstvo-i-pravoslavie-est-li-raznica> (дата обращения: 31.08.2022).

² В православии как науке мы предлагаем различать историю на уровне категорий сущности и явления. История на уровне сущности (глубинная история) – это история замыслов и промыслов Бога относительно мира и людей. История на уровне явления (феноменологическая история) – это история жизни людей с позиций светского мировоззрения. Каждый исторический факт можно анализировать с позиций глубинной и феноменологической истории. В современной классификации наук история как наука представлена феноменологической историей.

своей несовершенной природы, а исключительно используя внешние взаимодействия друг с другом, должны пойти по пути республиканского устройства государств, совершенствования международного права и завершения его разработки договором о вечном мире, гарантию исполнения которого обеспечит пантеистически понимаемая природа. В связи с этим Кант пишет, что «эту гарантию дает великая в своём искусстве природа (*natura daedala rerum*), в механическом процессе которой с очевидностью обнаруживается целесообразность, состоящая в том, чтобы осуществить согласие людей через разногласие даже против их воли» [1, с. 279].

С момента выхода в свет трактата Канта прошло уже около 227 лет. За это время человечество в значительной степени по лекалам кантовской концепции вечного мира существенно усовершенствовало республиканское устройство государств и международное право, создало Организацию Объединённых Наций (ООН) как реальное воплощение в жизнь народов и государств договора о вечном мире. Однако сегодня имеются все основания сказать, что история подтверждает недостаточную эффективность кантовской концепции вечного мира. Оказалось, что ООН не в состоянии остановить региональные войны и военные конфликты между народами и государствами, а долгому миру после Второй мировой войны человечество обязано не столько системе сдержек и противовесов правовой системы ООН, сколько изобретению оружия сдерживания: ядерной, термоядерной и водородной бомбы, применение которых грозит полным уничтожением высокоорганизованной жизни на Земле.

Описанные факты говорят о невозможности достижения вечного мира на Земле без процесса самосовершенствования самого человека в направлении снижения его агрессивности. Именно в силу агрессивной природы человека главы государств в ответственные моменты принятия исторических решений игнорируют миролюбивые рекомендации ООН и используют войну

как эффективное средство достижения национальных интересов. Однако в рамках кантовской пантеистической картины природы атеистической направленности процесс самосовершенствования человека в направлении снижения его агрессивности невозможен, потому что сам человек не может изменить свою телесную природу. Поэтому Кант не предлагает методики самосовершенствования человека и видит установление вечного мира между людьми только на пути совершенствования внешних отношений между ними.

Проведённый анализ показывает, что для установления вечного мира на Земле человечество должно жить в режиме реализации программы: совершенствование международного права + самосовершенствование человека.

Рассмотрим вопрос, как возможно самосовершенствование человека по линии снижения уровня его агрессивности.

Для решения данного вопроса нужно перейти на уровень психологического анализа самосознания человека и найти в нём психологическую первопричину состояния его агрессивности¹. Очевидно, что в кантовской парадигме картины природы с *атеистическим* вектором, эта первопричина остаётся неуловимой. Как гласит народная мудрость: нет Бога – война у порога. Поэтому для обнаружения психологической первопричины состояния агрессивности человека необходимо перейти на *теистическую* картину мира, чтобы борьба с гордыней стала образом жизни человека.

Именно такую картину мира открывает людям православие как наука в широком смысле. В этой научной теории мы рассматриваем высокую степень состояния агрессивности человека в качестве предельного значения функции роста чувства гордыни

¹ Следует различать физиологическую и психологическую первопричины агрессивности. Физиологическая причина агрессивности устраняется или ослабляется в основном внешним медикаментозным способом, а психологическая первопричина устраняется или ослабляется исключительно в результате перманентной рефлексии человека над собой на протяжении всей его жизни.

в результате действия сил дьявола при пассивности человека.

Как известно, чувство гордыни рассматривается в православии как тяжкий грех. Но, т. к. человек наделён Господом свободой воли, он может отказаться от поступков, диктуемых ему чувством гордыни. В итоге в процессе своей личной жизни он, будучи глубоко верующим человеком, имеет возможность постепенно изменить свою ментальность в сторону погашения или смягчения состояния агрессивности.

Важно отметить, что православие в статусе науки, в отличие от кантовской пантетической концепции природы атеистической направленности, обладает психотерапевтическим эффектом. Ведь очевидно, что информация от Канта о том, что природа обнаруживает целесообразность осуществления согласия людей на вечный мир через разногласие и даже против их воли, не снизит индивидуальной агрессивности человека, в то время как православный призыв – побори гордыню – действует адресно на каждого православного верующего и позволяет ему нравственно самосовершенствоваться по линии смягчения нравов. Становится также ясным, что в случае доминирования православия как науки в мировоззрении критической массы народонаселения нашей планеты появятся все основания установить вечный мир на Земле. Понадобится исторически небольшое время, чтобы обеспечить указанное доминирование. Для этого необходимо ввести учебные курсы «Православие как наука» во все средние и высшие учебные заведения, а также, используя современные СМИ и интернет, излагать эту тему перед более широкой аудиторией.

Однако следует иметь в виду, что вечный мир, установленный миролюбивой элитой планеты, не будет беспроблемным. Согласно ветхозаветной истории Вавилонского столпотворения, стремление людей занять место Бога посредством построения башни, ведущей в небо, стало неугодным Богу, и Он произвёл смешение языков и разделил людей на отдельные народы и дал каждому народу отдельную

задачу и цель в жизни»¹. Из этого следует, что в современной жизнедеятельности человечества недостижимо событие построения однополярного мира с единым правительством для всех народов Земли и неотвратимо событие построения многополярного полицентрического мира с укреплением национальных государств, которые станут суверенными политическими центрами. Эти государства будут находиться в состоянии конкуренции друг с другом, однако в результате смягчения ментальности народов, населяющих их, все спорные вопросы между ними будут решаться их главами посредством диалога и компромисса, и человечество устойчиво продолжит свою жизнедеятельность в режиме вечного мира. Гарантом данного режима жизнедеятельности человечества станет исчезновение или ослабление у критической массы населения Земли чувства гордыни.

Гордыня как движущая сила войны

Согласно Канту, война есть естественное состояние между людьми, живущими по соседству [1, с. 266]. Покажем, как возникает это состояние, с позиций православия как науки в широком смысле. Для этого охарактеризуем чувство гордыни. Согласно христианскому вероучению человек греховен от рождения и одним из его природных грехов является чувство гордыни. Это сложное чувство, которое интегрирует в себе более простые чувства, такие как высокомерие, надменность, завышенная самооценка, чувство превосходства над другими, стремление к славе и подчинению других людей.

Кристаллизацию этих чувств в человеке можно рассматривать как следствие нарушения человеком второй заповеди закона Божия: «не сотвори себе кумира» – под воздействием сил дьявола. Протоиерей Серафим Слободской отмечает, что гордый и тщеславный человек чрезмерно вы-

¹ Закон Божий / сост. прот. С. Слободской. 4 изд. М.; Нижний Новгород: Риза: Христианская библиотека, 2007. 648 с.

сокого мнения о своих достоинствах, он чтит только самого себя, свои понятия и желания он считает выше верховной воли самого Бога, он с презрением и насмешкой относится к мнению и советам других людей и не откажется от своих взглядов, как бы ни были они ложны¹. Чувство гордыни рассматривается в православии как базовый грех, порождающий другие грехи. Нужно отличать чувство гордыни от чувства гордости и чувства собственного достоинства. Гордость есть восхищение другими или другим. Гордиться можно друзьями, Родиной и т. д., но гордиться собой есть моветон. Однако человек может испытывать чувство собственного достоинства, что есть комилфо, и это чувство есть уважение к себе за то, что ты сам в своём поведении преодолел искушение греха и поступил по закону Божию. В пределе в своём историческом развитии гордыня имеет тенденцию оформляться в кончененавистническую идеологию, кульминацией которой выступают расизм, нацизм и неонацизм. С исторической точки зрения расизм, нацизм и неонацизм могут рассматриваться как гипертрофированные гордыни.

Между гордыней, расизмом, нацизмом и неонацизмом существует диалектическая связь. На уровне онтогенеза гордыня исчезает в связи со смертью её носителя, но в многовековом процессе развития человеческого рода, т. е. в процессе филогенеза, она сохраняется у людей, исповедующих языческое и светское (атеистическое) мировоззрение, и в эпоху Нового времени прорастает в общественном сознании некоторых политических элит в виде идеологии расизма, нацизма и неонацизма и становится движущей силой войны. В силу этого гордыню следует считать тяжким грехом. Православие настойчиво призывает свою паству каждый день бороться с этим грехом.

Диалектика императива «не убий»

Выше мы установили, что гордыня порождает зло. Встаёт вопрос: как людям бороться со злом? Эта борьба может осуществляться как ответом злом на зло по ветхозаветному закону «Око за око, зуб за зуб» (Левит. 24: 20), так и ответом добром на зло по новозаветному призыву Иисуса Христа: «А Я говорю вам не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую» (МФ. 5: 38–39). При этом Христос говорит людям: «Не думайте, что я пришёл нарушить закон или пророков: не нарушать пришёл Я, но исполнить» (МФ. 5: 17–18). Тем самым, на наш взгляд, Господь говорит о совместимости в реальной жизни людей ветхозаветных и новозаветных принципов морали. Всё зависит от степени развития чувства гордыни как у отдельных людей, так и у отдельных народов. Пока чувство гордыни не достигло апогея, т. е. желания убить другого человека по соображениям ненависти на уровне индивидов, и по соображениям идеологии расизма, нацизма или неонацизма на уровне руководства отдельных государств, православие как наука призывает людей реализовать практику смягчения нравов, не допускающую событие убийства. На этом этапе состояния отношений между людьми православие как наука требует обязательного исполнения христианской максимы «не убий».

Когда же чувство гордыни достигает своего апогея, максима «не убий» теряет свою обязательность по отношению к отдельным людям и сообществам людей, совершающим акты убийства. В этих ситуациях православие как наука рассматривает акты уничтожения лиц с предельно развитым чувством гордыни богоугодным делом, о чём свидетельствует ветхозаветная история человечества. В этой связи достаточно упомянуть события Всемирного потопа и события в Содоме и Гоморре как акты масштабного уничтожения Богом нечестивых людей с предельно развитым чувством гордыни. Ветхозаветная история также богата примерами, когда нечестивые

¹ Закон Божий / сост. прот. С. Слободской. 4 изд. М.; Нижний Новгород: Риза: Христианская библиотека, 2007. С. 486.

люди с предельно развитой гордыней убиваются праведниками по благословлению Божию, т. е. убиваются другими людьми.

Приведённые библейские факты позволяют констатировать отсутствие формально-логического противоречия между нарративом Ветхого Завета «око за око, зуб за зуб» и нарративом Нового Завета в словах Иисуса Христа: «А я говорю вам не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую». В этих тезисах нет противоречия, потому что они посланы Богом людям в разное время их исторического развития [3, с. 7–13]. Это обстоятельство подскazuje необходимость различения в православии как науке *богоугодных* и *небогоугодных* дел в поведении людей в качестве общего критерия оценки их морально-нравственного поведения в самых острых жизненных ситуациях.

Очевидно, что самым острым событием в жизни людей является событие убийства одних людей другими людьми в мирной, либо военной ситуации, в эпоху, когда человечество ещё существенно не ослабило чувства гордыни и, следовательно, не достигло желаемого смягчения нравов на пути к вечному миру. Хотя нужно признать, что в настоящее время под многовековым воздействием новозаветного призыва Иисуса Христа «не противься злому...» всё же произошло смягчение нравов человечества, отразившееся в юридическом законодательстве. Так, в некоторых современных цивилизованных странах к убийце не применяют зеркально правовой меры, основанной на моральном принципе «око за око», «зуб за зуб» (тебя лишают жизни за то, что ты лишил жизни другого (других), а оставляют ему жизнь, осуждая его на пожизненное тюремное заключение. Далее, хотя война ещё по-прежнему является средством решения спорных вопросов между государствами, современное международное право в настоящее время сохраняет жизнь военнослужащих, принимавших участие в боевых действиях, но попавших в плен¹.

¹ См.: Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными // Организация

Встаёт вопрос: как должен вести себя православный верующий, мобилизованный на войну, с позиций православия как науки? Ответ зависит от того, будет ли являться его участие в войне богоугодным или небогоугодным делом.

Здесь возможны следующие случаи.

Одна из противоборствующих сторон (государство или союз государств) стоит на позициях расизма, нацизма или неонацизма. Это значит, что руководители этих государств находятся в предельно высокой стадии гордыни, совершают тяжкий грех и творят небогоугодное дело. Поэтому по отношению к ним оправданно поступать по ветхозаветному принципу «око за око», «зуб за зуб», т. е. ответить злом на зло во имя искоренения зла. Понятно, что в этой ситуации государство или союз государств, использующих человеконенавистническую идеологию, принуждает православного верующего совершать небогоугодное дело, и он имеет моральное право избегать мобилизации или сдаться в плен. Если же православный верующий входит в армию государств, которые воюют с государствами, исповедующими человеконенавистническую идеологию, он не должен уклоняться от мобилизации и его участие в войне является богоугодным и морально оправданным делом. Проведённый анализ показывает, что концепция непротивления злу насилием в любых жизненных ситуациях, разработанная Л. Н. Толстым, является ошибочной [2].

Мы рассмотрели варианты морально-нравственного поведения православного верующего в ситуации войны с государствами, исповедующими расизм, нацизм и неонацизм. Однако в жизнедеятельности человечества имеет место практика, когда государства вступают в отношение войны исключительно по материальным соображениям: расширить ресурсную базу природопользования для создания более благоприятных условий жизни. В данной ситуации православный верующий дол-

Объединённых Наций: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_1.shtml (дата обращения: 31.08.2022).

жен исходить из понимания, является ли участие страны его проживания в войне экзистенциальным событием. Если да, его добровольное участие в этой войне должно рассматриваться как морально-нравственное поведение несмотря на то, что оно мотивируется ветхозаветной максимой "око за око", "зуб за зуб" (ответить злом на зло). Ведь в данной ситуации участие православного верующего в войне является богоугодным делом, так оно препятствует окончательной победе зла: уничтожению суверенного государства.

Если же в такой войне православный верующий мобилизуется на войну по закону о всеобщей воинской обязанности, он должен подчиниться этому закону, однако с него снимается морально-нравственная ответственность за участие в войне и эта ответственность возлагается на глав государств, объявивших войну.

Мы не будем специально рассматривать ситуации убийства одних людей другими (заказные убийства, теракты, акты мести) вне войны, так как в этих случаях нетрудно установить лиц с богоугодным и небогоугодным поведением. К сожалению, в настоящее время мы, люди, все ещё живём в эпоху высокоразвитого чувства гордыни, закреплённого в общественном сознании, и понятно, что, ограничивая сферу зла исключительно применением встречного зла, человечество никогда не достигнет вечного мира. Именно поэтому, на наш взгляд, Господь две тысячи с лишним лет назад послал нам, людям, морально-нравственный императив: не противься злему, но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую. Понятно, что в этом наставлении Господа метафорически сформулирован императив сопротивления злу добром. Опишем более конкретно сферу применения этого императива и механизм его работы. Все люди могут находиться друг с другом либо в речевом (вербальном) контакте, либо в контакте действий, поступков. Выше мы отметили крайне агрессивные действия между людьми (различного рода убийства) вне войны, и понятно, что в этих ситуациях богоугод-

ным делом являются действия лиц, мотивируемых ветхозаветным императивом останавливать зло встречным злом.

Однако если действие между людьми ещё не достигло крайне агрессивного состояния (покушение на убийство, убийство), то православное лицо, испытывающее на себе агрессивные действия другого лица, обязано с позиций православия стремиться остановить агрессивные действия своего визави доброжелательными встречными поступками, чтобы пробудить в нём совесть и остановить акты его агрессии.

Сходным образом должен поступить православный верующий и в случае агрессивного по отношению к нему речевого (вербального) контакта с его визави, чтобы пробудить в нём совесть и чувство раскаяния. Это означает, что православный верующий не должен отвечать на оскорбительные и унижительные слова своего визави такими же словами, а должен продолжить общение с ним в стиле коминфо. Таким образом, в рассмотренных случаях и доброжелательные поступки, и доброжелательный тон беседы с агрессивным визави будет соответствовать Божественному императиву подставить другую щеку агрессивному визави и не противиться злему. Если же данные миролюбивые шаги православного верующего не остановят агрессивных действий его визави, то в духе непротивления злему православные верующий может сделать последний шаг: выйти из общения с агрессивным по отношению к нему лицом и тем самым ещё раз побудить агрессора к раскаянию.

Именно на этом пути достижимо смягчение нравов людей и реализация жизнедеятельности человечества в режиме вечного мира. Конечный вывод: в практической жизни человечества являются богоугодными, морально-нравственными поступки православных верующих как на основе сопротивления злу насилием, так и на основе блокирования зла доброжелательными поступками. Всё определяется степенью развития чувства гордыни у агрессивной стороны.

Заключение

Изложенная концепция приоткрывает некоторые объективные моменты замысла и промысла Божия по отношению к людям. Во-первых, Господь наделил познающего человека способностью рассматривать в качестве объекта познания само отношение Бога к человеку. И на этом пути человеку дозволено знать, что в настоящее время в связи с достаточно высоким уровнем интеллектуального развития человека Господь не пользуется возможностью приостановления действия законов природы в случае их угрозы жизни человека, как это имело место в ветхозаветные времена. Видимо, это объясняется тем, что в случае демонстрации такого чуда современный человек в страхе перед всемогуществом Господа откажется от самоопределения своего поведения, так как данное чудо парализует свободу его воли.

Именно поэтому Господь положил так, чтобы человек имел о Нём информацию не в статусе знания, а в статусе веры.

Поэтому в арсенале своего промысла относительно (не)сохранения земной жизни отдельного человека в условиях мирного времени Господь использует стечение обстоятельств, именуемое людьми случайностью.

Интересные и важные нюансы в замыслах и промыслах Господа относительно выживания отдельных народов и государств открывает история России в XX столетии нашей эры. Общеизвестно богословское высказывание: всякая власть от Бога. На этой основе некоторые православные религиозные мыслители Русского мира оправдывали сотрудничество отечественной православной церкви с атеистической коммунистической властью в СССР.

Встаёт вопрос: почему Господь допустил в СССР существование власти, направленной

против Бога? История даёт на это следующий ответ. В условиях предстоящего нападения на СССР нацистской Германии, необходимо было консолидировать и максимально мобилизовать население СССР на успешную богоугодную войну против людей, одержимых чувством предельно развитой гордыни. Для этого Господь временно оставил русскому государствуобразующему народу идею, что он, освободившись от веры в Бога, глубоко поверит в свои силы построить общество счастливых людей на Земле. И действительно, на первом этапе строительства социализма в СССР атеистически настроенное в своём большинстве население достигает беспрецедентных успехов в развитии промышленности и транспорта, образования и науки, что помогло в дальнейшем СССР и его союзникам победить нацистскую Германию. Это показывает, что для Господа является приоритетной борьба народов и государств против внешнего порабощения, диктуемого гипертрофированной гордыней, а вопрос об устройении атеистического или теистического режима внутри страны является вторичным и мирно решаемым, что и подтвердила история России после 1985 г., когда в России – светском государстве – стали массово открываться православные храмы и в 2020 г. в Конституцию РФ, которая стала правопреемницей СССР, была внесена поправка о Боге. Мы считаем, что проведённое исследование открывает возможность обоснования правомерности и успеха Специальной военной операции Российской Федерации на Украине с позиций глубинной истории.

Статья поступила в редакцию 01.10.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кант И. К вечному миру // Кант И. Сборник сочинений: в 6 т. Т. 6 / под общ. ред. В. Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1966. С. 257–310.
2. Толстой Л. Н. В чём моя вера? // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 23: Произведения 1879–1884. М.: Художественная литература, 1957. С. 304–465.
3. Троепольский А. Н. История противостояния формальной и диалектической логики в отечественной философии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 6. С. 7–13.

4. Троепольский А. Н. Социальные угрозы и границы науки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 119–136.

REFERENCES

1. Kant I. Zum ewigen Frieden (Rus. ed.: Asmus V. F., ed. *K vechnomu miru*. In: Kant I. *Sbornik sochinenii*. T. 6. [Collection of Works. Vol. 6]. Moscow, Mysl' Publ., 1966, pp. 257–310).
2. Tolstoi L. N. [What is My Faith?]. In: Tolstoi L. N. *Polnoe sobranie sochinenij*. T. 23: *Proizvedeniya 1879–1884* [Full Collection of Works. Vol. 23. Texts of 1879–1884]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1957, pp. 304–465.
3. Troepolsky A. N. [The History of the Confrontation between Formal and Dialectical Logic in Russian Philosophy]. In: *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant], 2013, no. 6, pp. 7–13.
4. Troepolsky A. N. [Social Threats and Boundaries of Science]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophical Sciences], 2020, no. 3, pp. 119–136.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Троепольский Аркадий Николаевич – доктор философских наук, профессор, профессор-консультант образовательно-научного кластера «Институт образования и гуманитарных наук» Балтийского федерального университета им. И. Канта;
e-mail: troepark@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arkady N. Troepolsky – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Professor-Consultant, Educational and Scientific Cluster “Institute of Education and Humanities”, Baltic Federal University named after I. Kant;
e-mail: troepark@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Троепольский А. Н. Проблемы войны и мира с позиций православия как науки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 4. С. 92–100.
DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-92-100

FOR CITATION

Troepolsky A. N. Problems of War and Peace from the Position of Orthodoxy as a Science. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2022, no. 4, pp. 92–100.
DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-92-100

РЕЦЕНЗИИ

НОВАЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ МОНОГРАФИЯ ПО ФИЛОСОФИИ НАУКИ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЛЕБЕДЕВ С. А. ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ. М.: АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ, 2021. 626 С.

Ивлев В. Ю., Оселедчик М. Б.

*Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана
105005, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5, стр. 1, Российская Федерация*

A NEW FUNDAMENTAL MONOGRAPH ON THE PHILOSOPHY OF SCIENCE. BOOK REVIEW: LEBEDEV S. A. PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE. MOSCOW, AKADEMICHESKIY PROEKT PUBL., 2021. 626 P.

V. Ivlev, M. Oseledchik

*Bauman Moscow State Technical University
ul. 2nd Baymanskaya 5 bld. 1, Moscow 105005 Russian Federation*

В монографии «Философия и методология науки» автор подводит итог своих многолетних исследований в этой области знания, детально развивает своё видение науки и её структуры, описывает предмет, структуру и содержание современной философии науки, развивает новую концепцию методологии научного познания. В результате получилась новаторская, целостная, внутренне исключительно логичная книга, последовательно, с высокой степенью целесообразности связывающая между собой все основные разделы философии и методологии науки.

Несмотря на то, что сегодня как в мировой, так и в отечественной литературе выходит очень большое число публикаций в области философии и методологии науки, С. А. Лебедев как мыслитель стоит особняком и ярко выделяется на общем фоне других исследователей своей нестандартностью и оригинальностью предлагаемых идей. Не менее важной особенностью его работ является энциклопедичность, стремление видеть и анализировать любую философскую проблему науки в общем контексте философии науки как особой междисциплинарной области знания, как органического единства философского и конкретно-научного знания. Основа такого широкого видения проблематики философии науки была заложена автором в 2008 г. в его книге «Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории)¹». Это была первая отечественная энциклопедия по философии науки. Она сразу же стала востребованной, а в настоящее время является уже классической в этой области знания. И это вполне закономерно, ибо именно в данной книге был чётко сформулирован сам язык философии науки и задано определение значения и смысла всех её основных понятий. В настоящее время С. А. Лебедев является одним из самых известных учёных в области философии и методологии науки. Его перу принадлежат сотни статей, а также десятки монографий и учебников. Среди монографий это такие широко известные

¹ Лебедев С. А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). М.: Академический проект, 2008. 692 с.

книги, как «Методологическая культура учёного»¹, «Научная деятельность: основные понятия»², «Научный метод: история и теория»³, «Современная философия науки»⁴, «Уровневая методология науки»⁵, «Философия и методология науки»⁶, «Философия науки: позитивно-диалектическая концепция»⁷ и др.

Монография С. А. Лебедева «Философия и методология науки» – это новаторская книга во многих отношениях, причём не только в современной отечественной, но и в мировой философской литературе. Среди главных теоретических достижений автора необходимо отметить разработку им следующих концепций в области философии и методологии науки. Во-первых, это новая, позитивно-диалектическая концепция философии науки как рациональной философской реконструкции реальной науки и её истории. Во-вторых, это четырёхуровневая модель структуры научного знания, согласно которой в любой области науки и научной дисциплине существует четыре качественно различных по содержанию уровня научного знания: чувственный, эмпирический, теоретический и метатеоретический. В-третьих, им разработана новая уровневая концепция методологии науки, согласно которой каждый из уровней научного знания имеет свой особый кластер методов конструирования и обоснования знания. В-четвёртых, им сформулирована концепция плюрализма научных истин и различных критериев их истинности. В-пятых, показан конструктивный характер, а также консенсуальность научного знания во всех

областях науки и на всех уровнях научного знания. В-шестых, им разработана новая концепция методологической культуры учёного.

Краткое изложение и оценка основных идей монографии

Первый раздел монографии – «Предмет и структура философии и методологии науки». Он включает в себя шесть глав: «Философия и наука: проблема взаимосвязи», «Предмет и структура современной философии науки», «Современная методология научного познания и её структура», «Сущность современной науки и её методологические тренды», «Научный метод: единство и многообразие», «Проблема объекта и субъекта научного познания».

Согласно автору, предметом современной философии науки является не то, какой должна быть идеальная наука, а то, какой она является реально в своих главных измерениях: познавательном, практическом, социальном, культурном и антропологическом. Как известно, долгое время, вплоть до XX в. философия науки была, по существу, имманентной частью философии, входя в неё в качестве одного из её разделов – эпистемологии. Сегодня статус современной философии науки радикально изменился. Она стала уже не чисто философской дисциплиной, а междисциплинарной областью знания, объединяющей ресурсы философского и конкретно-научного знания при описании не только объективной реальности, но и самой науки, её структуры, динамики, методов и функций.

Оригинальной является идея С. А. Лебедева, что структура философии науки в целом аналогична структуре самой философии. В ней также выделяются онтология науки, теория научного познания, социология, культурология, праксиология, аксиология и антропология науки.

Одним из принципиальных отличий современной науки от прежней является то, что познавательная деятельность в ней носит ярко выраженный социальный, коллективный характер. Это было зако-

¹ Лебедев С. А. Методологическая культура учёного: в 2 т. М.: Проспект, 2021.

² Лебедев С. А. Научная деятельность: основные понятия. М.: Проспект, 2021. 136 с.

³ Лебедев С. А. Научный метод: история и теория. М.: Проспект, 2018. 448 с.

⁴ Лебедев С. А. Современная философия науки. М.: Проспект, 2022.

⁵ Лебедев С. А. Уровневая методология науки. М.: Проспект, 2020. 208 с.

⁶ Лебедев С. А. Философия и методология науки. М.: Академический проект, 2021. 626 с.

⁷ Лебедев С. А. Философия науки: позитивно-диалектическая концепция. М.: Проспект, 2021. 448 с.

номерным следствием резкого изменения понимания функций науки в обществе. Данный процесс начался в последней четверти XIX в., когда вместо средства познания объективной реальности наука стала считать своей главной функцией другую – развитие техники и технологий и преобразование на этой основе объективной реальности в интересах общества. В соответствии с новым пониманием роли науки в обществе резко увеличилось не только ассигнование на научные исследования во всех развитых странах, но и численность учёных во всём мире. Эти процессы сопровождались, с одной стороны, существенным разделением труда в науке, чтобы сделать его более эффективным, а с другой, тесной кооперацией учёных при решении ими познавательных, но особенно прикладных, практических проблем. В итоге главным субъектом научного познания, субъектом производства, оценки и применения научного знания стал не отдельный учёный, а коллективный субъект научного познания, в форме дисциплинарных научных сообществ разной мощности. Сегодня наука превратилась уже в мощную и развитую сферу инновационной деятельности, жёстко связав себя с потребностями развития экономики и материального потенциала общества.

Второй раздел монографии – «Структура науки и научного знания». В его первой главе «Структура науки» С. А. Лебедев анализирует науку как сложную, многомерную и гетерогенную структуру, имеющую как минимум шесть основных измерений: система научного знания, область специфической познавательной деятельности, особый социальный институт, специфическая подсистема культуры и цивилизации, основа инновационной системы общества, специфическая форма жизни и деятельности людей. Функционирование каждого из измерений науки регулируется своим особым набором ценностей.

Так, основными ценностями науки как научного знания являются его определённая, доказательность, полезность, применимость к познанию и преобразованию

объективной реальности, объективная истинность. Реализация этих ценностей возможна только при конструировании учёными знания, которое имеет следующие свойства: объектность, дискурсивность, однозначность, доказательность, проверяемость, общезначимость. Однако, как показывает автор, в разных науках, областях науки и на разных уровнях научного познания эти необходимые свойства научного знания получаются, тем не менее, разными методами и средствами.

Во второй главе данного раздела «Структура научного знания» автор рассматривает вопросы об основных областях научного знания, его уровнях, единицах. Анализирует разные типы диахронной и синхронной научной рациональности. Описывает структуру эмпирического, теоретического и метатеоретического уровней знания, показывая их взаимосвязь, в частности единство естественнонаучного и социально-гуманитарного знания. На этом основании автор выделяет различную структуру научного знания в разных областях науки: в естествознании, в математике, в технических, социальных и гуманитарных науках. Важно отметить, что такой дифференцированный подход к анализу структуры научного знания крайне редко встречается в книгах не только в отечественной, но и в зарубежной методологии науки. Мы считаем такую демаркацию серьёзным вкладом автора в философию и методологию науки.

В третьем разделе монографии «Методы научного познания: уровневая модель» автор выделяет, анализирует и описывает особые кластеры методов познания, присущих каждому из четырёх уровней научного познания (чувственному, эмпирическому, теоретическому и метатеоретическому). Количество и специфика методов познания на каждом из уровней обусловлена особыми целями каждого уровня научно, и особенностями его онтологии. Например, для чувственного уровня научного познания целью является формирование чувственных моделей объектов исследования, его свойств

и отношений. Главную роль здесь играют точность и разрешающая сила научных приборов как посредников между учёным и познаваемой им объективной реальностью. Основными средствами и методами производства (конструирования) учёными чувственных данных об объектах исследования являются научное наблюдение, эксперимент и измерение.

Следующим, более высоким уровнем научного познания является эмпирический уровень. Это уже первый уровень рационального познания в науке, с использованием мышления и языка как средств формирования и закрепления чувственной информации об исследуемом объекте. Его целью является мысленное и языковое моделирование чувственных данных об объекте. Автор выделяет четыре вида, подуровня эмпирического уровня знания. Это: 1) протокольные высказывания, фиксирующие единичные наблюдения с помощью слов и символов естественного или технического (приборного) языка; 2) научные факты как индуктивные обобщения множества протокольных высказываний; 3) гипотезы эмпирических законов, создаваемых на основе применения индукции как обратной дедукции к данному множеству фактов; 4) феноменологические теории как множество эмпирических законов и эмпирических констант путём их объединения с помощью принципов науки. В методологический кластер эмпирического уровня входят следующие средства конструирования знания данного уровня: абстрагирование, научное описание, обобщение, индукция, объяснение и предсказание, эмпирический анализ и синтез, эмпирическая классификация, физическое моделирование, аналогия, экстраполяция, эмпирическое подтверждение и опровержение. Предложенный автором уровневый подход к анализу структуры научного знания – это достаточно нестандартный подход в работах по философии и методологии науки, но он специфичен именно для работ С. А. Лебедева. А его высокая эвристич-

ность и логичность отлично подтверждаются самим автором.

Далее автор разбирает теоретический уровень научного познания и его методы. Анализируя онтологию научной теории, он считает, что основными единицами теоретической реальности являются идеальные объекты, их свойства и отношения, а также конструируемые из них различные системы теоретической реальности. В кластер методов теоретического уровня научного познания входят следующие средства конструирования и обоснования теоретического знания: дедуктивно-аксиоматический метод, генетически-конструктивный метод, мысленный эксперимент, метод математической гипотезы, метод симметрий, метод принципов, метод рациональной реконструкции, метод восхождения от абстрактного к конкретному, диалектический метод. Представления С. А. Лебедева о природе теоретического знания, его различных структурных единицах, методах их конструирования и обоснования являются в высшей степени оригинальными и подкреплены великолепно подобранным историческим и фактическим материалом.

Особый интерес представляет вопрос о статусе метатеоретического уровня научного знания, его структуре и методах. Этот вопрос пока слабо разработан как в отечественной, так и в мировой философской литературе. Поэтому глава монографии «Методы метатеоретического уровня познания» вызывает особый и повышенный интерес. Именно этот уровень завершает структуру научного знания любой из наук, где начинается непосредственный контакт конкретно-научного знания с философским знанием. Согласно автору, собственным предметом метатеоретического уровня знания являются существующие и возможные научные теории, а целью – их анализ и обоснование с позиций следующих необходимых к ним требованиям: логическая непротиворечивость, полнота, доказуемость, истинность, полезность, практическая применимость. Ясно, что в самой науке данной проблематикой интересуется относительно небольшое число

учёных по сравнению с количеством учёных, занимающихся конструированием, обоснованием и легитимизацией всех других уровней научного познания, особенно чувственного и эмпирического знания, поскольку они имеют непосредственную связь с объективной реальностью, а потому только через них возможно практическое применение научного знания. К структурным единицам собственно мета-теоретического уровня знания автор относит следующие: парадигмальные научные теории, общенаучное знание (научные картины мира, а также идеалы и нормы научного исследования) и философские основания науки. В кластер методов мета-теоретического уровня научного познания он включает следующие: метод логического анализа и обоснования научных теорий, метод парадигмального обоснования научных теорий, метод общенаучного обоснования научных теорий, а также метод философского обоснования научных теорий. Философское знание, будучи не опытным как по происхождению, так и по содержанию, тем не менее близко науке, т. к. является таким же рациональным, как и конкретно-научное знание, но только более и даже предельно общим по сравнению с ним. Разработанная автором концепция метатеоретического уровня научного познания является не только принципиально новой в науке, но и обоснована огромным массивом научного знания.

В главе «Философские основания науки: структура и функции» автор рассматривает философские основания науки. Он понимает их как множество философских высказываний, концепций, всеобщих категорий, которые используют учёные при построении и обосновании научного знания. Сюда входит мировоззрение учёных, их представления о мире, обществе, человеке и познании. Это также онтологические, гносеологические, социальные, культурологические, практические, аксиологические и антропологические взгляды учёных. Основными потребностями и целями использования учёными философских оснований науки являются сле-

дующие: 1) дедуктивное обоснование с их помощью аксиом, принципов и законов фундаментальных научных теорий (как дополнение к их эмпирическому и индуктивному обоснованию); 2) философская интерпретация содержания научного знания; 3) обеспечение взаимосвязи науки и философии как важнейших областей культуры; 4) подключение к науке и научному познанию творческого ресурса философского мышления и знания; 5) трансляция с помощью философии содержания научного знания в общество для его усвоения, признания и легитимизации.

Четвёртый раздел «Научная истина и её критерии» включает в себя анализ научной истины, её сущности и структуры. Автор фиксирует основные исторически сложившиеся концепции истины, анализирует концепции природы научной истины с позиций рационализма, эмпиризма, априорно-апостериорной и консенсуальной позиций. Он считает, что среди всех концепций истины наиболее значимой и востребованной среди учёных по-прежнему остаётся корреспондентская концепция, согласно которой истина понимается как тождество содержания знания с объективной реальностью. Для современного понимания корреспондентской концепции истины и реальных возможностей её применения в науке С. А. Лебедев предлагает ввести в философию научного познания категорию *когнитивная система отсчёта*, рассматривая её как аналог понятия *система отсчёта в физике*. Когнитивная система отсчёта представляет собой фиксацию принципиально не устранимой в любой познавательной ситуации определённой познавательной оптики. Её применение может быть как сознательным, так и бессознательным, но в любом случае в процессе познания всегда будет действовать доказанный всей историей науки принцип: без предпосылочного знания познания в науке не бывает. Именно поэтому в науке возможна и всегда существует только относительная, условная, но не категорическая истина. Именно поэтому современная методологическая культура требует от учё-

ного осознания и фиксации той когнитивной системы, той познавательной оптики, с позиций которой он собирается исследовать ту или иную ситуацию. В содержание когнитивной системы отчёта может войти разный контент, но это обязательно фиксация следующих элементов: познавательной и практической установки исследователя (его цели и интересы), внешних условий познания, предполагаемого к использованию объёма знания, и, прежде всего, научного. Предложенный автором концепт *когнитивная система отчёта* является новаторской идеей, также обладающей, на наш взгляд, достаточно большой степенью эвристичности.

Очень большой интерес вызывают анализ автором темы «Плюрализм научных истин и их критериев» и предлагаемые им решения. Основная идея автора состоит в том, что структура научного знания, содержание его различных областей, уровней и видов настолько качественно разнообразно, что универсальный критерий истинности в науке вряд ли возможен, тем более что на сегодняшний день все подобного рода попытки, предложенные как учёными, так и философами, потерпели полный провал. Столь же несостоятельной оказалась и связанная с верой в существование универсального критерия истинности научного знания попытка философов и учёных найти некий всеобщий и универсальный метод научного познания. Начнём с анализа главы «Истинность чувственного и эмпирического знания в науке» – тема новая и не избитая в литературе. Критерием истинности чувственного знания автор полагает норму человеческого восприятия, а для восприятия символического, формального знания таким критерием является глобальная чувственная интуиция (конструктивизм и интуиционизм в математике). Как уже отмечалось, основными структурными единицами эмпирического знания автор считает протокольные предложения, научные факты, эмпирические законы и феноменологические теории. Далее он предлагает критерий истинности для каждого из

этих элементов. Согласно С. А. Лебедеву, критерием истинности протокольного предложения является соответствие единичных протокольных высказываний чувственному восприятию исследователя или показаниям научных приборов. Очевидно, что установление тождества содержания единичного протокольного высказывания с содержанием соответствующего чувственного восприятия может иметь только конвенциональный характер. Критерием же истинности научного факта является уже логический критерий, а именно правдивость логического обобщения множества протокольных предложений. Но при этом сами логические правила имеют сугубо конвенциональный характер. Об этом прекрасно свидетельствует вся история логики и особенно её современный этап, на котором логиками было построено большое количество альтернативных логических систем. Критерий истинности эмпирических законов уже значительно более сложен, чем критерий истинности фактов. Он включает следующие требования к истинности эмпирических законов: 1) их соответствие эмпирическим фактам, признанных научным сообществом в качестве истинных; 2) отсутствие противоречия данного закона другим эмпирическим законам, признанным научным сообществом в качестве истинных; 3) достаточно хорошую объяснительную и предсказательную силу эмпирического закона; 4) демонстрацию возможности его выведения в качестве следствия одной из научных теорий. Критерий истинности феноменологической теории ещё более сложен. Он включает в себя следующие требования: 1) обоснование логической непротиворечивости теории; 2) демонстрацию её существенной объяснительной и предсказательной силы; 3) дедуктивную и конструктивную взаимосвязь высказываний теории, что делает её целостной; 4) доказательство её непротиворечивости по отношению к другим феноменологическим теориям, принятым научным сообществом в качестве истинных; 5) выводимость данной феноменологической теории в каче-

стве одной из эмпирических интерпретаций трансцендентальной научной теории.

Предложенный автором подход к решению проблемы истинности научного знания представляется нам не только новаторским, но и исключительно полезным и прагматичным для учёных, ведущих реальную исследовательскую деятельность.

В главе «Истинность теоретического уровня знания» автор рассматривает основные структурные единицы теоретического знания и исследует отдельно истинность различных его единиц: аксиом и теорем, научной теории в целом, истинность частных и общих теорий. Главным условием истинности научной теории является, согласно С. А. Лебедеву, правильность её построения. Критерием же истинности частных теорий является их дедуктивное выведение из более общих научных теорий.

Фундаментально новым в литературе по философии и методологии науки является содержание главы «Истинность метатеоретического уровня научного знания». В структуру метатеоретического уровня научного знания входят, согласно автору, следующие элементы: парадигмальные теории, научные картины мира, идеалы и нормы научного познания, философские основания науки.

Критериями истинности парадигмальных теорий являются, согласно автору, следующие требования: непротиворечивость, простота содержания основных понятий и принципов, контролируемая правильность построения, их значительная объяснительная и предсказательная сила, их теоретическая плодотворность в развитии научного знания и его практических приложениях.

Критериями истинности научно-научной картины мира служат её объяснительная, конструктивная и синтетическая плодотворность, внутренняя непротиворечивость и согласованность с общенаучной картиной мира, а также мировоззренческая значимость.

Критерием истинности общенаучной картины мира является её соответствие следующим требованиям: её предельно общей онтологии; внутренней непротиворечивости, соответствия с основной частью парадигмальных теорий и научно-научными картинами мира в разных областях науки; большой эвристической силе; опоре на рациональные философские онтологии; мировоззренческой и общекультурной значимости.

В пятом разделе «Развитие науки и научного знания» автор выделяет и реконструирует содержание основных культурно-исторических типов науки: античную науку, средневековую науку, классическую науку, неклассическую науку и современную постнеклассическую науку. Здесь же им подробно анализируются содержание и философские основания основных моделей развития науки и динамики научного знания (интернализм, экстернализм, кумулятивизм, антикумулятивизм), показываются их возможности и границы с точки зрения соответствия истории реальной науки. Наиболее перспективной в этом отношении автор считает концепцию диалектического единства внутринаучных и социокультурных факторов в развитии науки и научного знания.

В шестом разделе «Основные концепции философии и методологии науки» автор анализирует содержание, возможности и ограниченность в применении к реальной науке основных концепций, разработанных в истории философии. В классической методологии науки это априорно-рационалистическая, эмпирико-индуктивистская и гипотетико-дедуктивная концепции научного познания; а в эпистемологии это кантовская, гегелевская, неокантианская и феноменологическая концепции. Существенное место в книге отведено критическому анализу содержания и возможностей позитивистской философии и методологии науки на всех этапах её эволюции, включая постпозитивизм. Большим достоинством проведённого С. А. Лебедевым анализа истории философии и методологии науки является

анализ современных концепций в этой области философского знания: социальный и культурно-исторический анализ науки, а также гуманитарная парадигма, разрабатываемая представителями постструктурализма и постмодернизма.

В качестве альтернативы рассмотренным выше концепциям философии и методологии науки автор развивает собственную теорию, которую он называет позитивно-диалектической философией науки. Вот её восемь аксиом: 1) необходим системный подход к решению проблем научной рациональности и демаркации научного знания; 2) научно-познавательная деятельность имеет принципиально социальный характер; 3) научное знание представляет собой суперсложную и плюралистическую по своему содержанию систему видов, областей, уровней и единиц научной информации; 4) в зависимости от содержания объекта познания и уровня его познания в науке используются различные способы и средства их представления и описания; 5) научное познание детерминировано не только исследуемым объектом, но и наличной культурой и обществом, как необходимыми условиями своего осуществления; 6) развитие научного знания подчиняется общим законам эволюции любой системы, когда этапы их эволюционной динамики сменяют периодами научных революций; 7) процесс научного познания на всех этапах и уровнях имеет принципиально конструктивный характер по созданию и обоснованию всех единиц научного знания; 8) важнейшим видом познания и необходимым условием успешного функционирования и развития научного знания является философская

рефлексия над наукой, её структурой, содержанием и динамикой.

Рецензируемая монография С. А. Лебедева «Философия и методология науки» является очень серьёзной вехой в истории отечественной философии. Это поистине энциклопедия современной философии и методологии науки, объединяющей в себе колоссальный исторический, фактологический и теоретический материал. В работе много нестандартных оригинальных подходов, что должно сделать её особенно привлекательной не только для специалистов в данной области, но и для самого широкого круга читателей.

Данная монография носит поистине универсальный характер: она может быть использована и как пособие для учёных, занятых реальной научной деятельностью во всех областях знания, и для преподавания философии, подготовки курсов лекций и по истории философии, основному курсу, для лекций по истории и философии науки. Она прекрасно подходит и в качестве учебника для студентов, магистрантов и аспирантов всех специальностей, поскольку является, с одной стороны, всеобъемлющей и содержащей в себе все достижения современной науки, а с другой, написана простым, ясным, доходчивым языком, исключительно логично, что обеспечивает ей возможность быть использованной для решения различных научных и учебных задач. Единственное пожелание автору: в последующих переизданиях добавить выводы ко всем разделам. В данном издании они сформулированы не везде, а их наличие может существенно облегчить подготовку студентов и аспирантов к экзаменам и семинарским занятиям.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ивлев Виталий Юрьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана;
e-mail: vitalijivlev@yandex.ru

Оселедчик Михаил Борисович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана;
e-mail: baul13@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vitaly Yu. Ivlev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Department, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University;

e-mail: vitalijivlev@yandex.ru

Mikhail B. Oseledchik – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University;

e-mail: baul13@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ивлев В. Ю., Оселедчик М. Б. Новая фундаментальная монография по философии науки. Рецензия на книгу: Лебедев С. А. Философия и методология науки. М.: Академический проект, 2021. 626 с. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 4. С. 101–109.

FOR CITATION

Ivlev V. Yu., Oseledchik M. B. A New Fundamental Monograph on the Philosophy of Science. Book Review: Lebedev S. A. Philosophy and Methodology of Science. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2021. 626 p. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2022, no. 4, pp. 101–109.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.philosmgou.ru; www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
2022. № 4

Над номером работали:

Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчик Е. В. Приказчикова
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Глузунов

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайты: www.philosmgou.ru
www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п.л. 7, уч.-изд. л. 9,25.

Подписано в печать: 28.11.2022 г. Дата выхода в свет: 21.12.2022 г. Заказ № 2022/11-08.

Отпечатано в МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А